

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0142-0843

ҚҰҚЫҚ
сериясы
№ 3(79)/2015
Серия
ПРАВО

Шілде–тамыз–қыркүйек
30 қыркүйек 2015 ж.

1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Июль–август–сентябрь
30 сентября 2015 г.

Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГП

Қарагандинский государственный университет
имени академика Е.А.Букетова

Бас редакторы — Главный редактор

Е.К.КУБЕЕВ,

академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора

Х.Б.Омаров, д-р техн. наук

Ответственный секретарь

Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук

Серияның редакция алқасы — Редакционная коллегия серии

Г.З.Кожаметов,	редактор д-р юрид. наук;
Г.С.Стародубцев,	д-р юрид. наук (Россия);
Маркус Августо Малиска,	д-р юрид. наук (Бразилия);
Хавьер Диас Риворио,	д-р юрид. наук (Испания);
Кристиан Цомплак,	д-р юрид. наук (Польша);
К.З.Алимов,	д-р юрид. наук (Узбекистан);
С.К.Амандыкова,	д-р юрид. наук;
М.А.Сарсембаев,	д-р юрид. наук;
О.К.Копабаев,	д-р юрид. наук;
И.Ш.Борчашвили,	д-р юрид. наук;
К.А.Жиренчин,	д-р юрид. наук;
Б.М.Нургалиев,	д-р юрид. наук;
К.А.Бакишев,	д-р юрид. наук;
Г.А.Ильясова,	ответственный секретарь канд. юрид. наук

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Редактор *И.Д.Рожнова*
Техн. редактор *Д.Н.Муртазина*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 29.09.2015 ж. кол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Қағазы офсеттік.
Көлемі 17,25 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 288.

Подписано в печать 29.09.2015 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 17,25 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 288.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

© Карагандинский государственный университет, 2015

Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 13108–Ж от 23.10.2012 г.

МАЗМҰНЫ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ

<i>Цветанов И.</i> 2009/72/ЕО Директивасы мен Болгария Республикасының Энергетика туралы заңы тұрғысында бәсеке-құқықтық сипаттағы кейбір сұрақтарға салыстырмалы талдау	4
<i>Комплек К., Баданова М.</i> Посткеңестік Қазақстандағы саяси тәртіп: алғышарттары және өзгеру ерекшеліктері	15
<i>Мүсілімова Қ.С.</i> Мемлекеттік және қоғамдық қауіпсіздік мәселелері бойынша Қазақстан Республикасының шетелдік мемлекеттер арасындағы халықаралық қатынастарын құқықтық реттеу	19
<i>Божжараұлы А.</i> Көші-қон құқығының қағидалары.....	26
<i>Старожилова Н.П.</i> Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясында шетелдік сот шешімдерін тану және орындалуын құқықтық реттелуіне салыстырмалы талдау	30
<i>Рүстембекова Д.К.</i> Еуропадағы азшылықтар құқықтарының халықаралық стандарттары.....	39

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ

<i>Қожахметов Ф.З., Ботагарин Р.Б.</i> Юзеф Пилсудскийдің Польша мемлекетінің егемендігін қалыптастырудағы мемлекеттік-саяси қызметі.....	45
<i>Аюпова З.К., Құсайынов Д.Ө.</i> Жаһанданудың заманауи тенденциялары және олардың құқық интеграциясындағы ролі	54
<i>Ахметов А.С.</i> Заңдық білім беру құқықтық мәдениетті қалыптастырудың факторы ретінде..	63
<i>Қожахметов Ф.З., Отарбаева А.Т.</i> Заңшығару билігінің бастаулары	70

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Құсбеков Д.К., Машабаев А.Ж.</i> Діни экстремизм мен терроризм — ұлтаралық шиеленістің негізі.....	76
---	----

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ганчевски Б.Г., Жамиева Р.М., Жақытов Б.А.</i> Ювеналдық әділетте кәмелетке толмағандардың девиантты мінез-құлқын талдау	83
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Цветанов И.</i> Сравнительный анализ некоторых вопросов конкурентно-правового характера в контексте Директивы 2009/72/ЕО и Закона об энергетике Республики Болгарии.....	4
<i>Complak K., Badanova M.</i> Political regime in post-soviet Kazakhstan: background and features of transformation.....	15
<i>Мусилимова К.С.</i> Правовое регулирование международных отношений Республики Казахстан с зарубежными государствами по вопросам государственной и общественной безопасности.....	19
<i>Bozhkarauly A.</i> Principles of migratory right.....	26
<i>Starozhilova N.P.</i> Comparative analysis of the legal regulation of recognition and enforcement of foreign judgments in Republic of Kazakhstan and Russian Federation	30
<i>Rustembekova D.K.</i> The international standards of the rights of minorities in Europe.....	39

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Kozhakhmetov G.Z., Botagarin R.B.</i> Józef Pilsudski's state and political activity in the formation of sovereign state in Poland.....	45
<i>Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.</i> Современные тенденции глобализации и ее роль в интеграции права	54
<i>Ахметов А.С.</i> Юридическое образование как фактор формирования правовой культуры	63
<i>Қожахметов Ф.З., Отарбаева А.Т.</i> Истоки законодательной власти.....	70

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Kusbekov D.K., Mashabayev A.Zh.</i> The religious extremism and terrorism is the basis of inter-ethnic tensions.....	76
---	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ганчевски Б.Г., Жамиева Р.М., Жакупов Б.А.</i> Анализ девиантного поведения несовершеннолетних в ювенальной юстиции.....	83
---	----

Сайтбеков А.М., Кондратьев И.В. Ұйымдасқан қылмыстылықпен күресудегі сараптама-лық бағдарламаларды пайдаланудың мүмкіндіктері 90

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС

Раззақ Н. Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен мүдделерін қорғау: конвенциялық тетік..... 97

Әкімжанова М.Т., Ілиясова Г.А. Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша көліктік шарттардың ұғымы және жіктелуі 104

Балтабаев С.А. Қазақстан Республикасында шетелдіктердің бала асырап алуының кейбір мәселелері..... 108

Мүлкібаева Ш.Р., Ілиясова Г.А. Азаматтық құқықтағы заңды тұлға теориясы: ұғымы және мәнісі..... 114

Раззақ Н. Қазақстан Республикасында кәмелетке толмағандардың істері жөніндегі комиссия: құқықтық негізі, міндеттері және қызметінің тиімділігі 122

ЖАС ҒАЛЫМ МІНБЕСІ

Кенжетәев Ч.Д. Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалды кодексіндегі кінәсін мойындап келу алдын ала тергеуді бастауға себеп ретінде (түсіну мәселелері) 129

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР 136

Сайтбеков А.М., Кондратьев И.В. Возможности использования аналитических программ в борьбе с организованной преступностью 90

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Раззақ Н. Защита прав и интересов несовершеннолетних: конвенционный механизм.... 97

Akimzhanova M.T., Ilyassova G.A. The concept and classification of transport contracts under the Republic of Kazakhstan legislation 104

Балтабаев С.А. Некоторые проблемы усыновления детей иностранцами в Республике Казахстан..... 108

Mulkubaeva Sh.R., Ilyassova G.A. The theory of the legal entity in civil law: concept and value 114

Раззақ Н. Комиссии по делам несовершеннолетних в Республике Казахстан: правовая основа, задачи и эффективность деятельности 122

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Кенжетәев Ч.Д. Явка с повинной как повод к началу досудебного расследования в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (проблемы понимания) 129

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 136

УДК 340.130.53 (497.2)

И.Цветанов

*Юго-Западный университет «Неофит Рильский», Благоевград, Болгария
(E-mail: ivanbivanov@abv.bg)*

Сравнительный анализ некоторых вопросов конкурентно-правового характера в контексте Директивы 2009/72/ЕО и Закона об энергетике Республики Болгария

В статье исследуются некоторые вопросы конкурентно-правового характера в области европейской электроэнергетики. Указываются предпочтения Европейского союза при их разрешении, которые нашли свое отражение в Директиве 2009/72/ЕО. Эти же вопросы в сравнительном анализе сопоставляются с положениями Закона об энергетике Республики Болгария.

Ключевые слова: электроэнергетика, конкуренция, Третий энергетический пакет, вертикальная интеграция, отделение собственности, независимый системный оператор.

В XXI в., бесспорным является обстоятельство, что энергия представляет основную жизненную силу человечества. Сегодня с трудом можем себе представить нашу жизнь без энергии и, в частности, без наличия электрической энергии. Очень много трудностей проистекают, однако, от того, что мы сталкиваемся со все более увеличивающимися энергетическими потребностями при все более уменьшающихся и неэффективно используемых энергетических ресурсов в условиях энергоемкой экономики. Все это, как и увеличенное потребление энергии, со своей стороны создает ряд проблем для климата планеты.

Это вкратце резюмированные основные причины, из-за которых в начале 2007 г. Европейская комиссия (ЕК) в своем сообщении, озаглавленном «Энергетическая политика для Европы» [1], визирует три ведущие цели энергетической политики Европейского союза (ЕС) [2; 61–65] — устойчивость, безопасность/надежность/ (поставок)¹ и конкурентоспособность² [3; 69–76, 4; 420–428]. Эти цели тесно связаны и взаимно дополняются. Например, конкурентные рынки дают позитивные сигналы для инвестиций, а инвестиционная активность в этом секторе довела бы до надежности поставок самым целесообразным с экономической точки зрения образом. В то же время рыночные силы обязывают европейских операторов использовать самые целесообразные с экономической точки зрения производственные методы, что может сыграть роль благоприятного фактора для устойчивости, естественно, при наличии подходящей регуляторной рамки. Одновременно с этим потребители могли бы выбирать между различными поставщиками и различными договорными схемами и, таким образом, уменьшить свои расходы на электроэнергию, а конкурентные цены,

¹ Надежность поставок энергии понимается европейским законодателем и как основной элемент общественной безопасности вообще. По причине большого значения сектора передающих систем электроэнергии для всего ЕС и во избежание каких-либо угроз общественному порядку и общественной безопасности в Союзе, в Директиве 2009/72/ЕО ставится акцент на необходимость дополнительных защитных мер по сохранению надежности поставок энергии для ЕС.

² Эти цели энергетической политики могут быть выведены и из Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), а также из Стратегии разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста «Европа 2020».

отражающие действительный уровень расходов на производство этого специфического продукта, окажут помощь в повышении энергетической эффективности.

Достижение поставленных целей предполагает создание открытых для конкуренции энергетических рынков, совокупность которых образовала бы единый европейский энергетический рынок [5; 7, 6; 190]. Эффективно функционирующие энергетические рынки могли бы гарантировать надежные поставки по конкурентным ценам, которые могут обеспечить рост и условия для повышения благосостояния потребителей в Европе [7; 16–45].

Именно по этой причине благодаря Второму энергетическому пакету¹ было положено начало процессу либерализации внутреннего энергетического рынка.

Идентификация конкурентно-правовых вопросов

В период с 2005 по 2007 гг. Европейская комиссия (ЕК) произвела анализ европейских отраслей электроэнергетики и природного газа², целью которого было определить те области, в которых конкуренция все еще недостаточно хорошо функционирует, а также идентифицировать существующие проблемы и необходимые меры по их преодолению, чтобы можно было успешно осуществить либерализацию в отрасли. Основные проблемы в области электроэнергетики, как и меры по их преодолению, которые анализ ЕК выделяет, можно обобщить.

➤ На уровне продаж оптом *рынки газа и электроэнергии имеют высокую степень концентрации*, что позволяет использовать рыночную мощь. При электроэнергетике это делается главным образом производителями, респективно — поставщиками с длинными позициями³, которые в большинстве случаев были естественными монополистами до либерализации⁴ [8; 350, 9; 548]. Как возможная мера по преодолению этих проблем, намечено недопущение или предотвращение нарушения конкурентной структуры соответствующих рынков через использование инструментов Регламента о слияниях⁵, программ для прекращения энергетических поставок и даже структурных мер в случаях, когда, не являясь достаточными или были бы более тяжкими соответствующие поведенческие меры, адресованные к соответствующим предприятиям со стороны регулирующих органов.

¹ Второй энергетический пакет состоит из Директивы 2003/54/ЕО Европейского парламента и Совета от 26 июня 2003 г. об общих правилах внутреннего рынка электроэнергетики, отменяющей Директиву 96/92/ЕО, [2004], OJ, L 176/37, Директиву 2003/55/ЕО Европейского парламента и Совета от 26 июня 2003 г. об общих правилах внутреннего рынка природного газа и Директивы 98/30/ЕО, [2004], OJ, L 176/57, Регламент (ЕО) № 1228/2003 Европейского парламента и Совета от 26 июня 2003 г. об условиях доступа к сети для трансграничного обмена электроэнергией, [2003], OJ, L 176/1 и Регламент (ЕО) № 1775/2005 Европейского парламента и Совета от 28 сентября 2005 г. об условиях доступа к системам транспортировки природного газа, [2005], OJ, L 289/1.

² См. Communication from the Commission - Inquiry pursuant to Article 17 of Regulation (EC) № 1/2003 into the European gas and electricity sectors (Final Report), COM (2006) 851, а также и Commission staff working document accompanying the Communication from the Commission - Inquiry pursuant to Article 17 of Regulation (EC) № 1/2003 into the European gas and electricity sectors (Final Report), SEC (2006) 1724.

³ Это поставщики, которые производят больше того, что перепродают.

⁴ Энергетическая отрасль традиционно относится к так называемым «естественным монополиям» в экономике. Первоначально понятие «естественная монополия» использовалось для обозначения установления контроля над использованием природных (естественных) ресурсов. Впоследствии, после Второй мировой войны, концепция о естественных монополиях получила новое содержание, с учетом быстрого развития различных инфраструктурных отраслей экономики, таких как электроснабжение, водоснабжение, железные дороги и пр. Сооружение и эксплуатация таких инфраструктур требовали вложения значительных по размеру инвестиций, большая часть которых была из категории невозвращаемых. Сообразно этому дублирование уже сооруженных инфраструктурных объектов оказывалось или объективно невозможным, или экономически необоснованным. Это обстоятельство послужило изменению содержания понятия «естественная монополия», «естественными монополистами» стали обозначать предприятия, имеющие или контролирующие доступ к построенным сооружениям.

⁵ Регламент (ЕО) № 139/2004 Совета от 20 января 2004 г. о контроле над концентрациями предприятий (регламент о слияниях ЕО), [2004], OJ, L 24/1.

➤ *Вертикальное ограничение доступа к рынкам* — согласно ЕК, вопреки распоряжениям, относящимся к разделению сетей от поставок¹, очень часто вступающие на рынок предприятия не располагают эффективным доступом к системам (электропередающим и/или электрораспределительным), которыми, как правило, владеют или которые контролируют исторические операторы. Как вероятная причина этого, подчеркивается предположение, что операторы соответствующей сети/инфраструктуры относятся благосклонно к связанным с ними предприятиям, по сравнению с другими предприятиями. То есть налицо один прочный системный конфликт интересов, который характерен для вертикальной интеграции деятельности в электроэнергетике². Результатом этого конфликта обыкновенно являются дискриминация и отсутствие инвестиций в инфраструктуру. Как форма вертикального ограничения доступа к рынку указываются и интеграция производство/импорт, и интересы к поставкам в рамках одного и того же (хозяйственного) объединения. Как эффективное и экономически обоснованное средство по преодолению вертикального ограничения доступа с целью обеспечения выбора для энергетических

¹ В области энергетики ЕК неоднократно констатировала, что при эффективном разделении деятельности по производству и поставке от эксплуатации соответствующих сетей (когда оператор сети является частью вертикальной интеграции предприятия (ВИП) возникает три группы проблем. Первая — оператор может облагодетельствовать связанные с ним предприятия, в отличие от третьих конкурентных сторон, насколько интегрированные общества могут использовать активы сети, чтобы затруднить доступ конкурентам. Как причину этого Комиссия выделяет, что правовое и функциональное разделение не разрешает основного конфликта интересов в интегрированных обществах, при котором связанные с поставками и производством стороны стремятся максимализировать свои продажи и рыночную долю, в то время как оператор сети должен предлагать недискриминационный доступ всем конкурентам. Согласно ЕК этот конфликт интересов почти невозможно контролировать регулирующими мерами, так как невозможно проследить независимость оператора передающей системы в рамках одного интегрированного общества, без необходимости прибегать к исключительно тяжелому и медленному регулированию. Вторая — Комиссия соглашается, что в соответствии с существующими правилами разделения недискриминационный доступ к информации не может быть гарантирован, так как не существует эффективного способа, чтобы операторы передающих систем были застрахованы от сообщения чувствительной торговой информации филиалам о производстве или поставках интегрированного общества. Третья — Комиссия констатирует, что при такой ситуации инвестиционные стимулы в рамках одного интегрированного общества деформированы, так как у вертикально интегрированных операторов сети нет стимулов развивать соответствующую сеть в интересах рынка, чтобы облегчить, таким образом, доступ новым предприятиям. Совсем наоборот, в их интересах ограничить новые инвестиции, чтобы ими не воспользовались их конкуренты, тогда бы они усилили конкуренцию утвержденного лидера на его «национальном рынке». Согласно Комиссии вместо этого инвестиционные решения, принятые вертикально интегрированными предприятиями, обыкновенно являются пристрастными к нуждам связанных с ними предприятий по поставке, и они совсем не склонны увеличить межсистемную мощность или мощность для импорта и таким образом усилить конкуренцию на национальном рынке утвержденного лидера, что наносит ущерб единому европейскому рынку.

В результате этих констатаций ЕК считает, что необходимо более эффективное разделение операторов передающих/распределительных сетей и систем, и подчеркивает, что предпочтительный ею вариант такого разделения — *разделение собственности*, при котором необходимо гарантировать, что одно и то же лицо или одни и те же лица не могут контролировать предприятие по поставке, если одновременно с этим имеют какие-либо интересы или используют какие-либо права над передающей/распределительной системой или над оператором передающей/распределительной системы. Вопреки этому она допускает возможность и альтернативной опции, известной как «*независимый оператор системы*», которая позволяет вертикально интегрированным предприятиям сохранить в собственности свои сетевые активы, но требует, чтобы сама передающая/распределительная сеть управлялась независимым оператором системы — предприятием или органом, полностью отделенным от вертикально интегрированного предприятия, который исполняет все функции оператора сети. В дополнение, чтобы гарантировать, что этот оператор остается и действует совсем независимо от вертикально интегрированного предприятия, за его деятельностью необходимо осуществлять постоянное регулирующее наблюдение.

² В связи с обособлением рынков в электроэнергетике надо иметь в виду, что электрическая энергия представляет собой вторичный энергетический продукт, который получается через переработку содержащихся в природе энергоносителей. Между тем она может быть определена и как особый вид энергетического продукта (из-за присущей ей возможности преобразовываться в различные энергетические состояния), который находит широкое применение почти во всех сферах экономики, коммунальной области и домохозяйствах.

Процесс от производства до доставки этого продукта крайнему потребителю вертикально структурирован, и он охватывает следующие виды деятельности:

- производство — осуществляется в электростанциях путем использования и переработки различных первичных энергоносителей (угля, нефти, природного газа, ветра, энергии Солнца и пр.);
- передача — представляет транспортировку электрической энергии с помощью электропередающей сети;
- распределение — представляет собой транспортировку электрической энергии с помощью распределительных сетей, принадлежащих распределительным предприятиям или эксплуатируемых ими;
- поставка — включает процессы торговли и поставки энергии как продукта конечным потребителям.

Каждый из этих процессов на практике формирует самостоятельный продуктовый рынок в рамках общего рынка электрической энергии.

потребителей и для поощрения инвестиций, ЕК визирует *полное разделение собственности* над сетями от конкурентных деятельностей в отрасли (производство и поставка).

➤ *Затрудненная интеграция единого европейского энергетического рынка*, обусловленная недостаточностью или вообще отсутствием трансграничной мощности. Возможная мера предотвращения ограничений доступа к этому рынку — анализ эффекта долгосрочных договоров от периода до либерализации и их совместимости с правилами конкуренции, а мера предотвращения распределения рынка — борьба с тайными картельными соглашениями.

➤ *Отсутствие или недостаточная информационная прозрачность*. Как общепризнанная мера преодоления этой слабости отмечается, что доступ к рыночной информации должен быть улучшен через ввод требования для регулярного и своевременного публикования всей актуальной информации о рынке.

➤ *Необходимость более эффективного и более прозрачного ценообразования*. Так как при расследовании констатируется, что в некоторых государствах-членах регулированные тарифы довели до обратного эффекта в развитии конкурентных рынков (так как они слишком низкие против рыночных цен и охватывают большую часть рынка), то для преодоления этой слабости рекомендуется сделать оценку влияния остальных регулированных тарифов поставки на развитие конкуренции и устранить недостатки. Для рыночного сегмента, охватывающего домашние хозяйства, рекомендуется найти подходящий баланс между конкуренцией и универсальной задолженностью общественных услуг.

Положения Директивы 2009/72/ЕО

С принятием в 2009 г. Третьего энергетического пакета¹ наступает новый этап в осуществлении энергетической политики ЕС. Основные моменты, связанные с перечисленными выше проблемами конкурентно-правового характера в области электроэнергетики, над которыми один из актов этого пакета — Директива 2009/72/ЕО² — расставляет свои акценты.

➤ В связи с *высокой степенью концентрации рынков и вертикального ограничения доступа к ним* Директива предусматривает три основные модели эффективного разделения производства и поставок электроэнергии от собственности над передающими сетями:

1) *разделение собственности (Ownership Unbundling (OU))* — если государство-член предпочтет эту модель, то это бы означало, что все вертикально интегрированные предприятия (ВИП),³ оперирующие на ее географическом рынке, должны будут продать свои сети, передающие природный газ, и электропередающие сети, кому и за какую цену они решат. В этом случае предприятиям, осуществляющим деятельность по производству и поставке, не будет разрешено ни иметь мажоритарную долю в компании-операторе передающей системы, ни использовать право голоса или избирать членов надзорного совета, административного совета или законно представляющих компанию-оператора передающей системы органов;

2) *независимый системный оператор (Independent System Operator (ISO))* — при этой модели ВИП может сохранить свою собственность над сооружениями передающей системы, но оно должно предложить независимую от нее компанию, которая бы имела правомочия принимать и исполнять решения, связанные с эксплуатацией и технической поддержкой сети и с осуществлением инвестиций. Определение этой компании как ISO подлежит одобрению ЕК или соответствующего государства-члена;

¹ Третий энергетический пакет включает в себя: Директиву 2009/72/ЕО Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. относительно общих правил для внутреннего рынка электроэнергии, отменяющую Директиву 2003/54/ЕО, [2009], OJ, L 211/55; Директиву 2009/73/ЕО Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. относительно общих правил для внутреннего рынка природного газа, отменяющую Директиву 2003/55/ЕО, [2009], OJ, L 211/94; Регламент (ЕО) № 713/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г., который основывает Агентство по вопросам сотрудничества регуляторов в сфере энергетики [2009], OJ, L 211/1; Регламент (ЕО) № 714/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об условиях доступа к сетям трансграничных обменов электроэнергией, отменяющий Регламент (ЕО) № 1228/2003, [2009], OJ, L 211/15, и Регламент (ЕО) № 715/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об условиях доступа к сетям транспортировки природного газа, отменяющий Регламент (ЕО) № 1775/2005, [2009], OJ, L 211/36.

² Именуемая далее Директива.

³ Согласно ст. 2, п. 21 Директивы «вертикально интегрированное предприятие» — это электроэнергетическое предприятие или группа электроэнергетических предприятий, для которых одно и то же лицо или лица имеют правомочия прямо или непрямо контролировать. Предприятие или группа предприятий исполняют минимум одну из функций по передаче или распределению и минимум одну из функций по производству или поставке электроэнергии.

3) *независимый оператор передающей сети (Independent Transmission Operator (ITO)* — при этой модели определенная сеть может быть собственностью и эксплуатироваться ВИП. Управление этой сетью, однако, должно быть предоставлено дочернему предприятию, которое должно иметь оперативные полномочия принимать и исполнять — независимо от материнской компании — все необходимые по эксплуатации, технической поддержке и развитию сети финансовые, технические и другие решения. Так, определенный оператор имеет надзорный орган, который может принимать решения, связанные с защитой финансовых интересов материнской компании (такие как, например, решения об одобрении годовых финансовых планов, по определению уровня задолженности и о размере дивидендов, которые распределяются между акционерами), но из этой категории категорически исключены решения в связи с текущей оперативной деятельностью оператора, включая решения по управлению сетью.

➤ В связи с *затрудненной и недостаточной интеграцией единого европейского энергетического рынка* Директива предусматривает:

1) обязанность сотрудничества между государствами-членами, а также между регулирующими органами, с целью интеграции национальных рынков одного или более регионального уровня, как первый шаг к созданию целиком интегрированного и либерализованного внутреннего рынка. В то же время Агентство по сотрудничеству регуляторов энергетики (АСРЭ) должно сотрудничать с национальными регулирующими органами и операторами передающих сетей, чтобы гарантировать согласованность регулирующих рамок между регионами с целью создания единого внутреннего рынка электроэнергии;

2) обязанность оператора какой-либо передающей сети предоставлять оператору какой-либо другой сети, с которой связана его система, достаточную информацию для обеспечения надежной и эффективной эксплуатации, согласованного развития и оперативной совместимости связанной системы;

3) обязанность для государств-членов обеспечить равный и недискриминационный доступ к их передающим и распределительным сетям;

4) условия сооружения и прямого доступа к линиям электропередачи.

➤ В связи с *отсутствием или недостаточной информационной прозрачностью, а также в связи с необходимостью более прозрачного ценообразования* Директива предусматривает:

1) обязанность государств-членов и регулирующих органов гарантировать, что поставщики электроэнергии укажут в счетах или вместе с ними и в рекламных материалах предоставленную конечным потребителям определенную в Директиве как минимальная информация, которая должна быть надежной и национально ясно сопоставимой;

2) обязанность государств-членов гарантировать создание единых точек контакта между потребителями и поставщиками с целью предоставления потребителям всей необходимой информации относительно их прав, действующего законодательства и средств по улаживанию споров между ними и поставщиками;

3) обязанность публично оглашать информацию, необходимую для эффективной конкуренции и эффективного функционирования рынка, без влияния этого на сохранение конфиденциальности чувствительной торговой информации;

4) обязанность электроэнергетических предприятий предоставлять доступ к своим бухгалтерским отчетам национальному регулирующему органу, который, со своей стороны, должен сохранить конфиденциальность полученной чувствительной торговой информации;

5) обязанность аудирования, публикации и сохранения с целью предоставления общественности годовых бухгалтерских отчетов электроэнергетических предприятий;

6) обязанность вести отдельные бухгалтерские отчеты за каждую деятельность по передаче и распределению с целью недопущения дискриминации, перекрестного субсидирования и нарушения конкуренции.

➤ Директива предусматривает, что *каждый национальный регулирующий орган имеет как обязанности, так и полномочия* для разрешения перечисленных выше конкурентно-правовых проблем. Самыми существенными из этих обязанностей (респективно — полномочий) являются следующие:

1) определять или одобрять, в соответствии с прозрачными критериями, тарифы на передачу или распределение или их методики;

2) гарантировать, что нет перекрестного субсидирования между деятельностью по передаче, распределению и поставке;

3) наблюдать уровень прозрачности, включая оптовые цены, и гарантировать, что электроэнергетические предприятия исполняют свои обязанности по обеспечению прозрачности;

4) наблюдать степень и эффективность раскрытия рынка и конкуренции в секторах продажи «оптом» и «в розницу», включая биржи электроэнергии, и отслеживать цены на электроэнергию для бытовых потребителей;

5) следить за любым нарушением или ограничением конкуренции, включая предоставление нужной информации и направлять соответствующие случаи в национальные органы конкуренции;

6) наблюдать случаи, ограничивающие договорные практики, включая клаузы об исключительности, которые могут воспрепятствовать большим небытовым потребителям заключать договора одновременно более чем с одним поставщиком или ограничить их выбор поступить таким образом, и, если это является целесообразным, уведомить национальные органы конкуренции относительно такой практики;

7) публиковать минимум раз в год рекомендации в отношении соответствия цен на поставку со ст. 3 Директивы и, если это является целесообразным, отправлять их органам по защите конкуренции;

8) производить расследования функционирования электроэнергетических рынков, принимать решения и налагать все необходимые и пропорциональные меры для поощрения эффективной конкуренции и гарантирования нормального функционирования рынка. При необходимости регулирующий орган имеет правомочие сотрудничать с национальным органом по защите конкуренции и с регулирующими органами финансовых рынков или с ЕК при проведении расследований, связанных с правом в области конкуренции;

9) налагать эффективные, пропорциональные и запрещающие санкции электроэнергетическим предприятиям, которые не исполняют свои обязанности согласно Директиве, или предлагать компетентному суду наложить такие санкции, которые могут быть размером до 10% годового оборота оператора передающей сети или годового оборота ВИП.

*Положения Закона об энергетике (ЗЭ) Республики Болгария*¹

Вопреки известной задержке и независимо от рекомендаций более радикальных решений по некоторым ключевым вопросам², в июле месяце 2012 г. болгарский законодатель принял Закон об изменении и дополнении Закона об энергетике, с помощью которого в национальном законодательстве Болгарии были взяты требования некоторых актов ЕС, одним из которых была Директива³. Основные моменты, связанные с изложенными выше вопросами конкурентно-правового характера в области электроэнергетики, следуя систематике Директивы, могут быть резюмированы следующим образом:

➤ В связи с *высокой степенью концентрации рынков и вертикального ограничения доступа к ним*, ЗЭ содержит распоряжения:

1) В главе 8а раздела II ЗЭ содержатся требования в отношении *независимого оператора передающей сети (НОП)*, основные из которых могут быть обобщены:

1.1) НОП передающей сети, который является частью ВИП, должно быть акционерное общество с двухступенной системой управления⁴. Управляющий совет (УС) общества принимает оперативные решения, связанные с текущей деятельностью НОП, управлением сетью и деятельностью, необходимой для выполнения 10-летнего плана развития сети. Члены УС являются профессионально, хозяйственно и финансово независимыми от ВИП. Секторный регулирующий орган

¹ Актуальный Закон об энергетике Республики Болгария опубликован в «Государственной газете» (ГГ), № 107 от 09.12.2003 г., а его последнее изменение и дополнение — в №. 66 от 26.07.2013 г. ГГ.

² См.: Commission staff working document: Energy Markets in the European Union in 2011, SWD (2012) 368, pp. 73-78.

³ О некоторых аспектах взаимодействия между ЕС и Болгарией в качестве государства-члена см. подр.: Марин, Н., «Национальные интересы Республики Болгария с учетом ее статуса полноправного члена в Европейском союзе» в ж. «Актуальные проблемы международных отношений» — Годишник кафедры «МПМО» в ЮЗУ им. «Н. Рильского», 2005 г., т. 1.

⁴ Торговый закон Республики Болгария предусматривает две системы управления акционерного общества: одноступенная, при которой общество управляется и представляется советом директоров (избираемый общим собранием акционеров) и двухступенная, при которой общество управляется и представляется управляющим советом, который осуществляет свою деятельность под контролем надзорного совета. Члены управляющего совета избираются надзорным советом, который определяет их вознаграждение и может их заменить в любое время.

в энергетическом секторе — Государственная комиссия по энергетическому и водному регулированию (ГКЭВР)¹ — может возражать против выбора или досрочного освобождения члена УС.

Надзорный совет (НС) имеет право принимать решения, которые могут существенно повлиять на стоимость активов НОП, включая решения, связанные с одобрением годовых финансовых планов, уровень задолженности оператора передающих сетей и обязывающие общее собрание оператора решения относительно размера дивидендов, которые распределяются между акционерами. Его члены избираются общим собранием акционеров общества, и о выборе уведомляется ГКЭВР. Часть членов НС также являются профессионально, хозяйственно и финансово независимыми от ВИП;

1.2) НОП располагает всеми человеческими (не может арендовать и предоставлять персонал из и для других частей ВИП), техническими, физическими и финансовыми ресурсами, необходимыми для исполнения обязанностей по осуществлению деятельности по передаче электрической энергии, и является собственником активов, необходимых для деятельности по передаче электрической энергии, включая передающие сети. У НОП есть собственная идентичность, отдельное местоположение, персонал, использует самостоятельно необходимое ему оборудование, осуществляет правовые, бухгалтерские и информационные услуги;

1.3) НОП может предоставлять услуги на ВИП только при условии, что их предоставление:

- не приведет к дискриминации между различными пользователями сети;
- является доступным для всех пользователей сети при одинаковых условиях и порядке;
- не ограничивает, не нарушает и не воспрепятствует конкуренции в производстве или поставках. НОП обязан не раскрывать информацию, которая представляет торговую тайну, остальным частям интегрированного предприятия, кроме случаев, если это необходимо для заключения торговой сделки;

1.4) НОП использует самостоятельно (в сравнении с какой-либо частью от ВИП, исполняющего деятельность по производству или поставке электроэнергии) системы или оборудование для информационных технологий, помещения и системы безопасности в отношении доступа к ним, а также различных консультантов или внешних исполнителей по системам или оборудованию для информационных технологий и систем безопасности в отношении доступа;

1.5) для НОП осуществляется аудит, не зависимый от аудитора, отличного от аудитора ВИП и предприятий в нем;

1.6) дочерние предприятия ВИП, исполняющие функции по производству или поставке, не имеют прямого или непрямого участия в капитале НОП, так же как и оператор не имеет прямого или непрямого участия в капитале ни в одном дочернем предприятии ВИП, исполняющем функции по производству или поставке, и не может получать дивиденды или другие финансовые вознаграждения от этого дочернего предприятия;

1.7) целостная управленческая структура и устав НОП гарантируют его эффективную независимость. ВИП не определяет прямо или косвенно конкурентное поведение оператора в отношении его текущей деятельности и управления сетью или в отношении деятельности, необходимой для выполнения 10-летнего плана развития сети;

1.8) все торговые и финансовые отношения между ВИП и НОП, включая займы, предоставляемые оператором ВИП предприятию, осуществляются при рыночных условиях. Оператор сохраняет подробную документацию об этих торговых и финансовых отношениях и при требовании предоставляет доступ к ней ГКЭВР.

2) В главе 8а раздела III ЗЭ содержатся основные требования к *независимому системному оператору (НСО)*. Резюмированные кратко, они могут быть обобщены следующим образом:

2.1) при условии, что НОП системно нарушает свои обязанности, связанные с требованиями о независимости или при совершении им системного дискриминационного поведения в пользу ВИП, все или определенные задачи НОП возлагаются на НСО по требованию ГКЭВР. Для НСО определяется лицо, предложенное собственником передающей сети и одобренное ГКЭВР;

2.2) в ЗЭ предусмотрен ряд требований о независимости НСО, ряд обязанностей собственника передающей сети в связи с этой независимостью, а также требования, которые гарантируют, что кандидат-оператор доказал свою способность исполнять обязанности, предусмотренные в Регламенте

¹ Согласно распоряжениям ЗЭ ГКЭВР осуществляет регулирование деятельности в энергетике, водоснабжении и канализации.

(ЕО) № 714/2009 или Регламенте (ЕО) № 715/2009, включая сотрудничество между операторами передающих сетей на европейском и региональном уровне;

2.3) НСО сертифицируется при условиях и в соответствии с порядком, предусмотренным для сертифицирования НОП. Решение по определению НСО подлежит одобрению ЕК и публикуется в «Официальном журнале» ЕС;

2.4) в случаях, когда будет определен НСО, собственник передающей сети должен:

- содействовать ему при исполнении его функций, включая предоставление ему всей необходимой для этого информации;
- финансировать инвестиции, которые НСО решил произвести и которые одобрены ГКЭВР, респективно дать свое согласие, чтобы эти инвестиции были финансированы любой заинтересованной стороной, включая и НСО;
- обеспечивать покрытие ответственности, связанной с активами сети, исключая связанную с деятельностью НСО.

Исполнение этих обязанностей контролируется Комиссией по защите конкуренции (КЗК)¹ в сотрудничестве с ГКЭВР;

2.5) НСО отвечает за обеспечение доступа третьих сторон, включая сбор всех платежей, связанных с передачей, а также эксплуатацию, техническую поддержку и развитие сети и обеспечение ее долгосрочной способности отвечать разумному поиску через инвестиционное планирование.

➤ В связи с затрудненной недостаточной интеграцией единого европейского энергетического рынка ст. 109, пар. 1, п. 3 ЗЭ предусматривает как обязанность национального оператора электропередающей сети² осуществление совместной работы электроэнергетической системы с электроэнергетическими системами других стран в соответствии с международными договорами, а п. 4 этого же распоряжения предусматривает обязанность обеспечить равнопоставленный доступ для передачи электрической энергии при соблюдении требований к качеству и предоставление пользователям сети информации, которая им необходима для эффективного доступа к сети. Подобным образом в ст. 113 ЗЭ предусмотрены обязанности для операторов электрораспределительных сетей обеспечивать равнопоставленный доступ для передачи электрической энергии (при соблюдении требований к качеству), а также равнопоставленность производителей и клиентов, подключенных к сети. Ст. 114 закона, в свою очередь, предусматривает, что операторы электропередающей и электрораспределительных сетей должны сохранять конфиденциальность информации, которая является торговой тайной и была получена при или по поводу исполнения их обязанностей, а также то, что они должны предоставлять информацию относительно их деятельности при условиях равнопоставленности. Ст. 119 ЗЭ предусматривает возможность того, что производители могут снабжать электрической энергией свои филиалы, предприятия и объекты, расположенные на территории страны по сооруженным за их счет прямым электропроводам.

➤ В связи с отсутствием или недостаточностью информационной прозрачности, а также в связи с необходимостью более прозрачного ценообразования закон содержит следующие требования:

1) в ст. 38б ЗЭ, а также в ст. 123, пар. 3 Постановления № 3 о лицензировании деятельности в энергетике (Постановление № 3) предусмотрены обязанности энергетических предприятий предоставлять в фактурах или вместе с ними в информационных материалах и на своих интернет-страницах необходимую и требующуюся сообразно Директиве информацию. Параграф 4 ст. 123 Постановления № 3 предусматривает аналогичную обязанность для лицензиантов, предоставляющих услуги общественного интереса;

2) ст. 38г ЗЭ и ст. 123, пар. 1 Постановления № 3 предусматривают обязанность создания центров для работы с потребителями энергетических услуг, где им будет предоставляться и описанная выше информация;

¹ Комиссия по защите конкуренции является национальным органом по конкуренции (НОК) Республики Болгария, который отвечает за применения права ЕС в области конкуренции на территории Республики Болгария.

² Национальным оператором электроэнергетической системы Республики Болгария является «Электроэнергетический системный оператор» ЕАО. Эта компания осуществляет единое оперативное планирование, координирование и управление электроэнергетической системой Республики Болгария, совместную работу электроэнергетической системы с электроэнергетическими системами других стран, обеспечивает эксплуатацию, техническую поддержку и надежное функционирование электропередающей сети, поддержку вспомогательных сетей, а также ремонтную деятельность и услуги в области энергетики. Она осуществляет транзит электроэнергии по национальной сети и организует рынок электрической энергии в стране.

3) ст. 37 ЗЭ предусматривает, что энергетические предприятия ведут отдельную бухгалтерскую отчетность за каждую деятельность, подлежащую лицензированию согласно закону, лицензионную деятельность и другую деятельность, а также за деятельность при регулируемых и свободно договоренных ценах. Предприятия, которые подлежат независимому финансовому аудиту, представляют ГКЭВР аудиторский доклад о соблюдении правил ведения отдельной бухгалтерской отчетности;

4) согласно ст. 38 ЗЭ все энергетические предприятия должны ежегодно предоставлять ГКЭВР свои годовые финансовые отчеты, включая приложения к ним; годовые аудиторские доклады; отчетную информацию по видам деятельности и информации об активах и расходах по видам клиентов для целей ценообразования. Они должны при требовании из ГКЭВР, КЗК и ЕК предоставить документацию, бухгалтерскую, технико-экономическую и другую информацию, включая информацию о заключенных договорах.

➤ В связи с обязанностями и полномочиями национального регулирующего органа в области электроэнергетики ЗЭ содержит следующие рекомендации:

1) раздел IV главы III улаживает различные полномочия ГКЭВР в связи с ценовым регулированием при заключении перечисленных в законе сделок. Как часть принципов, по которым регулирующий орган должен руководствоваться при ценовом регулировании, в ст. 31 ЗЭ указаны:

- принцип определения цен как недискриминационные, основанные на объективных критериях и определенных прозрачным способом;
- принцип, что цены должны обеспечивать экономически обоснованную норму возвращаемости капитала;
- принцип о недопущении через цены перекрестного субсидирования: 1) между отдельными группами клиентов; 2) между отдельными деятельностью, подлежащими лицензированию согласно ЗЭ, и/или между деятельностью, подлежащими лицензированию согласно ЗЭ, и другие деятельности в случаях ВИП;

2) ст. 19, пар. 3 предусматривает как обязанность ГКЭВР публиковать раз в год рекомендации относительно соответствия цен для продажи общественного поставщика, конечных поставщиков и поставщиков последней инстанции с обязанностями предоставления услуг общественного интереса, включая защиту потребителей энергетических услуг и охрану окружающей среды, и направляет рекомендации КЗК при необходимости;

3) ст. 21, пар. 1, п. 7 ЗЭ предусматривает как обязанность ГКЭВР наблюдать применение всех мер, принятых для исполнения обязанностей по предоставлению услуг общественного интереса, включая защиту пользователей энергетических услуг и охрану окружающей среды, и возможного эффекта при их оказании (при внутренней и международной конкуренции) и информирует ЕК об этих мерах и о всех их изменениях;

4) ст. 21, пар. 1, т. 26 ЗЭ предусматривает обязанность ГКЭВР публиковать годовой доклад о своей деятельности, включая результаты от контроля за недопущением ограничения и нарушения конкуренции энергетических рынков и об их эффективном функционировании, направляя доклад АСРЭ и ЕК;

5) ст. 21, пар. 1, п. 35 предусматривает обязанность ГКЭВР наблюдать степень и эффективность раскрытия рынка и конкуренции в секторах продаж «оптом» и «в розницу» и следить за совместной работой с энергетическими рынками других стран – членов ЕС;

6) ст. 21, пар. 6 предусматривает, что при осуществлении своей деятельности ГКЭВР сотрудничает с КЗК и с Комиссией по защите потребителей (КЗП) и при необходимости может их уведомить с учетом организации производства согласно ЗЗК, соответственно ЗЗП;

7) ст. 23 предусматривает, что при исполнении своих регулирующих полномочий ГКЭВР руководствуется следующими наиболее важными общими принципами:

- поощрение тесного сотрудничества с АСРЭ, регулирующими органами других государств – членов ЕС и с ЕК для развития конкурентного, надежного и устойчивого с экологической точки зрения внутреннего рынка электроэнергии и природного газа в рамках ЕС, а также действительного раскрытия рынка для всех клиентов и поставщиков в ЕС и обеспечения подходящих условий для эффективной и надежной эксплуатации электрических и газовых сетей, имея в виду долгосрочные цели;
- развитие конкурентных и хорошо функционирующих региональных рынков в рамках ЕС;

- предотвращение и недопущение ограничения или нарушения конкуренции энергетического рынка;
- создание стимулов для развития конкурентного рынка для деятельности в энергетике, где существуют условия для этого;

8) ст. 30, пар. 2 ЗЭ предусматривает, что цены на энергию, природный газ и услуги, предоставленные энергетическими предприятиями, не подлежат регулированию ГКЭВР при установлении наличия конкуренции, которая создает предпосылки для свободного договора о ценах при рыночных условиях для соответствующей деятельности в энергетике;

9) ст. 71 ЗЭ предусматривает, что энергетические предприятия по передаче электрической и тепловой энергии и природного газа или по распределению электрической энергии и природного газа, которые обеспечивают услугу общественного интереса и которые имеют господствующее положение на рынке, не воспрепятствуют фактически или юридически исполнению обязанностей, которые на них возложены;

10) ст. 206, пар. 2 ЗЭ предусматривает имущественную санкцию в размере до 10 % от годового оборота оператора, соответственно — от годового оборота ВИП для оператора электропередающей сети, оператора газопередающей сети, комбинированного оператора, который имеет функции оператора передающей сети, или ВИП, который/которое нарушит распоряжения ЗЭ, подзаконных актов по его приложению, общих или индивидуальных административных актов ГКЭВР, правообязывающих решений АСРЭ или условий выданной ему лицензии.

Произведенный выше обзорный анализ указанных конкурентно-правовых проблем в контексте Директивы 2009/72/ЕО и Закона об энергетике дает основание в заключение сформулировать вывод, что актуальное состояние законодательства, посвященного вопросам электроэнергетики, в Республике Болгария соответствует общим европейским правовым и институциональным рамкам, ставящими основным приоритетом в этом секторе завершение создания и последующее развитие единого европейского энергетического рынка. Между тем страна имеет и значительный стратегический, геополитический и географический потенциал, который приносит ей настоящую лидерскую позицию в экспорте и транзите энергии, а также включает в различные региональные энергетические проекты. Все это ясно показывает необходимость правильного понимания взаимодействия между европейскими ценностями и проблемами настоящего дня, что, со своей стороны, представляет одну из гарантий для эффективности при формулировании и отстаивании национальных приоритетов.

Список литературы

- 1 Сообщение Комиссии Европейскому совету и Европейскому парламенту — Энергетическая политика для Европы COM (2007) 1. — [ЭР]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu>
- 2 *Бонева Св.* Энергетическая политика ЕС — состояние и перспективы // *Экономические альтернативы.* — 2008. — № 2. — С. 61–65.
- 3 *Дюлгерова Н.* Энергетический пазл евразийской безопасности // *Международные отношения.* — 2012. — № 1. — С. 69–76.
- 4 *Овчарова Ев.* Стратегические цели и приоритеты энергетической политики Европейского союза // *Научные труды Института государства и права.* Т. VIII / Под общ. ред. проф. д-ра Цветаны Каменовой. — София, 2013. — С. 420–428.
- 5 *Белова Г.* Европейская интеграция. — София, 2008. — 67 с.
- 6 *Савов Е., Марин Н.* Право Европейского союза с учетом Лиссабонского договора. — София, 2009. — 229 с.
- 7 *Белова Г.* Актуальные тенденции в защите прав человека. — София, 2013. — С. 16–45.
- 8 *Waterson M.* Regulation of the Firm and Natural Monopoly (Cambridge (Mass.), Blackwell), 1988, Baumol W., Bailey E., Willig R.D. Weak Invisible Hand Theorems on the Sustainability of Multiproduct Natural Monopoly, 1977, *American Economic Review.* — Vol. 67. — № 3. — P. 350–365.
- 9 *Posner R.A.* Natural Monopoly and Its Regulation, 1969, *Stanford Law Review.* — Vol. 21. — № 3. — P. 548–643.

И.Цветанов

2009/72/ЕО Директивасы мен Болгария Республикасының Энергетика туралы заңы тұрғысында бәсеке-құқықтық сипаттағы кейбір сұрақтарға салыстырмалы талдау

Мақалада еуропалық электр-энергетика саласындағы бәсеке-құқықтық сипаттағы кейбір сұрақтар зерттелді. Бұндай мәселелер бойынша Еуроодақтың 2009/72/ЕО Директивасында қарастырылған Еуроодақтың рұқсатына басымдық берілетіні атап көрсетілді, сондай-ақ осы сұрақтар Болгария Республикасының Энергетика туралы заңының ережелерімен салыстырмалы талдау жүргізіле отырып, қарастырылды.

I.Tsvetanov

The comparative analysis of some questions of competitive and legal character in the context of the Directive 2009/72/EO and the Law about energetics of the Republic of Bulgaria

The article explores some issues concerning competition law in the area of European electric energy. In light of these issues are indicated the preferred EU settlements, specified in Directive 2009/72/EC and they are collated in a comparative analysis with the provisions of the Energy Act of the Republic of Bulgaria.

References

- 1 *The message of the Commission to the Council of Europe and the European parliament — Power policy for Europe COM*, (2007), 1, [ER]. Access mode: <http://eur-lex.europa.eu>.
- 2 Boneva Sv. *Economic alternatives*, 2008, 2, p. 61–65.
- 3 Dyulgerova N. *International relations*, 2012, 1, p. 69–76.
- 4 Ovcharova Ev. *Scientific works of Institute of the state and law*, vol. VIII, Under the general edition of the prof. Dr. Tsvetana Kamenova, Sofia, 2013, p. 420–428.
- 5 Belova G. *European integration*, Sofia, 2008, 67 p.
- 6 Savov E., Marín N. *Law of the European Union taking into account the Treaty of Lisbon*, Sofia, 2009, 229 p.
- 7 Belova G. *Actual tendencies in protection of human rights*, Sofia, 2013, p. 16–45.
- 8 Waterson M. *Regulation of the Firm and Natural Monopoly (Cambridge (Mass.), Blackwell)*, 1988, Baumol W., Bailey E., Willig R.D. Weak Invisible Hand Theorems on the Sustainability of Multiproduct Natural Monopoly, 1977, *American Economic Review*, 67, 3, 350–365.
- 9 Posner R.A. *Natural Monopoly and Its Regulation*, 1969, *Stanford Law Review*, 21, 3, p. 548–643.

K.Complak¹, M.Badanova²

¹Wroclaw University, Poland;

²Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: march_7@mail.ru)

Political regime in post-soviet Kazakhstan: background and features of transformation

This article discusses the formation of the political system of modern Kazakhstan after the collapse of the Soviet Union. Also examines the ideological and theoretical aspects of the political modernization process that is still ongoing. An analysis of gradual political transition in Kazakhstan.

Key words: political system, post-Soviet Kazakhstan, political transformation, Soviet Union.

Political and regime transformation in the post-Soviet space, with more than twenty years of development after the collapse of the Soviet Union in 1991, has recently caused many researchers more and more interest. However, as noted by a number of political scientists studying them is unproductive, because it is faced with a number of theoretical and methodological difficulties. Chief among them is the fact that the political transformation of post-Soviet countries have a greater variability, which is not possible to explain in terms of any kind was a universal theoretical model. No less difficult circumstances is a significant peculiarity of post-Soviet transformation and their outcomes compared with similar processes in other parts of the world.

It is obvious that the study of this problem is impossible without a more thorough analysis of the formation of political systems and regimes of post-Soviet countries, the study of the stages and characteristics of political transformations in individual cases. It seems that the solution to the above problems should be based on an inductive basis. In this regard, the study of political transformations separate independent states of the former Soviet Union in the post-Soviet period, it becomes extremely important.

Deep in the essence of the post-totalitarian countries, which include Kazakhstan, the political transformations are not limited to a simple and gradual overcoming difficulties of unification of political systems, but rather to expand the typological diversity of democracies. It is to this interpretation incline today, many foreign researchers. For example, Huntington, summing up the results peculiar almost two decades' of global democratization 3rd wave, «came to the conclusion that as the assimilation of formal democratic institutions, an increasing number of diverse societies» democracy itself is becoming more differentiated» [1].

Specificity of the phased development of political transition in Kazakhstan connected with the generally accepted assumptions that precede and accompany the deployment of political transition towards democracy in any country. In comparative politics stand «... three basic types of structural conditions of democracy: first, the acquisition of National Unity and the corresponding identity; secondly, achieving a fairly high level of economic development; and thirdly, the mass distribution of cultural norms and values that involve the recognition of democratic principles, the credibility of the main political institutions, interpersonal trust, a sense of citizenship and others».' The data structural conditions due to the influence of certain objective social phenomena, not the subjective intentions and actions of the participants of the political process [2].

Given these structural conditions, it is believed that a more comprehensive definition of the specificity and stages over twenty years of political transformation in Kazakhstan need to identify the institutional and functional conditions that preceded it and accompanied it. On this basis, it is considered justified to begin a phased analysis of the political transition in the country with consideration of interconnected structural, institutional and functional prerequisites for democratization.

At the same time, especially political transit in Kazakhstan does not exclude the presence of some partial analogies that can be traced between it and the classic version of political transformation. In this sense, in all cardinal differences between the Kazakh post-totalitarian transformation from successful southern European and Latin American transitions to democracy, it is in the initial stages of their series are subject to certain constants procedural model of political transition.

The first premise is related to determining the place of Kazakhstan's model of political transition in the overall process «of global democratization». First of all, it should be noted that the assertion of the democratic vector of development of Kazakhstan's political system during the previous ten-year period as a whole,

took place in the general framework of the third wave of democratization that swept a number of post-totalitarian and authoritarian countries in the world. Thus, the transit of Kazakhstan largely deterministic common patterns of global democratization. However, it should be noted that, following in line with some of the general laws of this wave of democratic transitions, Kazakhstan demonstrates its completely certain specifics. This specificity of the Kazakh political transition is not limited to a simple choice of Kazakhstan of its special «third way» towards democracy. It seems to us to be more justified to consider the current transformation of Kazakhstan's political system as one of the options for diversification «of global democratization».

However, after going through the initial stages, despite a number of similarities, Kazakh political transit in many respects moved to a custom algorithm development, which led to its isolated position with respect to not only the classic southern European and Latin American versions of political transformation, but similar processes in the countries of Central and Eastern Europe and a number of CIS countries. Born during the post-totalitarian transformation of Kazakhstan's new socio-political reality it carries a complex fusion of partially overcoming and partially transformed traditions of the past, which leads us to the second definition of the preconditions of political transition in the country.

The second premise is related to the nature of the determinism of political transition in Kazakhstan. It should be noted that political reform in the late 80s and early 90s were mainly due to the external influences associated with the phases of the collapse of the totalitarian system of the Soviet Union and the establishment of the sovereignty of Kazakhstan. As rightly says one of the researchers of Kazakhstan MS Mary, «the latest count of the political process would be logical to maintain since 1985 — the actual beginning of the modernization of post-totalitarian, initially under the communist system» [3].

The third premise is related to the scale of the involvement of various social forces in the process of political transformation. The common denominator, which may indicate a similarity of political modernization in the Soviet Union and perestroika sovereign Kazakhstan, is the fact that reforms were launched in the direction from top to bottom. In other words, from the beginning of systemic transformation Kazakhstan fell into the category of countries where political reforms started in many ways by the political elite.

The fourth assumption is related to the nature of the institutional environment, which preceded the accession of Kazakhstan to the process of political transformation. It should be noted that the end of the 80s. in our country, by and large, it did not have sufficient economic, socio-cultural prerequisites for democratic reforms because of what the holding of the first transformation began almost from scratch. Moreover, the conditions in which Kazakhstan has started to carry out political reform, for the most part, were unfavorable. Recall that the entry of Kazakhstan in the early 90s. the path of systemic transformation occurred in such circumstances, even references which gives us an idea about the whole complexity of the situation at that time.

Firstly, the country experienced a systemic social and economic crisis, the result of which was the collapse of the industry, hyperinflation, sharp declines in living standards;

Secondly, they not form the basis of the market economy as a major economic prerequisites of democracy;

Third, as a result of the collapse of the Soviet Union almost everywhere in the post-Soviet countries has increased the politicization of ethnicity and strained international relations;

Fourth, there was no real political pluralism, multi-party system was not independent media, non-governmental organizations;

Fifth, there was no historical experience of democratic traditions and democratic institutions.

The presence of these complex conditions in the early 90s. It does not indicate that they were not adequately represented by the counter external and internal impulses that stimulate the process of political reforms. I think that they played a decisive role in overcoming obstacles to the gradual transition of Kazakhstan from one stage of political transition to another. At the same time the need for timely decisions interim tactical tasks to upgrade Kazakhstan's society has led to the fact that the process of political change has taken flexible.

The fifth assumption is related to the shape of the transition of Kazakhstan to the political transition. It should be noted that in our country the process of political reforms initially proceeded peacefully, largely indicative of national unity in the country. Largely due to the fact that the collapse of the geopolitical unification, the former Soviet Union, a number of objective and subjective reasons, was inevitable, in the early years of Kazakhstan's sovereignty was able to determine the parameters of the development of its political system.

Pointing to this feature of Kazakhstan's political transition, known Kazakh historian MK Kozybaev writes that, despite the urgency and intensity of the political landscape of the late 80s – early 90s., «... The process of sovereignty proceeded peacefully, without open internal struggle for the supreme powers of manifestation of extreme forms of intolerance, in the absence of external intervention» [4].

Around a similar vein and says A.H. Bizhanov, who writes that «as in most of the CIS countries, the transition to democracy in Kazakhstan was made a peaceful revolution ... It is a predetermined feature of political development in Kazakhstan, where in the first stage (phase) of the change process has been clearly defined the primacy of domestic political changes. The objectives of foreign and defense policy is generally to provide a process of transformation of a favorable external environment» [5].

The sixth assumption is related to the content of the internal political reforms in Kazakhstan. It should be noted that from the beginning of systemic transformation in our country was elected as a way to conduct a comprehensive transformation. In other words, unlike some transit countries, political reforms in Kazakhstan were very closely associated with the forced implementation of market reforms and the choice of optimal state-political structure of the country.

In his annual address to the people of Kazakhstan «New decade — new economic growth — new opportunities of Kazakhstan» voiced by January 29, 2010, the President of the Republic of Kazakhstan approves the consistent political modernization in the context of improvement of the political system of the country [6]. At the same time the appropriate measures were announced to them in the framework of political stability. In this specific direction of political modernization identified in the Strategic Plan of Development of Kazakhstan till 2020, approved by Presidential Decree of 1 February 2010. The document, in particular, it is assumed:

1. to create effective local government institutions and civil society, relevant best international standards;
2. to create a modern, efficient and transparent electoral and party system;
3. to strengthen the role of representative government;
4. to establish mechanisms for a constructive dialogue between the state and civil society, government and business, government and the opposition;
5. to create an effective system of formation and reproduction of the political elite of Kazakhstan;
6. To focus in the public service the best representatives of the people of Kazakhstan.

Such statements show that the government of Kazakhstan continues to adhere to the principle of tactics regarding the consistency of the implementation of political reforms in the medium term [7].

Thus, step by step analysis conducted political transition in Kazakhstan suggests that in recent years in the country as a whole have been significant structural, institutional and functional changes that have consolidated the basic foundations of a democratic social order and a liberal political system.

References

- 1 Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX в. — М.: РОССПЭН, 2003. — 368 с.
- 2 Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. — 1998. — № 2. — С. 6–38.
- 3 Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. — Алматы: ИРК, 2000. — 208 с.
- 4 Козыбаев М.К. Декабрь 1986 года: факты и размышления. — Алматы, 1997. — 43 с.
- 5 Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. — Алматы: Онер, 1997. — 256 с.
- 6 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана». 29 января 2010 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.akorda.kz>.
- 7 «О Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года». Указ Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 года № 922. — [ЭР]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000922_

К.Цомплак, М.Баданова

Посткеңестік Қазақстандағы саяси тәртіп: алғышарттары және өзгеру ерекшеліктері

Мақалада КСРО ыдырығаннан кейін қазіргі Қазақстанның саяси жүйесінің қалыптасу сұрақтары қарастырылған. Сонымен қатар авторлар бүгін жалғасып жатқан саяси үрдісті жетілдірудің теориялық және идеологиялық қырларын зерттеп, Қазақстандағы саяси транзиттің алғышарттарын белгілеген.

К.Цомплак, М.Баданова

Политический режим в постсоветском Казахстане: предпосылки и особенности трансформации

В статье рассматривается формирование политической системы современного Казахстана после распада СССР. Авторами исследуются идеологические и теоретические аспекты политического процесса модернизации, который продолжается до сих пор. Приведены предпосылки политического транзита в Казахстане.

References

- 1 Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the late XX century*, Samuel Huntington, Moscow: ROSSPEN, 2003, 368 p.
- 2 Melville A.Yu. *Polis*, 1998, 2, p. 6–38.
- 3 Mashan M.S. *Kazakhstan's political system: the transformation, adaptation, tseledostizheniya*, Almaty: IRK, 2000, 208 p.
- 4 Kozybaev M.K. *December 1986: facts and reflections*, M.K. Kozybaev, Almaty, 1997, 43 p.
- 5 Bijanov A.X. *The Republic of Kazakhstan: the democratic modernization of society transition*, Almaty: Oner, 1997, 256 p.
- 6 Address by the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to people of Kazakhstan «New decade — new economic growth — new opportunities of Kazakhstan», January 29, 2010, Official site of the President of the Republic of Kazakhstan, [ER]. Access mode: <http://www.akorda.kz>.
- 7 Strategic Plan of Development of Kazakhstan till 2020 (approved by Presidential Decree of Ifevralya 2010 г. № 922), [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000922_

К.С.Муслимова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: karlygash1958@mail.ru)*

Правовое регулирование международных отношений Республики Казахстан с зарубежными государствами по вопросам государственной и общественной безопасности

В статье на основе анализа Законов Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремизму», иных нормативных правовых актов рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования международных отношений Республики Казахстан с зарубежными государствами по вопросам государственной и общественной безопасности.

Ключевые слова: Республика Казахстан, национальная безопасность, борьба с терроризмом и экстремизмом, органы национальной безопасности.

Обретение Республикой Казахстан государственной независимости, признание ее полноправным субъектом международного права поставили перед новым, молодым независимым государством проблему обеспечения собственной национальной безопасности. В Послании Президента Республики Казахстан — Лидера нации Нурсултана Абишевича Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (от 14 декабря 2012 г.) отмечено, что «международная ситуация и геополитическая среда динамично меняются, и не всегда в лучшую сторону. От Северной Африки и Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии протянулась гигантская дуга нестабильности. Претерпевает серьезные изменения баланс сил как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах планеты. Соответственно возрастает роль механизмов региональной безопасности, таких как ООН, ОБСЕ, НАТО, ОДКБ, ШОС, СВМДА и другие. В Центральной Азии появились новые угрозы национальной безопасности» [1]. Таким образом, обеспечение национальной безопасности является важнейшим стратегическим приоритетом развития Казахстана до 2050 г.

В этой связи Республике Казахстан было крайне необходимо, исходя из собственных национальных интересов, четко определить свои позицию и роль в современных международно-правовых отношениях. Система безопасности, созданная во времена Советского Союза, явилась определенной основой для формирования, последующего кардинального реформирования и создания собственной системы национальной безопасности с учетом геополитического положения Республики Казахстан и ее национальных интересов. Безусловно, был учтен и положительный международный опыт в сфере организации и функционирования системы национальной безопасности. Таким образом, Республика Казахстан стала не только равноправным субъектом международного права, но и неотъемлемой частью системы международной безопасности.

Все это обусловило необходимость совершенствования законодательства, в результате чего были приняты Законы Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. № 527-IV [2], «О специальных государственных органах Республики Казахстан» от 13 февраля 2012 г. [3]. На смену прежнему закону пришел Закон Республики Казахстан «О Государственной границе Республики Казахстан» от 16 января 2013 г. № 70-V [4]. В результате изменений и дополнений Закон Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» от 13 января 1999 г. № 416 получил название «О противодействии терроризму» [5]. В части 2 статьи 2 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» установлено, что если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные нормы, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора. Немаловажным аспектом, характеризующим правовую основу обеспечения национальной безопасности, является тот факт, что в ч. 3 ст.2 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» указывается на то, что не допускается заключения международных договоров, способных нанести ущерб национальной безопасности или ведущих к утрате независимости, либо сужающих сферу суверенных прав Республики Казахстан.

Из содержания ст. 25 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» следует, что в целях получения международных гарантий национальной безопасности Республика Казахстан участвует в обеспечении международной (глобальной, региональной) безопасности, составной частью которой является национальная безопасность Казахстана.

Многогранная деятельность Республики Казахстан по обеспечению международной безопасности осуществляется путем:

- 1) участия Казахстана в вопросах формирования глобального миропорядка;
- 2) оптимизации эффективной системы коллективной безопасности в геополитическом окружении Казахстана;
- 3) активного участия в международных организациях и форумах, деятельность которых отвечает интересам национальной безопасности Республики Казахстан;
- 4) присоединения и участия за рубежом в различных мероприятиях, конференциях, направленных на обеспечение национальной безопасности в соответствии с международными договорами Республики Казахстан;
- 5) принятия решений вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности совместно с сопредельными государствами;
- 6) заключения как двусторонних, так и многосторонних международных договоров, отвечающих интересам национальной безопасности Республики Казахстан.

Изложенное выше дает основание для вывода о том, что разработка и принятие специальной законодательной базы и участие Республики Казахстан в международных договорах в целом позволяют регулировать как внутренние, так и внешние аспекты ее национальной безопасности. Вместе с тем позитивная динамика развития внутреннего законодательства Республики Казахстан в сфере национальной безопасности не всегда сопровождается соответствующей тенденцией в сфере международного права. В результате возникших внешних источников, угрожающих национальной безопасности Республики Казахстан, отчетливо выделяется ряд актуальных направлений совершенствования ее обеспечения в международно-правовом аспекте, как-то:

- укрепление систем коллективной безопасности, действующих как в рамках ООН, так и СНГ;
- развертывание с учетом национальных интересов сотрудничества Казахстана с международными организациями;
- дальнейшее развитие и укрепление общеазиатской системы безопасности (СВМДА);
- установление гарантий безопасности Республики Казахстан со стороны ядерных держав;
- обеспечение безопасности Государственной границы Республики Казахстан путем ее делимитации в договорно-правовых отношениях с сопредельными государствами СНГ;
- противодействие терроризму, экстремизму и сепаратизму в любых их формах и проявлениях;
- борьба с незаконным оборотом оружия и наркотических средств.

Таким образом, организационно-правовое решение указанных проблемных аспектов, связанных с внешней национальной безопасностью, позволит обеспечить сохранение государственности и устойчивого развития Республики Казахстан.

Сбалансированность внешнеполитического курса Республики Казахстан неразрывно связана с развитием дружественных и добрососедских отношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющих для Казахстана практический интерес.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость модернизации как внутренней, так и внешней политики Казахстана. Одним из важных приоритетов модернизации внешней политики является всемерное укрепление национальной безопасности.

Национальная безопасность — это понятие, имеющее многогранное значение. Согласно Закону РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» национальная безопасность — это состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства [2]. В соответствии со ст. 4 данного Закона видами национальной безопасности является общественная и политическая безопасность. Общественная безопасность представляет собой состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, духовно-нравственных ценностей казахстанского общества и системы социального обеспечения от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечиваются целостность общества и его стабильность. Политическая безопасность сопряжена с состоянием защищенности основ конституционного строя, деятельности системы государственных

органов и порядка государственного управления от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечиваются соблюдение прав и свобод граждан, социальных групп и баланс их интересов, стабильность, целостность и благоприятное международное положение государства. Таким образом, политическая безопасность — это безопасность государства, государственных институтов.

Одними из серьезных угроз национальной безопасности, возникших в последние годы, являются терроризм и экстремизм. Причем истоки этих явлений, представляющих угрозу, прежде всего, общественной и государственной безопасности Республики Казахстан, исходят извне. Благодаря устойчивому экономическому росту Республики Казахстан, социальной и политической стабильности нашего общества условий для возникновения и распространения терроризма и экстремизма в Республике Казахстан нет. Проникновение идеологии и практики терроризма, как показывает опыт, связано с подрывной деятельностью террористических организаций из-за рубежа. Паутина террористических и экстремистских организаций, имеющих целью посягательство на общественную и государственную безопасность Республики Казахстан, имеет свои центры и штаб-квартиры за рубежом. Решением судебных органов в стране прекращена деятельность целого ряда террористических и экстремистских организаций.

В этих условиях одним из приоритетов внешней политики в обеспечении национальной безопасности является противодействие терроризму и экстремизму в Казахстане. Согласно статье 1 Закона РК «О противодействии терроризму» терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству [5].

Экстремизм, в соответствии со ст. 1 Закона РК «О противодействии экстремизму», — это организация и (или) совершение:

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;
- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

- насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

- разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

- разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм) [6].

Несмотря на определенное сходство, понятия «экстремизм» и «терроризм» различаются. Экстремизм по своему содержанию значительно шире понятия «терроризм», поскольку именно с помощью террора экстремистские организации достигают поставленных политических целей. Терроризм — это глубоко законспирированная деятельность по реализации экстремистских проявлений — агрессивной нетерпимости под прикрытием расовых, националистических и религиозных разногласий. Экстремизм — это действия, направленные на насильственный захват власти и ее удержание, а также на смену конституционного строя различными способами, в том числе и с применением террористических актов [7].

Противодействие терроризму и экстремизму является одним из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности Республики Казахстан. Наша страна решительно осуждает терроризм во всех его формах и проявлениях и выступает за принятие коллективных усилий мирового сообщества по борьбе с ним.

Борьба с терроризмом и экстремизмом предполагает наличие соответствующего правового поля и организационно-правового механизма его исполнения и применения. Внутригосударственная система противодействия терроризму и экстремизму в Республике Казахстан, как уже отмечалось выше, характеризуется, во-первых, наличием соответствующего законодательства, во-вторых, организацией

и функционированием государственных органов Республики Казахстан, среди которых особое место отводится силам обеспечения национальной безопасности, которые представлены:

- 1) специальными государственными органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную деятельность, а также комплекс правовых и организационных мер, направленных на обеспечение безопасности охраняемых лиц и объектов, — Комитетом национальной безопасности, Службой внешней разведки, Службой государственной охраны Республики Казахстан;
- 2) Вооруженными силами, другими войсками и воинскими формированиями РК;
- 3) органами внутренних дел, финансовой полиции, государственной противопожарной службы, таможенными органами и аварийно-спасательными службами [2].

В соответствии с решениями Совета Безопасности ООН в Республике Казахстан налажена система противодействия отмыванию денег и финансированию террористических организаций. В этих целях Республикой Казахстан 28 августа 2009 г. был принят Закон № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» [8]. Этот Закон определил организационно-правовые, правовые основы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма, правовые отношения субъектов финансового мониторинга, уполномоченного органа и других государственных органов Республики Казахстан в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма.

Следует отметить, что кроме государственных структур, в обеспечении национальной безопасности участвуют и граждане Республики Казахстан путем реализации принадлежащих им прав и обязанностей, предусмотренных Конституцией и законами РК. Особенностью нового Закона РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» является тот факт, что в нем закреплены принципы приоритета прав и свобод человека и гражданина, а также соблюдения баланса интересов человека и гражданина, общества и государства, их взаимная ответственность.

На межгосударственном уровне Республика Казахстан является участником целого ряда международных конвенций, договоров, соглашений по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом. В институциональном плане наше государство активно сотрудничает по вопросам противодействия терроризму и экстремизму как в рамках ООН, так и на уровне различных универсальных, региональных, двусторонних международных организаций и объединений (ОДКБ, РАТС ШОС, АТЦ СНГ, СВМДА, ОИС).

Необходимо отметить, что в современном международном праве не закреплено определение международного терроризма. В различных международных документах по вопросу борьбы с терроризмом закреплены признаки состава преступлений, в борьбе с которыми осуществляется сотрудничество по данному вопросу. Основная причина состоит в том, что государства имеют разный подход к оценке актов международного терроризма и экстремизма, используемого некоторыми национально-освободительными и сепаратистскими движениями. Поэтому международная практика пошла по пути заключения ряда конвенций и соглашений, затрагивающих отдельные проявления борьбы с международным терроризмом. Тем не менее международное сообщество стремится к принятию универсальной антитеррористической конвенции. На сегодняшний день эти усилия не привели к успеху, так как отсутствует общепринятое определение международного терроризма. В Республике Казахстан при принятии Закона Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» в 1999 г. в п. 3 ст. 1 имелось определение международной террористической деятельности, под которой понималась террористическая деятельность, осуществляемая:

- террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства;
- гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;
- в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств [5]. В результате внесенных поправок Закон, как указывалось выше, был изменен и получил новое наименование (Закон РК «О противодействии терроризму»), а приведенное выше положение было исключено из текста.

В статье 1 новой редакции Модельного закона «О борьбе с терроризмом», принятого на двадцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 апреля 2004 г., было предложено определение международного терроризма как деятельности,

осуществляемой гражданами одной или нескольких стран, имеющей целью подрыв конституционного строя иных государств либо международного правопорядка или международных отношений в целом [9]. Однако следует иметь в виду, что нормы данного закона носят рекомендательный характер.

Не вызывает сомнений, что понятия «международный терроризм» и «международная террористическая деятельность» весьма близки по своему значению. Однако вся сложность понятия «международный терроризм» заключается в том, что государства – члены международного сообщества при имеющихся разных подходах должны выработать приемлемую для всех юридическую дефиницию. Попытки такого рода предпринимались неоднократно. Так, например, для того чтобы выработать единое определение международного терроризма, на 42 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Сирия предложила провести специальную международную конференцию. Однако эта инициатива не получила должной поддержки со стороны ряда государств. Республика Казахстан также неоднократно высказывала мнение о необходимости принятия Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом, которая бы дала четкое определение международного терроризма, а также сформулировала формы и методы деятельности государств в борьбе с терроризмом. Так, в ходе своего выступления на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел РК Марат Тажин отмечал: «Скорейшее принятие Всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом отвечает интересам всех государств – членов ООН» [10].

Об активной роли Казахстана по противодействию терроризму и экстремизму свидетельствует тот факт, что наше государство присоединилось к целому ряду международных конвенций по борьбе с терроризмом. В их числе, например: Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г., дата присоединения — 1994 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г., усовершенствована 24 февраля 1988 г., дата присоединения — 1994 г.); Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 14 сентября 2005 г., дата присоединения — 2005 г.); Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г., дата присоединения 2011 г.) и т.д. [11]. Учитывая, что борьба с международным терроризмом и экстремизмом требует взаимодействия государств не только на глобальном уровне, Республикой Казахстан подписан целый ряд межгосударственных договоров и соглашений на региональном и двустороннем уровнях.

В институциональном плане Республика Казахстан активно участвует в борьбе с терроризмом и экстремизмом как на глобальном, так и на региональном уровнях, а также в рамках международных организаций.

Республика Казахстан неукоснительно выполняет требования Резолюции Совета Безопасности ООН и ежегодно представляет Национальный доклад о проделанной работе в Контртеррористический Комитет ООН. Региональный план действий по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии был принят 30 ноября 2011 г. в Ашхабаде. Ашхабадское совещание также привело к принятию заключительной декларации в поддержку Плана действий и регионального сотрудничества по борьбе с терроризмом. Ее одобрили 54 участника, представлявших, в дополнение к государствам Центральной Азии, десять других государств – членов Организации Объединенных Наций, а именно Афганистан, Азербайджан, Китай, Индию, Иран, Норвегию, Пакистан, Российскую Федерацию, Турцию и Соединенные Штаты, а также старшие должностные лица Организации Объединенных Наций и Европейского союза [12].

Таким образом, участие Республики Казахстан в Региональном плане действий по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН для Центральной Азии свидетельствует об активной роли нашего государства в деле борьбы с угрозой терроризма с использованием общего подхода, основанного на Глобальной контртеррористической стратегии ООН и укреплении международного партнерства.

Республика Казахстан, являясь полноправным членом мирового сообщества, провозгласив приверженность основным принципам международного права, вступила в ряд авторитетных международных организаций, среди которых особо следует выделить Международную Организацию Уголовной Полиции (Интерпол).

Таким образом, несмотря на то, что в последние годы международным сообществом проделана очень большая работа по вопросам борьбы с терроризмом как в законодательной, так и правоприменительной сферах, многие проблемы требуют своего решения. Международное сотрудничество

в борьбе с терроризмом может быть эффективным, если оно основывается на тесном сотрудничестве государств на глобальном, региональном и двустороннем уровнях. Координированное сотрудничество государств и их специальных служб и правоохранительных органов должно быть направлено на преодоление противоречий, существующих между национальными правовыми системами и международным правом. Необходимо отметить, что Республика Казахстан всемерно использует все эти направления, является автором многих инициатив по вопросам противодействия терроризму. Республика Казахстан поддерживает усилия международного сообщества по доработке и принятию ООН Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом. Скорейшее принятие Всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом отвечает интересам всех государств – членов ООН. Такое мнение Казахстан неоднократно высказывал в ходе своих выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, международных форумах и конференциях.

В ней необходимо сформулировать взаимоприемлемое для всех государств определение терроризма, определить законные и незаконные методы борьбы с ним, оптимизировать процессуальный механизм реализации уже имеющихся международно-правовых договоренностей. Принятие такой конвенции послужило бы стимулом для дальнейшего развития и унификации внутренних национальных антитеррористических законодательств.

Список литературы

- 1 Послание Президента Республики Казахстан–Лидера нации Н.А.Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. «Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>
- 2 Закон РК от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>
- 3 Закон РК от 13 февраля 2012 г. № 552 «О специальных государственных органах Республики Казахстан». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>
- 4 Закон РК от 16 января 2013 г. № 70-V «О Государственной границе Республики Казахстан». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 5 Закон РК от 13 июля 1999 г. № 416 «О противодействии терроризму». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 6 Закон РК от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму». — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.adilet.zan.kz/rus/>
- 7 [ЭР]. Режим доступа: <http://cs.spbgasu.ru/q-node/9>
- 8 Закон РК от 28 августа 2009 г. № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма». — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 9 Модельный Закон от 17 апреля 2004 г. «О борьбе с терроризмом» — [ЭР]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30160797
- 10 [ЭР]. Режим доступа: <http://news.gazeta.kz>
- 11 [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz>
- 12 [ЭР]. Режим доступа: http://un.org/ru/terrorism/ctitsf/ptoj_ctntralasia.shtml

Қ.С.Мүсілімова

Мемлекеттік және қоғамдық қауіпсіздік мәселелері бойынша Қазақстан Республикасының шетелдік мемлекеттер арасындағы халықаралық қатынастарын құқықтық реттеу

Мақалада Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы», «Терроризмге қарсы әрекет туралы», «Экстремизмге қарсы әрекет туралы» және басқа нормативтік құқықтық актілерді талдаудың негізінде Қазақстан Республикасының шетелдік мемлекеттер арасындағы халықаралық қатынастарын мемлекеттік және қоғамдық қауіпсіздігі бойынша құқықтық реттеудің өзекті мәселелері қарастырылды.

K.S.Musilimova

The legal regulation of the international relations of the Republic of Kazakhstan with other countries on issues of state and public security

In this article, based on the an analysis of the Law of the Republic of Kazakhstan «On National Security of the Republic of Kazakhstan», «On Combating Terrorism», «On Countering Extremism», other normative legal acts, current issues of legal regulation of international relations of the Republic of Kazakhstan with other countries on issues of state and public security are considered.

References

- 1 Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N.Nazarbayev «Strategy Kazakhstan – 2050»: new political course of the established state” from December 14, 2012, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/>
- 2 Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 № 527-IV «On National Security of the Republic of Kazakhstan», [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/>
- 3 Law of the Republic of Kazakhstan dated February 13, 2012 «About special state bodies of the Republic of Kazakhstan», [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/>
- 4 Law of the Republic of Kazakhstan dated January 16, 2013 № 70-V «On the State Border of Kazakhstan», [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 5 Law of the Republic of Kazakhstan dated January 13, 1999 № 416 «On Combating Terrorism», [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 6 Law of the Republic of Kazakhstan dated February 18, 2005 N 31 «On Countering Extremism», <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 7 [ER]. Access mode: <http://cs.spbgasu.ru/q-node/9>
- 8 Law of the Republic of Kazakhstan dated August 28, 2009 № 191-IV «About counteraction to legalization of illegally obtained funds and financing of terrorism», <http://adilet.zan.kz/rus/>
- 9 The Model Law dated 17 April 2004 «On Combating Terrorism», [ER]. Access mode: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30160797
- 10 [ER]. Access mode: <http://news.gazeta.kz>
- 11 [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz>
- 12 [ER]. Access mode: http://un.org/ru/terrorism/ctitsf/ptoj_ctntralasia.shtml

A.Bozhkaruly

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: altai6969@mail.ru)*

Principles of migratory right

The problem of migration is characterizing with special complexity, as it covers not only legal aspects, but also the problems of sociology, demography, political economy, ethnogeography, the problems of labor resources in the economics. The legal aspect have the special important place, because the migration is closely connected with the legal security, regulation and organization of migration processes, from which depends other problems of essential value for living conditions of the society.

Key words: migration, the migration process, international treaties, laws, illegal migration.

Before turning to the principles of immigration law, you need to determine the modern concept of the term «principle».

Word of the principle (from the Latin principium — beginning base) used in Russian to refer to the core, the initial position of any theory, doctrine, science, philosophy, political organizations, etc., scientific or moral principle, the base, the rules, the basics from which no retreat. It is in the sense of the main assumptions of any theory, doctrine, science, philosophy — the concept is most often used in science. It is in the sense of the basic starting position «a theory, scientists, science, world» this concept is most often used in science.

The two main ways are given understanding of the term «principle» in the philosophical encyclopaedia: subjective and objective. In the subjective sense — is the main position, background, and objective — is the main position, background, and objective — the starting point, the first principle, the very first. Aristotle understands the principle in an objective sense as the first value: is based on something that exists or will exist. Kant interprets the principle of subjective: he distinguishes constitutive principles (for empirical use) and regulatory (for transcendental or just for practical use).

The principles of law are considered by us as the objective laws which have a place in society and reflects the priorities of the state. The rights may be exercised only those ideas that do not conflict with the fundamental interests of economic and political domination of the social forces. Therefore seems quite logical position of professor G.Z. Kozhakhmetov that defines the principles of law as the basic assumptions as legally enshrining the objective laws of social life.

According to Professor L.S. Akhmetova, the principles of law are a variety of legal laws, as they are the ideological, scientifically based form of reflection of the objective laws.

The principles of law are considered by us as the objective laws which have a place in society and reflects the priorities of the state. The rights may be exercised only those ideas that do not conflict with the fundamental interests of economic and political domination of the social forces.

The question of the concept of the principles of law has frequently been the subject of discussion in the legal literature. For example, in the Soviet period, under the principles of the right to understand the basic, guidelines that express the most essential features of law; basic ideas underlying the law and finding their implementation, not only in the legal form but also in the social relations that it mediates; theoretical expression (scientific abstraction) public respect — material and ideological; the right-hand initial regulatory guidelines describing its content, its base, enshrined in the laws of social life there.

The above definition indicates that the principles of the right inherently belong to the domain of ideas. The specifics of these ideas is that they are fundamental in nature, expressing the essence of law and in a concentrated form is characterized by its content. On the basis of the principles can be judged not only on the law as a whole, its essence, but also on the trends of its further development.

To determine the principles of law as the source, defining the idea, a position setting, which is a moral and institutional framework of origin, development and functioning of the law, it can be argued that the principle of law is that, on what basis the formation, dynamics and effect of law. This allows you to determine the nature of this right as a democratic, or vice versa, the totalitarian. The principle of law can be reduced to some basic provisions, ideological principles, characteristic for a particular legal system. This gives rise to an

important statement that the principles of law must be justified by public policy and ideology conceptually reflecting the totality of relations in the society.

In this regard, it is essential that the establishment of a new political system in our country, the formation of the rule of law demanded radical changes in the state's attitude to the rights and freedoms of man and citizen, and their consolidation as general legal principles. Kazakhstan recognized international legal standards and to ensure the protection of human rights. Human and civil rights apply to the sphere of relations of the individual to the state, which is supposed to not only protect the rights of foreign intervention, and actively assist in the implementation of such rights. The Universal Declaration of Human Rights includes the following rights and freedoms: the right to life, liberty, security, equality before the law, etc.; the individual's right to recognition of its legal personality, to freedom of movement and choice of residence, asylum, to a nationality, to own property, and so on. etc.; political rights; economic, social and cultural rights. For general legal principles of the immigration law include principles such as the rule of law, justice, democracy, humanism, protection and defense of the rights of citizens.

All the principles of the law, depending on the characteristics and scope are subdivided into common law, cross-sectoral and sectoral. General legal, or general (basic) is the source of law, they are common to all branches of law, reflect the nature, qualitative features of law as a whole. These include: the principle of humanity — dominance in the formulation and operation of the legal system of the inalienable natural rights and freedoms, the recognition of human rights and freedoms the supreme value of society; the principle of equality of citizens before the law, according to which all citizens, regardless of nationality, gender, race, religious or other affiliation, employment status have equal civil rights and obligations are equally responsible before the law; the principle of democracy, which means that law, legislation adequately reflects the will and interests of the people (common or concerted will and interests); the principle of the rule of law (rule of law) — the implementation of all forms of state activity, the functioning of civil society on the basis and in accordance with the law, natural rights and freedoms; the principle of justice which specify the demands of justice with regard to the legal forms of activity of the state, its agencies and officials (law-making, the use of law enforcement and justice), legal actions of citizens and their associations, and expressed in a scale equal to the legal conduct and strict proportionality been admitted legal liability offense.

The principle of «legality» in Migration Law is expressed in the legality of stay and residence, as well as sectoral legal principle residence registration. Formation of the principles of immigration law related to the real need of legal regulation, carried out in accordance worldview context, under the influence of the cultured society of justice and legal thinking, as well as in the context of a functioning legal system. The content of the principles of the Migration Law of Kazakhstan is determined by the direction of socio-political development, which consists in the development of the rule of law and civil society, paired with the recognition of the legal significance to the legal system of the rights and freedoms of man and citizen.

In this context, it is necessary to pay attention to the importance of the coherence of the principles and rules of law for the proper functioning and stable development of migration law. In this regard, it is of interest to system limitations of the rights provided any legal system. It is necessary to substantiate the proposition that the problem of restrictions on the right is twofold. First, every state reserves the right to withdraw from the norms of the legislation, the effect of which in particular the social and political situation could harm national security. In this case, the restriction of the right to be considered as a way of realization of the rights and freedoms of man and citizen, justified certain conditions. Secondly, the restrictions may be explained by the imperfection of the legislation. In this case, the problem is allowed to further development of the legal system. This migration has, for the most part, a second embodiment of limitation. Migration Legislation of Kazakhstan is not without flaws sets, although by virtue of it clearly defined legal principles that outline the features of the subject of legal regulation, today presents itself as a special branch of law of the legal system of Kazakhstan.

In the context of the principle of some jurists, the principles of the rule of law. In this state of law recognized form of exercise of democracy, citizens' political organization, functioning on the basis of law; It is considered tool for protecting and promoting the rights, freedoms and duties of each person. The principles of the rule of law are: the rule of law in all spheres of life; connectedness law of the state and its organs; the inviolability of personal freedom and its legal The security; mutual responsibility of the state and the individual; the availability of effective forms of control over the implementation of laws; the separation of powers, the existence of a system of checks and balances; the supremacy and direct effect of constitutional law; legal organization of public authorities; the unity of rights and responsibilities of citizenship; a developed civil society; compliance of domestic legislation with the principles and norms of international law. Most

clearly the principle of justice should manifest itself in the demand «responsible only for the guilty». In the innocent can not be held responsible, and the perpetrator of an offense liable to be inevitable. The concepts of law and justice have the etymological root of «right», «righteous». Based on the legal regulation of these positions — is regulation of social relations based on justice. Justice is a multi-faceted, multi-component categories, which manifests itself in all spheres of public life, integrates the economic, political, moral, legal and spiritual aspects, contains the requirements of the real correspondence between the position of the various individuals and their importance in society between work and reward, the act and retribution. Of interest is the position of the author on the features of legal justice. In his opinion, it is; that justice in the legal sphere is the most clear, formal and definite character, often associated with state coercion. Therefore, the entire legal system is the guardian of justice, it is a means of expression and retention, preservation and protection, and the principle of justice is normative value judgments, laid in the content of the right and is embodied in rights and duties, measures of rewards and punishments. On this basis, it is possible to build the concept of justice in the law: — industry law (civil, labor, housing, business, unsustainable, criminal, etc.) Are designed to carry out justice in the social relations regulated by them; — Justice includes a dialectic combination of elements of equality and inequality. With regard to the legal status of the person, it can manifest as «the equality» and «fair inequalities»; — Justice has a steam room category — «injustice». Eliminating injustice — a means of establishing justice. Advance occurrence of injustice — the most important prognostic feature jurisprudence. On the same activities should be directed state. The legislator who prefers today the development of market relations, should establish an effective mechanism to eliminate the causes that lower socio-economic status of the legal warranty card; — Justice is of particular importance in the relations of distribution. Developed market economy took a long time to accept the fact that the distribution of income, just from the point of view of the laws of the free market, it may be unfair to the common human sense. The market recognizes revenue valid if it meets the cost and promoted investment in business (labor, land, capital, real estate and so on. D.). Other factors and criteria was not interested.

Migration Policy of the Republic of Kazakhstan is based on the following principles:

- compliance fundamental rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan, other normative acts, international treaties, of which the Republic of Kazakhstan;
- not allowing discrimination on grounds of race, nationality, language, religion, sex, ethnic or social origin, views, political affiliation, personal property or for any other reason;
- compliance migrants legislation of the Republic of Kazakhstan;
- combination of interests of the individual and the state, to unite the efforts of all branches of government and public associations and organizations;
- Priority national interests in terms of security and the preservation of the social, economic, political, ethnic, religious stability and tolerance in the context of respect for internationally recognized standards in the field of management and regulation of migration processes;

Storing and development of the national identity of the country, suggesting a systemic and consistent implementation of the policy aimed at promoting the return, especially compatriots living abroad;

- development of the competitive advantages of Kazakhstan, based on the promotion of attracting highly skilled staff from abroad to work in the priority sectors and preparation of own qualified personnel;
- selective based on a selective approach to immigration, taking into account their education, occupation, investment and financial capacity;
- transparency and legitimacy, involves a continuous monitoring in the country, including technical, organizational and economic measures to ensure transparency and the legalization of immigrants stay in Kazakhstan, as well as the organization of various legal measures to ensure their stay;
- compliance principle of non-refoulement (nonrefonlment) in respect of persons, asylum seekers or refugees [1].

Basic principles of state policy in the field of migration:

- 1) recognition and guarantee of the rights and freedoms of migrants, in accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, laws and international treaties;
- 2) protection of national interests and national security;
- 3) The combination of the interests of individuals, society and the state;
- 4) the transparency of the regulation of migration processes on the basis of renewal and re-usable information;
- 5) The differentiated approach to the regulation of the state of various kinds of immigration [2].

The main principles of the state policy on refugees are:

- 1) ensuring asylum seekers and refugees the right of asylum in accordance with the procedure established by law;
- 2) non-discrimination on the grounds of social origin, race, ethnicity, nationality, religion or political beliefs during the procedures for refugee status;
- 3) The confidentiality of information about the private lives of asylum seekers and refugees;
- 4) facilitate the reunion of separated families of asylum seekers and refugees;
- 5) protection of the rights of child refugees in the Republic of Kazakhstan in accordance with the laws of the Republic of Kazakhstan on the Rights of the Child;
- 6) preventing the expulsion of asylum seekers and refugees on the grounds provided.

References

- 1 Указ Президента Республики Казахстан «О Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 годы» от 28 августа 2007 г. N 399 (утратил силу). — [ЭР]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000399_
- 2 Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июля 2011 г. № 477-IV. — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

А.Божқараұлы

Көші-қон құқығының қағидалары

Көші-қон мәселесі өзінің күрделілігімен ерекшеленеді. Себебі онда тек қана құқықтық сұрақтардан басқа, саяси-экономикалық, демографиялық, әлеуметтік сұрақтармен қатар, этногеографиялық және экономикадағы еңбек ресурстары мәселелері де өзектілігімен көрінуде. Солардың ішінде заңдық аспектісі ерекше орынды иеленеді. Заң саласы көші-қон үрдісін ұйымдастыру мен оны реттеуді құқықтық қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады.

А.Божжараулы

Принципы миграционного права

В статье отмечено, что проблема миграции характеризуется особой сложностью, так как в ней переплетены не только правовые вопросы, но и вопросы социологии, демографии, политической экономики, этногеографии, проблемы трудовых ресурсов в экономике. Автор подчеркивает, что юридический аспект среди них занимает особое место, поскольку от надлежащего правового обеспечения, регулирования и организации процессов миграции зависит решение других вопросов, имеющих существенное значение для жизнедеятельности общества.

References

- 1 Decree of the President of the Republic of Kazakhstan On the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2007–2015 on August 28, 2007 N 399, [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000399_
- 2 The Law of the Republic of Kazakhstan 22 July 2011 № 477-IV «On Migration», [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

N.P.Starozhilova

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: star-np@mail.ru)*

Comparative analysis of the legal regulation of recognition and enforcement of foreign judgments in Republic of Kazakhstan and Russian Federation

The author explores the legal regulation of the recognition and enforcement of foreign judgments in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. The article examines various types of jurisdiction in international civil procedure, the proceedings for submission and consideration of applications for enforcement of foreign judgments in courts of the states.

Key words: international civil procedure; systems of jurisdiction determination; immunity of a foreign state; exequatur.

Activization of Foreign Economic Relations during the last quarter of the twentieth century and in the modern world have caused a great need for qualitative legal regulation of all forms of these relations, starting from the level of legal maintenance of conclusion and implementation of international contracts, and finishing with situations where each participant of the transaction has to defend its interests in court. The reasoning about the development of international civil procedure should not be limited only by the scope of international trade relations. The development of productive and comprehensive cooperation requires valid, correct, civilized interstate relations based on the genuine respect for international law.

International relations develop not only at the corporate level but also at the level of ordinary human contacts, which often lead to the appearance of disputes which have to be resolved in the court. This Court is not always located on the territory of your state; similarly the language of proceeding and acting in another state's legal system is not always clear for comprehension. Here starts acting such important institution as the international legal assistance in civil cases.

There is a whole system of legal norms in Russian Federation which are contained in the international instruments and in the national legislation, aimed at resolving the contentious relationship of civil nature. These norms are contained in such legal acts as the Civil Code with amendments which came in force in September 2014, the Code of Civil Procedure and the Code of Arbitration Procedure and in a variety of bilateral and multilateral agreements on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases. The practice of norms' implementation shows that there are problems related to the immunities of States and their property, recognition and execution of foreign judgments. All this requires further improvement of legal regulation.

The issues of improvement of legal regulation of relations emerging in the international civil process are a constant subject of research of experts in the field of international private law. A great contribution to the improvement of the theoretical foundations of international civil procedure and legal base were made by such famous Russian lawyers as Luntz L.A., Boguslavskiy M.M., Dmitrieva G.K. The problems of execution of foreign judgments and arbitral decisions are considered in the works of Muranov A.I. The estimation of a modern condition of theoretical bases and the legal regulation of international civil procedure is given in the monograph of Drobyazkina I.V. Among the foreign researchers the German scientists Koch H. and Magnus W. should be noted. In Kazakhstan the problems of international private law and international civil procedure are researched in the works of Suleimenov M.K., Maulenov K.S. etc. To the questions of recognition and execution of foreign judgments on the territory of Kazakhstan dedicated the articles of Kushimov N. [1] and Akimbekova S. [2].

The norms of modern international law, depending on their functional purpose can be divided into two groups - material and procedure. Such conclusion allows to research international law not only in static but also in dynamic, i.e. in revealing the mechanism of creation and implementation of international legal norms, which are carried out in specific procedure forms. It should be noted that the question of the presence of procedure norms in international law hasn't not raised until recently. Despite the fact that both material and procedure norms have been constantly present, the focus has been made on analysis and study of the material norms. This circumstance can be explained by several reasons and one of them is that in the science of international law has developed the theory of natural law, according to which international law in its development

lags behind the national law and therefore a separate system of procedure norms has not been segregated. However it does not mean their absence. Procedure rules can be identified in almost all branches of public international law.

In the system of modern international law alongside with the material norms are functioning procedure (from the Latin. Processes — origin, promotion) norms. When material norms proclaim the rights, duties and responsibilities of subjects of international law, the procedure norms regulate the methods, forms and procedures for their implementation by establishing certain procedures and binding rules, which are called international mechanisms to ensure the norms and principles of the treaty. According to its scope the procedure norms prevail over material. A number of branches and institutions of international law consists mainly of the procedure norms that regulate the way of creation and functioning of international instruments, implementation of diplomatic and consular functions, peaceful settlement of international disputes, international legal responsibility, legal assistance in criminal matters, extradition, asylum etc. The examples given above are referred to the sphere of regulation of public international law. However initially about the presence of procedure norms began to speak in relation to Private Law and not only in national relations, but also at the international level. These relations include private-law relations complicated with so-called "foreign element».

What is this «foreign element»? This concept can be referred to the object of legal relationship such as property located abroad. Foreign can be the subject of legal relationship, for example, one of the sides in the dispute is a resident of another state. And finally, legal relationship itself can take place on the territory of another state, for example, the decision adjudicated by foreign court and its execution should take place on the territory of the Russian Federation.

The reasons for initiation of civil proceedings with a foreign element, as a rule, the same as for the national proceedings. These are the disputes on family, labor, inheritance legal relationship, disputes relating to the performance of international trade contracts, and others. A number of issues that require immediate resolution raises during the consideration of such disputes in a foreign court. These include questions about:

- the international jurisdiction of civil cases;
- the procedure status of foreign citizens, legal person;
- the procedure situation of another State;
- the admissibility of evidence in foreign courts;
- the use of foreign law and the procedure for establishing its content;
- the way of execution of foreign court orders;
- the recognition and enforcement of foreign judgments in civil cases;
- the recognition of foreign arbitration agreements and enforcement of the decision of another state [3; 10].

The scientific literature has several points of view concerning to the legal nature of the international civil process. Thus, Luntz L.A. notes that there are certain difficulties with distinguishing of issues of international civil process as an independent legal discipline (recognition of foreign laws, immunity, recognition of foreign judgments). At the same time he is inclined to consider international civil process as a branch of law that regulates activity of bodies of justice in civil matters [3; 11]. Boguslavskiy M.M. believes that the concept «international civil procedure» is very conditional, because «it is not about any international examination of a particular case».

He thinks that the «international civil procedure law should be understood as set of legal principles and norms of procedural nature as common for the states determined by international agreements» and established by each state in its legislation [4; 490]. It should be noted that at the present there are the following points of view:

- international civil process is an element of the international private law;
- it is part of the civil procedural law of the any state;
- it is an independent branch of law.

Drobyazkina I.V. defining the place of international civil procedure in the Russian law, has systematized all existing points of view. She concluded that it is not correct to consider international civil procedure as an integral part of the international private law, as they have different regulatory subjects. Comparing the principles, methods and sources of legal regulation, she concludes that international civil procedure is an integral part of civil procedure law [5; 16]. Based on the above, we also hold the view that the international civil process is an integral part of civil procedure law. Indeed, the majority of the cases of the disputes are solved in the national court, in accordance with the rules of national civil procedure laws. The only peculiari-

ty is that the procedure is complicated by a foreign element. This fact necessitated international legal component to resolve the inevitable conflicts of law.

In this regard it is necessary to clarify the question of the sources of international civil process. In accordance with Paragraph 4 of Article 15 of the Constitution, the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. Zabelova L.B. divides the complex of international sources into three groups — the universal, regional and bilateral [6; 160]. The universal sources are three Hague Conventions on Civil Procedure: the Convention on civil procedure in 1954, the Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil and Commercial Matters in 1965, the Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil and Commercial Matters in 1970. It is necessary to note the European Convention on International Commercial Arbitration of 1961.

The agreements of regional nature are Minsk Convention in 1993 and Kishinev Convention in 2002 on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases.

For example, Article 7 of the European Convention of 1961 on the applicable law has established that the parties are free to determine by common agreement the law applicable by the arbitrators of the dispute. And if there is no decision of the parties on the applicable law, the arbitrators may apply the law defined by the conflict rule. Solving the question of jurisdiction, Article 6 of the European Convention has established that the presence of an arbitration agreement allows other party challenge the jurisdiction of the state court and its lack of jurisdiction in regard to the dispute.

In fact that the dispute is usually solved in the state court of general jurisdiction in civil cases, the Civil Code of the Russian Federation should be called as a legal source, which has a special section 6. International Private Law. This section regulates the relationship of law enforcement. Chapter 5 of the Civil Procedure Code should be called as a national source, which defines the procedural rights and obligations of foreign persons [7]. Another source is the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation [8].

With regard to the rules for determining jurisdiction, there are several classifications. Boguslavskiy M.M. defines the three main systems of jurisdiction determination. In accordance with the Franco-German system, the jurisdiction is determined on the basis of the nationality of the parties of the dispute. In the Anglo-American system of jurisdiction, the jurisdiction is determined on the basis of the defendant's location in the country where the trial is, even if it's temporary location. The third type of jurisdiction is contract jurisdiction in which the parties of the dispute agree that the court of the state will decide the dispute [4; 407]. Drobyazkina I.V. also points to the three systems of jurisdiction determination: 1) on the basis of one of the parties' nationality of the dispute; 2) on the basis of the presence of the defendant on the territory in which there is the jurisdiction of the court; 3) determination of the territorial jurisdiction in accordance with the national rules of the state [5; 51]. Zabelova L.B. distinguishes three types of international jurisdiction: exceptional international jurisdiction (jurisdiction of a dispute to the court of a certain state, and excluded from the jurisdiction of other countries); alternative jurisdiction (the parties choose between the courts of the states); contract jurisdiction (jurisdiction is determined by agreement between the parties) [6; 164].

The questions of jurisdiction in the Russian legislation are regulated by Chapter 44 of the Civil Procedure Code. It should be noted that Article 402 provides a general jurisdiction according to the rules of Chapter 3 in the case, unless otherwise is provided in this article. Article 28 of Chapter 3 has established the general rule of jurisdiction: to file an action in court at the place of residence or location of the defendant. The principal provision has the paragraph 10 of Article 28, under which, if the case is under the jurisdiction of several courts, the right to choose the jurisdiction belongs to the plaintiff. Chapter 44 of the Code of Civil Procedure of Russian Federation also provides exceptional (Article 403) and the contract (Article 404) jurisdiction.

The provision of access to justice abroad to Russian and foreign citizens is provided by Part 1 of Article 46 of the Constitution, which guarantees everyone the right to judicial protection of his rights and freedoms. In accordance with Part 1 of Article 47 no one may be deprived of the right to the consideration of his or her case in that court and by that judge in whose cognizance the given case is according to law. Procedural status of foreigners and citizens of the Russian Federation is defined by the Constitution (Articles 46 and 62), the Civil Procedure Code (Article 398 and 399), the Code of Arbitration Procedure (Article 254). The legislation provides the national treatment to access to justice: foreign persons have procedural rights and procedural obligations as citizens and organizations of the Russian Federation.

The same principle is enshrined in the treaties on legal assistance. So Part 1 of Article 22 of the Kishinev Convention established the principle of general jurisdiction: lawsuits against persons with residence in

the territory of a Contracting Party, are presented in the court of this party. With respect to legal entities, lawsuits are presented in accordance with the location of the management body of the legal entity. Lawsuits are also presented in the court of the state in which the defendant exercises business or other economic activity; fulfilled or partially fulfilled the obligation of contract; the lawsuit to protect the honor and dignity if the plaintiff has a place of residence in the territory of that state. Article 23 provides for contract jurisdiction if the parties have a written agreement.

German lawyers H. Koch and W. Magnus, analyzing the European Convention on Jurisdiction and the Enforcement of (foreign) judgments in civil and commercial matters (Brussels) from September 27, 1968, determined the following types of jurisdiction: international jurisdiction; general (territorial) jurisdiction; competing special jurisdiction; contract jurisdiction (prorogation agreement) [9; 53]. The state is also involved in the international civil relationship. In considering the possibility of presence of the lawsuit to the state in a court of another state, there often exist unresolved conflicts. The problem is caused by the presence of such feature as the sovereignty of the state. In accordance with Part 1 of Article 4 of the Constitution of the Russian Federation, the sovereignty extends to its entire territory. Many states consider the presence of the lawsuit to them in a foreign court as an attack on their sovereignty. There are theories of immunity in the science of international public and international private law: the theory absolute immunity and the theory of limited immunity [10]. The decision to follow a theory is the essence of the sovereign right of each state.

International practice shows that states use three main ways to solve the issue of immunity. This could be the adoption of a special law (such as the US law on the immunity of foreign states in 1976, in Canada in 1981, in Singapore in 1979). Questions of immunity can be settled in an international agreement (the European Convention on State Immunity 1972). For example, Article 10 of the Convention in respect of commercial transactions found that if the state has entered into a bargain with a foreign person or entity, and differences in relation to this transaction are subject to the jurisdiction of a court of another state, i.e., the state entered into a bargain can not use the immunity from jurisdiction of dispute.

The third way to address the issue of state immunity is to include relevant norms of civil procedure law. This practice is followed, for example, by the Republic of Kazakhstan. In Russia, unfortunately, there is no special law on State Immunity. But there is a corresponding article in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. We believe that in this regard, it makes sense to conduct a comparative analysis of the legislation of the two countries. Thus, the Civil Procedure Code of the Russian Federation currently provides for the theory of absolute immunity. Article 401 establishes that the presentation of the lawsuit to another state to the court in the Russian Federation, bringing it to participate as a defendant, the seizure of it's property in the territory of the Russian Federation, the application of measures for property to secure the lawsuit, foreclosure on the property of another state for the purpose of execution of court decisions is possible only with the consent of the competent authorities of that state. We believe that such edition of the article, namely the consolidation of absolute immunity is contrary to the interests of Russian legal entities and, ultimately, the interests of the state. In Kazakhstan, for example, until February 2010, the Civil Procedure Code of Kazakhstan also provided the theory of absolute immunity. The existing the Civil Procedure Code of Kazakhstan has a special Chapter 46. Jurisdictional immunity of a foreign state and its property, which includes 21 articles [11]. This, in accordance with Article 427 of the Civil Procedure Code of Kazakhstan, foreign country uses jurisdictional immunity in Kazakhstan except in cases stipulated by the Code. There are 7 cases of non-application of immunity, including the disputes about participation in legal entities, disputes over compensation for damages, disputes concerning property rights, disputes relating to business activity. In accordance with Article 428, the foreign country does not use immunity in Kazakhstan if it carries out activity different than the exercise of sovereign power. In other words, if the state enters into commercial transactions with foreign entities, it is, however, falls to the status of the person and should perform all duties and responsibilities on a par with that person.

Thus, we believe that the international civil process is a complex institution of international private law and civil procedural law. From national civil procedural law it is distinguished by the fact that such a relationship, as they say, «complicated by a foreign element». With international private law it has in common the fact that the relationship of disputes arising from contracts with foreign entities or in the territory of another state. Therefore there is a need for international agreements to resolve this type of relationship. In the international civil process the most important issues are the issues of jurisdiction, legal capacity of persons and applicable law. With regard to the immunity of a foreign state, we believe that the legal regulation of this issue needs further improvement.

The need for recognition and enforcement of a foreign judgment arises when, for example, the foreign trade transaction between the parties, a dispute arose about the improper performance or breach of contract; decision on alimony issued by a court of a state, and the respondent resides in the territory of another state. If the parties had agreed that the national court of the state is competent to consider their disputes, then it turns out that the decisions of national courts can be recognized and enforceable only in a few countries with which the state issued the decision has agreements on legal assistance in civil cases. The court checks the decision for compliance with the requirements of national law to foreign judgments, that in some countries often leads to re-hearing of the case (France, Germany, Belgium), and in many countries, while taking into account the principle of reciprocity. The countries of Anglo-American law strictly follow this principle. As noted by M.M. Boguslavskiy, «legislation of the different systems know enforcement of foreign judgments. A precondition for the enforcement of a foreign judgment is usually the requirement of reciprocity with respect to decisions of national courts» [4; 331].

The problem of recognition and enforcement of judgments issued by the courts of other states, occurs when the losing side in a court refuses to comply with the decision voluntarily. In this case, the plaintiff has to appeal to foreign court for its recognition and enforcement. At the request contained in the appeal, the foreign court does not hear the case, and considers only the possibility of enforcement of foreign judgments in the territory of the state.

There are two possible situations after the court issued the decision:

1. The decision of the court is such that does not require execution. Then only the recognition on the territory of another state is necessary. Thus, in accordance with Article 415 of the Civil Procedure Code of Russian Federation, the Russian Federation recognizes the following decisions of foreign courts which do not require the enforcement by their nature:

a) if the decision affects only the personal status of citizens of the state, where the court is located and issued the decision (a change of name or surname, on the recognition of missing or dead; on the limitation of capacity);

b) the termination or invalidation of marriage between citizens of the state and a foreign citizen, if at the time of dissolution of the marriage one of the spouses lived in another state;

c) the termination or invalidation of marriage between Kazakhstan citizens who live abroad.

We believe that even if the solution requires no execution, but rather its recognition, it is still necessary to regulate the procedure for such recognition in the legislation of the Russian Federation. A similar situation in respect of such decisions exists in the legislation of the Republic of Kazakhstan.

The second situation. The decision of a foreign court requires the execution in the territory of another state, if the defendant lives in another. In this case, there is a need in the recognition and enforcement of foreign judgments.

The legal basis for the recognition and enforcement of foreign judgments is presented by:

1. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 10 July 1958 [12]. The Convention consists of 16 articles. In accordance with Article 2, each State recognizes the agreement in writing under which the parties undertake to submit to arbitration disputes arising or which may arise between them. The term «agreement in writing» means «arbitration clause» in the contract or an arbitration agreement, signed by the parties or contained in an exchange of letters or telegrams. Article 3 of the Convention established that each state recognize arbitral awards as binding and enforces them according to the rules of procedure of the territory where the recognition and enforcement of those decisions are necessary.

2. Minsk Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters of 1993 [13]. In accordance with Article 54, each participating State recognizes and executes the decisions made in the territory of another participating State. Article 55 also provides for the recognition of decisions that do not require enforcement, in case when the decision came into force.

3. Bilateral agreements on legal assistance. For example, such treaties of the Russian Federation and China, Estonia, Latvia, contain virtually identical provisions which provide that States mutually recognize and fulfill entered into force decisions of the institutions of justice in civil and family cases. To obtain permission to execute a foreign judgment it is necessary to bring the appeal, details of which are determined by the law of the country in which the decision will be implemented. For example, Article 411 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation (the content of the application for enforcement of a foreign judgment); Article 242 of the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation (where it is called «application»).

4. The National Civil Procedure Code and the Administrative Procedure Code, regulatory decisions and instructions of the Supreme Court and the Supreme Arbitration Court.

Drobyazkina I.V. notes that the current international practice knows three possible ways of recognition and enforcement of foreign judgments, established by the legislation of the states [5; 109]. In the first case, it provided for the issuance of the *exequatur*. Thus is the process in which a foreign judgment is confirmed by the competent court of the country in which it must be enforced. The court makes a special resolution authorizing the execution of the decision. Thus, in some countries the solution is checked substantially, in others it is not checked. In the second case the court held validation of a foreign judgment. And in the third case, a foreign judgment is registered and passed for execution.

Luntz L.L. points at several systems of *exequatur*: the French system, the German system, the British system of registration of foreign decisions [3; 169]. Thus, in the Anglo-American common law, a foreign judgment is the basis for a new trial.

The legal practice of the Russian Federation uses the name of a «statement» and «appeal». In accordance with Article 243 of the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation statement for recognition and enforcement of foreign court decisions and foreign arbitral award is considered at the hearing by a single judge in a period not exceeding three months from the date of its receipt by the court of arbitration. In Part 4 of this article contains a fairly clear position: in the proceedings the arbitration court is not allowed to re-hear the foreign judgment. Thus, Russian law does not provide for check of a foreign judgment. However, the Civil Procedure Code contains several other provisions. In accordance with paragraph 4 of Article 411 a judge can hear the explanations of the debtor, to consider the evidence, may also interrogate the debtor and to request clarification of the foreign court. Upon review, the court may issue an order for enforcement of the decision or refusal in it.

The procedure for filing an appeal for enforcement of the decision is usually following. The enforcement of the decision is only possible in the case, if the defendant does not execute the decision voluntarily. If the decision is not executed voluntarily within the specified period in it, the party in whose favor the award is invoked may apply to the court at the place of the dispute with the statement for enforcement of the arbitration award or court's decision. It is important to bear in mind that in accordance with the rules of international civil process, an application for enforcement of a judgment in another country is brought to the court that issued the decision. To submit a request for enforcement of the decision, the party provides for:

- the duly authenticated original award or a duly certified copy;
- the original agreement, on the basis of which the parties have agreed to solve their dispute in the arbitration.

The solution must be accompanied by an officially certified translation into the language of the decision of the country which asks for execution of the decision. Translation can be certified by a diplomatic or consular agent. The appeal may be brought also in the court of the state where the decision is enforceable, the decision passed by the court in the court that issued the decision to prepare the entire package of documents. The court shall attach to the request: a certified copy of the decision; a certificate stating that the decision came into force and enforceable; a certificate stating that the decision is not executed; certificate confirming that the party is obliged to execute the decision, the party was not involved in the process and has been properly notified of the date and place of the hearing. All documents shall be accompanied by a certified translation into the language of the requested state.

Russian legislation and international treaties on legal assistance contain standard grounds for refusal of enforcement of foreign judgments:

The party, which is obliged to execute the decision, brought to the competent authority of the country where the decision must be enforced the evidence that the parties did not have the legal capacity in accordance with the legislation of that country;

The party, against whom the decision was issued, was not given proper information about the date and place of the trial;

The decision was made regarding a dispute, which is not covered by the arbitration agreement;

The Tribunal did not comply with the parties' agreement;

The court considering the application, may also establish that: the object of the dispute can not be the object of a dispute in accordance with the law of the country;

Recognition and execution of decisions is contrary to the public right of the state and can not be subject to arbitration procedure.

Consider the example of the case at the request of a judge of the Arbitration Court of the Perm region and the resolution on the recognition and enforcement of the decision of the court. The judge of the Arbitration Court of Perm region appealed to the competent court of the Republic of Kazakhstan on the recognition and enforcement of the resolution decisions on 23.07.2004 on case number A50-9580/2004-Г-11, to recover from the LLP IC «Dorsnabservis» in favor of CJSC FTC «Permoyl», Perm, Russian Federation, 9,453,335 rubles 18 kopecks of debt and 82 066 rubles 68 kopecks of state duties and to take steps to transfer this amount to the account of the creditor.

The request can not be executed on the following grounds.

The representatives of the LLP IC «Dorsnabservis» were invited to the hearing of the case in district courts of Astana. However, they did not come to the hearing due to the fact that they were not given the subpoena, as at the address specified in the application — Astana, Pobedy Avenue, 71, apartment 4 - is incorrect address of the legal entity, and it was certified by the acting of chairman of LIC Vanyukov V.V. Under Article 8 of the Minsk Convention, execution of the order for legal assistance the requested authority uses legislation of its part. If the exact address of the person specified in the order is not known, the requested authority shall, in accordance with the law of the contract part, on the territory of which it is necessary to take measures to establish the address. After execution of the order requested authority shall return the documents to the requesting institution; in the case that legal assistance could not be provided, it shall simultaneously notify about the circumstances which prevent the execution of the order and return the documents to the requesting institution. The Department of Justice has been asked to provide information on the location of the debtor. From the Department of Justice, it was reported that LLP IC «Dorsnabservis» is domiciled in Astana, Saryarka district, Pobedy Avenue, 71, apartment 4. It is also found that the founder and director of LLP is Teplyashov Mikhail Alexandrovich. According to the address reference, Teplyashov M.A., date of birth 03/11/1961, registered in Astana, K. Marx street, 167 «a» (now Kenesary 57/1), the hostel. The subpoenas were sent to this address, but he did not appear at court. 05.05.2006, by the decision of the court, Teplyashov M.A. was subjected to forced drive. However, the report from the bailiff Eschanov K.S. showed that Teplyashov M.A. did not live in the hostel. Commandant of the hostel, Kypshakbaeva Raushan, was invited to the hearing of the case, who explained the court that a citizen by the name of Teplyashov M.A. does not live in the hostel.

Thus, the taken measures had not allowed to establish the location of the debtor, in connection with which an application for recognition and enforcement of decision was returned to the requesting party. In view of the above, guided by Article 8 of the Minsk Convention, the court decided: to return to the Arbitration Court of Perm region the appeal on recognition and enforcement of the decision of this Court from 23.07.2004 on case number A50-9580/2004-Г-11 [14].

Recognition and enforcement of foreign judgments and arbitral awards is an important part of an international civil process in general, and international legal assistance in civil cases. This area has a variety of inter-state relations regulation at the multilateral and bilateral treaties and national legislation.

This study allowed us to make some conclusions and proposals. Inconsistency and improper execution of court documents on conventions, treaties, agreements on legal assistance may adversely affect the image of the state. More attentive and careful study of articles and paragraphs, regulating the procedure for the request and orders the courts of foreign countries and the Russian and Kazakhs judicial acts are accepted and recognized by official authorities of another foreign state, is necessary.

The Russian legislation on the immunity of foreign states and their property, in our opinion, needs to be more detailed regulation. For example, to give an exhaustive list of cases of non-use immunity in the law, including disputes about participation in legal entities, disputes over compensation for damages, disputes concerning property rights, disputes relating to business activity. We also consider it necessary to provide a norm, according to which a foreign state does not use immunity in the Russian Federation, if it carries out activity which is different than the exercise of sovereign power.

The recognition of foreign judgments and arbitration on the Russian Federation territory means that these solutions acquire the same legal consequences, which have entered into force decisions of Kazakhstan courts: cogency; exceptionality; obligation; the enforceability of the decision to award. We believe that even if the solution is that it requires no execution, but rather its recognition, it is still necessary to regulate the procedure for such recognition in the legislation of the Russian Federation. A similar situation in respect of such decisions exists in the legislation of the Republic of Kazakhstan.

References

- 1 Кушимов Н. Правовые механизмы исполнения решений иностранных судов на территории Англии // Юрист. — 2013. — № 9. — С. 69–72.
- 2 Акимбекова С. Признание и приведение в исполнение иностранных судов на территории Казахстана // Юрист. — 2013. — № 4. — С. 71–74.
- 3 Луц Л.А. Курс международного частного права. Т. 3. Международный гражданский процесс. — М.: Юрид. лит., 1976. — 264 с.
- 4 Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. — 5-е изд. — М.: Юристъ, 2006. — 606 с.
- 5 Дробязкина И.В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. — 321 с.
- 6 Забелова Л.Б. Международное частное право. Курс лекций. — М.: Эксмо, 2010. — 240 с.
- 7 Гражданский процессуальный кодекс РФ от 12 ноября 2002г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 25 ноября 2008 г.). — СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
- 8 Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 3 декабря 2008 г.). — СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
- 9 Кох Х. Международное частное право и сравнительное правоведение [Текст] / Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.-М.: Междунар. отношения, 2001. — 480 с.
- 10 Хлестова И.О. Вопросы иммунитета государства в законодательной и договорной практике СССР [Текст] // Советское государство и право. — 1991. — № 1. — С. 105–212.
- 11 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 года. — [ЭР]. Режим доступа: online.zakon.kz/document/?doc_id
- 12 Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июля 1958 г. / Сборник международных договоров. Международная торговля. Международный гражданский процесс / Сост. И.В.Фисенко. — Минск: Амалфея, 1998. — 544 с.
- 13 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская). — [ЭР]. Режим доступа: www.consultant.ru
- 14 Официальный сайт Верховного суда Республики Казахстан. — [ЭР] / Верховный суд РК. — Астана, 2004. — Режим доступа: <http://www.supcourt.kz/>

Н.П.Старожилова

Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясында шетелдік сот шешімдерін тану және орындалуын құқықтық реттелуіне салыстырмалы талдау

Автор Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясында шетелдік сот шешімдерін орындау мен тануды құқықтық реттеу мәселелерін зерттеді. Мақалада халықаралық азаматтық үрдісте соттылықтың көптеген түрлерін, шетел сот шешімдерін мәжбүрлі түрде орындау туралы өтініш хаттарын соттарда қарастыру және беру үрдістері талданды.

Н.П.Старожилова

Сравнительный анализ правового регулирования признания и исполнения иностранных арбитражных решений в Республике Казахстан и Российской Федерации

Автор исследует правовое регулирование признания и исполнения иностранных судебных решений в Республике Казахстан и Российской Федерации. В статье анализируются различные виды подсудности в международном гражданском процессе, процедуры подачи и рассмотрения в судах ходатайств о принудительном исполнении иностранных судебных решений.

References

- 1 Kushimov N. *Jurist*, 2013, 9, p. 69–72.
- 2 Akimvekova S. *Jurist*, 2013, 4, p. 71–74

- 3 Luntz L.A. *Course of the International private Law. Vol. 3. The International civil procedure*, Moscow: Juridical literature, 1976, 264 p.
- 4 Boguslavskiy M.M. *The International private Law: Textbook*, Moscow: Yurist, 1976, 606 p.
- 5 Drobjazkina I.V. *The International civil procedure: problems and perspectives*, Saint Petersburg: Juridical center press, 2005, 321 p.
- 6 Zabelova L.B. *The International private Law, course of the lectures*, Moscow: Exmo, 2010, 240 p.
- 7 *Laws of the Russian Federation*, 2002, 46.
- 8 *Laws of the Russian Federation*, 2002, 30.
- 9 Koch H., Magnus U., *W. fon Morenfels. The International private Law and comparative jurisprudence*, Moscow: International relations, 2001, 480 p.
- 10 Chlestova I.O. *Soviet state and law*, 1991, 11, p. 105–112.
- 11 *The Civil Procedure Code of Kazakhstan, of the 13th of July 1999*, [ER]. Access mode: http://www.online.zakon.kz/document/?doc_id
- 12 Convention on the recognition and enforcement of foreign arbitral awards, the 10th of July 1958, compilation of International Instruments. International trade. International Civil Procedure / Comp. Fissenko IV, Minsk: Amalhteia, 1958, 544 p.
- 13 Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters (Minsk), the 22nd of January 1993, [ER]. Access mode: www.consultant.ru
- 14 Official site of the Supreme Court of Republic of Kazakhstan, [ER]. Access mode: <http://www.supcourt.kz/>

D.K.Rustembekova

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: dinara_226@mail.ru)*

The international standards of the rights of minorities in Europe

The article discusses the legal regulation of the status of minorities Council of Europe, the importance of protecting persons belonging to national minorities, as an integral part of the international protection of human rights in the interests of equality, justice, stability, democratic security and peace in Europe. According to the UN Declaration on the Rights of Minorities, said about minorities as original national or ethnic, cultural, religious and linguistic groups, and obligation of states to protect their existence provides.

Key words: Minorities, Council of Europe, Framework Convention for the Protection of National Minorities, the legal regulation of the status of minorities, international legal acts.

The value of protection of persons belonging to national minorities as part of the international protection of human rights in the interests of equality, justice, stability, democratic security and peace in Europe was the most important task of the Council of Europe. The main instrument of the Council of Europe for the protection of minority rights is the «Framework Convention for the Protection of National Minorities» (hereinafter referred to as «the Framework Convention») [1]. The preamble of the Framework Convention recognizes that the turmoil of European history have shown that the protection of national minorities is essential to stability, the protection of democracy and peace on the continent. It emphasizes, among other things, that a pluralistic and truly democratic society should not only respect the ethnic, cultural, linguistic and religious identity of each person belonging to a national minority, but also create appropriate conditions enabling them to express, preserve and develop their identity. Thus, Member States are required to take action. It also declares that «the creation of a climate of tolerance and dialogue is necessary to ensure that the cultural diversity could be a source and a factor, not of division, but of enrichment for each society».

As the UN Charter [2], and the basic documents of the Organization for Security and Cooperation in Europe (hereinafter — OSCE) aimed at maintaining and strengthening international peace and security through the development of friendly relations and cooperation between equal sovereign States, to respect human rights, including the rights of persons belonging to minorities. Indeed, history shows that lack of respect for human rights, including minority rights, can lead to undermining domestic stability and negatively affect relations between States, thus endangering international peace and security.

Beginning with Principle VII of the Decalogue, enshrined in the Helsinki Final Act of 1975 [3], states — OSCE participating States have emphasized the fundamental link between respecting the legitimate interests of persons belonging to national minorities and the preservation of peace and stability. In this connection again and again stated in the founding documents of the later, particularly in the Concluding document of the Madrid Meeting (1983) [4] (Principle 15), Concluding document of the Vienna Meeting (1989) [5] (principles 18 and 19) the Charter of Paris for a New Europe (1990) [6], as well as in documents subsequent summits, such as the Helsinki Document (1992) [7] (item 24 of Part IV) and Lisbon document 1996 [8] (Part I, Lisbon Declaration on a Common and Comprehensive Security Model for Europe XXI Century, paragraph 2). In addition, by adopting the Charter of Paris for a New Europe, all states — participants of the OSCE expressed its commitment to the principles of democratic governance.

Creating equal opportunities for all-round enjoyment of human rights by persons belonging to minorities includes their effective participation in decision-making, especially those that directly affect them. Although the exact situation may be very different, and to meet the needs and aspirations of minorities can be quite normal democratic procedures, the experience also shows that for the effective participation of minorities in decision-making is often necessary to take special measures. The obligation of States to do so in such cases recorded in a number of international standards: for example, in accordance with paragraph 35 of the Document of the Copenhagen meeting of the Conference on the human dimension (1990) [9] («Copenhagen Document»), the state — OSCE participating States «will respect the rights of individuals, belonging to national minorities to effective participation in public affairs, including participation in the affairs relating to the protection and promotion of the identity of such minorities»; in accordance with paragraphs 2 and 3 of Article II of the Declaration on Minorities (1992), «Persons belonging to minorities have the right to partici-

pate in the [...] public life» and «the right to participate in decisions on the national and, where We need regional solutions concerning the minority to which they belong or the regions in which they live»; in accordance with Article 15 of the Framework Convention, states parties «shall create the necessary conditions for effective participation of persons belonging to national minorities in cultural, social and economic life, as well as in the conduct of public affairs, in particular those affecting them».

From the idea of equal dignity and inalienable rights of the non-discrimination principle implies, embodied in virtually all international human rights instruments, notably the Article 2 of the Universal Declaration of Human Rights, Articles 2 and 26 of the International Covenant on Civil and Political Rights and article 2 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Article 1 of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination has clearly stated that this document prohibits discrimination, in particular on the basis of «descent, or national or ethnic origin». Article 14 of the European Convention on Human Rights (1950) [10] (hereinafter — referred to as «the European Convention on Human Rights») also expressly extends the principle of non-discrimination to discrimination on grounds of «national or social origin, association with a national minority» in all cases, when it comes to the rights and freedoms guaranteed by the Convention. These provisions and principles are reflected in the constitutions of most states - members of the OSCE.

As soon as the persons belonging to national minorities are entitled to effective participation in the socio-political life, they should be able to enjoy this right without any restrictions, on as indicated in paragraph 3 of the Copenhagen Document, Article 4 of the Framework Convention and in Article 1 4 UN Declaration on Minorities. However, pursuant to paragraph 2 of Article 4 of the Framework Convention to ensure equal rights to dignity means not only the principle of non-discrimination but also «full and effective equality between persons belonging to a national minority and those belonging to the majority» for which States should «adopt, where necessary, adequate measures ... in all areas of ... political ... life» in respect of which they are «adequately take into account the special situation of persons belonging to national minorities».

It envisages linkage between respect for human rights and development of civil society reflects the requirement of «effective political democracy» which, as stated in the preamble of the European Convention on Human Rights are inextricably linked to the provision of justice and peace in the world. In the Charter of Paris for a New Europe states — participants of the OSCE also stated that the democratic system of government, and in particular the respect for human rights, is the basis of prosperity.

Specific institutions that ensure the effective participation of minorities in political life should not be created at the expense of the rights of others. Human rights must be fully respected in all cases, including the institutions to which the State may delegate authority. According to paragraph 33 of the Copenhagen Document, when making the states — participants of the necessary measures to protect the identity of national minorities «any such measures would be consistent with the principles of equality and non-discrimination against other citizens of the countries — participants». Next, in paragraph 38 of the Copenhagen Document states that «States Parties in their efforts to protect and promote the rights of persons belonging to national minorities, will fully respect their obligations under existing human rights conventions and other relevant international instruments». A similar provision is contained in Article 20 of the Framework Convention: «In exercising the rights and freedoms flowing from the principles enshrined in the present framework Convention, any person belonging to a national minority shall respect the national legislation and the rights of other persons, in particular the rights of persons belonging to the majority or to other national minorities. «This should include and respect the rights of women, including freedom from discrimination «in political and public life of the country», as referred to in Article 7 of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979) [11].

The principle of self-identification of persons belonging to minorities, is a number of fundamental obligations. In paragraph 32 of the Copenhagen Document specifies that «To belong to a national minority is a matter of personal choice and no disadvantage may arise from the exercise of such a choice». Paragraph 1 of Article 3 of the Framework Convention in the same way provided that «any person belonging to a national minority has the right to freely choose to be treated or not treated as such and this choice or from the exercise of rights that are associated with such a choice should not prejudice the individual».

A necessary condition for the functioning of participatory procedures is tolerance. The socio-political climate of mutual trust and equality should be ensured in the legislation, at the same time leading the educational work according to this social ethics throughout the population. In this regard, a special role belongs to the media. Paragraph 1 of Article 6 of the Framework Convention provides that «The Parties shall encourage a spirit of tolerance and intercultural dialogue and take effective measures to promote mutual respect, under-

standing and cooperation among all persons living on their territory, regardless of their ethnic, cultural, linguistic or religion, particularly in the fields of education, culture and the media. «In particular, states are obliged to prevent the use in public statements disparaging or derogatory epithets and words and eliminate negative stereotypes. Ideally, representatives of affected groups should be involved in identifying and developing any measures to address these problems.

In order to ensure realization of the rights provided for in international human rights conventions, committees have been established to monitor the progress of States parties in implementing their commitments.

Committee, which is particularly relevant to the rights of minorities:

1 The Human Rights Committee is the body of independent experts that monitors implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights by its State parties.

All States parties are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights are being implemented. States must report initially one year after acceding to the Covenant and then whenever the Committee requests (usually every four years). The Committee examines each report and addresses its concerns and recommendations to the State party in the form of «concluding observations».

In addition to the reporting procedure, article 41 of the Covenant provides for the Committee to consider inter-state complaints. Furthermore, the First Optional Protocol to the Covenant gives the Committee competence to examine individual complaints with regard to alleged violations of the Covenant by States parties to the Protocol.

The full competence of the Committee extends to the Second Optional Protocol to the Covenant on the abolition of the death penalty with regard to States who have accepted the Protocol.

The Committee meets in Geneva and normally holds three sessions per year.

The Committee also publishes its interpretation of the content of human rights provisions, known as general comments on thematic issues or its methods of work.

2 The Committee on the Elimination of Racial Discrimination (CERD) is the body of independent experts that monitors implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination by its State parties.

All States parties are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights are being implemented. States must report initially one year after acceding to the Convention and then every two years. The Committee examines each report and addresses its concerns and recommendations to the State party in the form of «concluding observations».

In addition to the reporting procedure, the Convention establishes three other mechanisms through which the Committee performs its monitoring functions: the early-warning procedure, the examination of inter-state complaints and the examination of individual complaints.

The Committee meets in Geneva and normally holds two sessions per year consisting of three weeks each.

The Committee also publishes its interpretation of the content of human rights provisions, known as general recommendations (or general comments), on thematic issues and organizes thematic discussions.

3 The Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW) is the body of independent experts that monitors implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women.

CEDAW Committee consists of 23 experts on women's rights from around the world.

Countries who have become party to the treaty (States parties) are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights of the Convention are implemented. During its sessions the Committee considers each State party report and addresses its concerns and recommendations to the State party in the form of concluding observations.

In accordance with the Optional Protocol to the Convention, the Committee is mandated to: (1) receive communications from individuals or groups of individuals submitting claims of violations of rights protected under the Convention to the Committee and (2) initiate inquiries into situations of grave or systematic violations of women's rights. These procedures are optional and are only available where the State concerned has accepted them.

The Committee also formulates general recommendations and suggestions. General recommendations are directed to States and concern articles or themes in the Conventions.

4 The Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) is the body of independent experts that monitors implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights by its

States parties. The Committee was established under ECOSOC Resolution 1985/17 of 28 May 1985 to carry out the monitoring functions assigned to the United Nations Economic and Social Council (ECOSOC) in Part IV of the Covenant.

All States parties are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights are being implemented. States must report initially within two years of accepting the Covenant and thereafter every five years. The Committee examines each report and addresses its concerns and recommendations to the State party in the form of «concluding observations».

In addition to the reporting procedure, the Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, which entered into force on 5th May 2013, provides the Committee competence to receive and consider communications from individuals claiming that their rights under the Covenant have been violated. The Committee may also, under certain circumstances, undertake inquiries on grave or systematic violations of any of the economic, social and cultural rights set forth in the Covenant, and consider inter-state complaints.

The Committee meets in Geneva and normally holds two sessions per year, consisting of a three-week plenary and a one-week pre-session working group.

5 The Committee on the Rights of the Child (CRC) is the body of 18 Independent experts that monitors implementation of the Convention on the Rights of the Child by its State parties. It also monitors implementation of two Optional Protocols to the Convention, on involvement of children in armed conflict (OPAC) and on sale of children, child prostitution and child pornography (OPSC). On 19 December 2011, the UN General Assembly approved a third Optional Protocol on a communications procedure (OPIC), which allow individual children to submit complaints regarding specific violations of their rights under the Convention and its first two optional protocols. The Protocol entered into force in April 2014.

All States parties are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights are being implemented. States must submit an initial report two years after acceding to the Convention and then periodic reports every five years. The Committee examines each report and addresses its concerns and recommendations to the State party in the form of «concluding observations».

The Committee also reviews the initial reports which must be submitted by States who have acceded to the first two Optional Protocols to the Convention, on involvement of children in armed conflict and on sale of children, child prostitution and child pornography.

The Committee is also able to consider individual complaints alleging violations of the Convention on the Rights of the Child and its first two optional protocols (OPAC and OPSC) by States parties to the OPIC, as well as to carry out inquiries into allegations of grave or systematic violations of rights under the Convention and its two optional protocols.

The Committee meets in Geneva and normally holds three sessions per year consisting of a three-week plenary and a one-week pre-session working group. In 2010, the Committee considered reports in two parallel chambers of 9 members each, «as an exceptional and temporary measure», in order to clear the backlog of reports.

The Committee also publishes its interpretation of the content of human rights provisions, known as general comments on thematic issues and organizes days of general discussion.

6 The Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families (CMW) is the body of independent experts that monitors implementation of the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families by its State parties. It held its first session in March 2004.

All States parties are obliged to submit regular reports to the Committee on how the rights are being implemented. States must report initially one year after acceding to the Convention and then every five years. The Committee will examine each report and address its concerns and recommendations to the State party in the form of «concluding observations».

The Committee will also, under certain circumstances, be able to consider individual complaints or communications from individuals claiming that their rights under the Convention have been violated once 10 States parties have accepted this procedure in accordance with article 77 of the Convention.

The Committee meets in Geneva and normally holds two sessions per year.

The Committee also organizes days of general discussion and can publish statements on themes related to its work and interpretations of the content of the provisions in the Convention (general comments).

7 Committee on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD) is the body of independent experts which monitors implementation of the Convention by the States Parties. The Committee shall meet in Geneva and normally hold two or three sessions per year.

The Committee will comprise 12 independent experts following the entry into force of the Convention. Following an additional sixty ratifications or accessions to the Convention, the membership of the Committee shall increase by six, to 18 independent experts.

Countries who have become party to the Convention (States parties) are obligated to submit regular reports to the Committee on how the rights of the Convention are implemented. During its sessions, the Committee considers the reports of States parties and addresses its concerns and recommendations to the State party concerned in the form of concluding observations. States parties must report initially within two years of accepting the Convention and thereafter every four years.

The Optional Protocol to the Convention gives the Committee competence to examine individual complaints with regard to alleged violations of the Convention by States parties to the Optional Protocol or to undertake inquiries in the case of reliable evidence of grave and systematic violations of the Convention.

In addition, and in keeping with the practice of other human rights treaty bodies, the Committee may also issue General Comments elaborating the meaning of the provisions of the Convention or cross-cutting themes. The Committee may also hold Days of General Discussion with States, civil society, United Nations entities and other international organizations.

By ratifying the Convention, States commit themselves to appropriate committees periodic reports, covering the decisions they legislative, judicial, policy and other measures to implement these agreements enshrined in the rights owned by, in particular, directly minorities. On the basis of information submitted to the Committee, they can engage in dialogue with the reporting States parties. Following consideration of the report of the State party, the Committee adopts «concluding observations», which can be observed that there had been violations of the rights of minorities, contained a recommendation to the state to refrain from any further attacks on the right or call to take action to rectify this situation.

The international community, in their instruments and mechanisms intended to ensure that international and national protection of minorities — recognize these problems. However, as society evolves, it is essential to consider re-analyze and correct, if necessary, these instruments and mechanisms, so that they ensure effective participation of minorities in society.

Thus, more attention in the international law on the rights of individuals. Often, a person belonging to a minority are not fully possess human rights and fundamental freedoms are discriminated because of ethnic, religious or linguistic grounds. However, the non-discrimination provisions are not enough to ensure that minorities full and effective equality. The prohibition of discrimination is equality before the law, but does not provide de facto equality. Moreover, the necessary special rights and measures for the protection of minorities, in order to overcome the stereotypes of discrimination and to implement equality in practice.

It is true also that the situation of minorities differs from country to country and therefore require different approaches, the danger is that the common objectives and principles would be interpreted restrictively by certain parties. This flexibility allows you to translate the principles into domestic national legislation and policies that best covers their particular situation, it can be probably used by some States parties to avoid their obligations.

References

1 Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/euro/Rets157.html>

2 Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.un.org/en/documents/charter/>

3 Хельсинкский заключительный акт (1975 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.humanrights.ch/en/standards/europe/osce/helsinki/>

4 Итоговый документ Мадридской встречи 1980 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания. — Мадрид, 1983. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/40875>

5 Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к итогам Конференции, Вена, 1989. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/peace/docs/oscevienna.html>

6 Парижская хартия для новой Европы. (Париж, 1990 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true>

7 СБСЕ, Хельсинкский документ 1992 г. «Вызов времени перемен» (Хельсинки, 1992 г.). — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.osce.org/node/39530>

8 Лиссабонский документ 1996 г. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.osce.org/mc/39539?download=true>

9 Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ (Копенгаген, 1990 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.osce.org/odihr/elections/14304>

10 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950 г.) — [ЭР]. Режим доступа: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/005.htm>

11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи 1979 г. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/>

Д.К.Рүстембекова

Еуропадағы азшылықтар құқықтарының халықаралық стандарттары

Мақалада ұлттық азшылықтарға жататын тұлғаларды қорғаудың мәні теңдік мүдделерін, әділеттілікті, тұрақтылықты, демократиялық қауіпсіздік пен бейбітшілікті қамтамасыз ету мақсатындағы адам құқықтарын халықаралық қорғаудың құрамдас бөлігі ретінде Еуропада Еуропа кеңесінің азшылықтар жағдайын құқықтық реттеу мәселелері қарастырылған. Біріккен Ұлттар Ұйымының Азшылықтардың құқықтары туралы декларациясына сәйкес, азшылықтар ерекше болмысқа ие, ұлттық немесе этникалық, мәдени, діни және тілдік топтар ретінде қарастырылды және мемлекеттер олардың тіршілік етуін қорғауға міндетті болып табылады.

Д.К.Рүстембекова

Международные стандарты прав меньшинств в Европе

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования положения меньшинств Советом Европы, значение защиты лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, как составной части международной защиты прав человека в интересах обеспечения равенства, справедливости, стабильности, демократической безопасности и мира в Европе. Автор отмечает, что в Декларации ООН о правах меньшинств говорится о меньшинствах как о самобытных национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых группах и предусмотрена обязанность государств охранять их существование.

References

1 Framework Convention for the Protection of National Minorities (Strasbourg, February 1, 1995), [ER]. Access mode: <http://www1.umn.edu/humanrts/euro/Rets157.html>

2 Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945), [ER]. Access mode: <http://www.un.org/en/documents/charter/>

3 The Helsinki Final Act (1975), [ER]. Access mode: <http://www.humanrights.ch/en/standards/europe/osce/helsinki/>

4 Concluding document of the Madrid Meeting 1980 of representatives of the participating states of the Conference on Security and Cooperation in Europe, held on the basis of the provisions of the Final Act relating to the Follow-up to the conference (Madrid, 1983), [ER]. Access mode: <http://www.osce.org/ru/mc/40875>

5 Concluding Document of the Vienna Meeting 1986 of Representatives of the Participating States of the Conference on Security and Co-operation in Europe, Held on the Basis of the Provisions of the Final Act Relating to the Follow-Up Conference, Vienna 1989, [ER]. Access mode: <http://www1.umn.edu/humanrts/peace/docs/oscevienna.html>

6 Charter of Paris for a New Europe, Paris, 1990, [ER]. Access mode: <http://www.osce.org/node/39516>

7 CSCE Helsinki document 1992 «The Challenges of Change», Helsinki, 1992, [ER]. Access mode: <http://www.osce.org/node/39530>

8 Lisbon document, 1996, [ER]. Access mode: <http://www.osce.org/mc/39539?download=true>

9 Document of the Copenhagen meeting of the Conference on the human dimension of the CSCE, Copenhagen, 1990, [ER]. Access mode: <http://www.osce.org/odihr/elections/14304>

10 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Rome, 1950, [ER]. Access mode: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/005.htm>

11 The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW), adopted in 1979 by the UN General Assembly, [ER]. Access mode: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/>

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

UDC 340.15:94 (574) 081

G.Z.Kozhakhmetov, R.B.Botagarin

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: botagarin_ruslan@mail.ru)*

Józef Pilsudski's state and political activity in the formation of sovereign state in Poland

This article shows the public-political activity of Jozef Pilsudski in the formation of a sovereign state in Poland. Jozef Pilsudski is both one of the major socio-political public figures in Poland late XIX beginning of XX century. Also, the article shows the life of Marshal Jozef Pilsudski, whose main task was to preserve all that Poland has achieved during that period in the territorial and political terms and to become an independent country.

Key words: Marshal Jozef - Klemens Pilsudski, the Polish state, the Polish Socialist Workers' Party, Warsaw.

Józef Pilsudski (1867–1935) was one of the great political statesmen of Poland at the end of the XIX–the beginning of the XX century. His name is connected with the restoration of independence of Poland, reunion of its lands, formation and strengthening of its state and legal institutes.

It is known that persons play a significant role in the history of a state, in particular on critical stages of its development. Therefore Józef Pilsudski, as well as other patriots of the Polish state, did his best to release his country from colonial oppression. He became the leader of the people and the country's spiritual leader in the most difficult situation, when the question of its freedom and independence was resolved.

The state, huge by its territory and human resources, which was called the Republic or the Polish-Lithuanian Commonwealth, as a result of a number of wars with the neighboring powers was divided between large empires of that period — Austria, Prussia and Russia [1; 169]. East part of Poland which was near Russia was called the Kingdom Polish. It may be noted that unlike other colonial suburbs of Russia as Steppes, Turkestan, Transcaucasia, etc., the Kingdom Polish had a special status that was connected with a number of historical, cultural and legal values of the region. At the same time, the Polish part was in worse social and economic state than those territories in the neighboring European states where their compatriots lived.

It is known that Poland was divided and a single ethnos with its peculiar language, culture and religion was forced to become the colonial suburb of large European powers. There was the infringement and suppression of basic rights and freedoms in the Kingdom Polish, as well as in other parts of the former Polish-Lithuanian Commonwealth, and the public raising anger for many years was restrained by means of threat and force.

It should be noted that in the XIX century in Europe the industrial revolution gained momentum, there were new technologies, large imperialistic powers accumulated forces for the repartition of territories and acquisition of new colonies, sales markets what required modernization of the army, fleet, increase the number of troops. All this laid down on the shoulders of subject territories, including Poland where the revolts rose repeatedly against the increased taxes and a drafting in the army. The imperial administration cruelly suppressed public protests with the help of Russian active armed forces.

Many scientists think that in the process of fight of the Polish people for independence, the autocracy strengthened repressions and in a legislative order began to limit the state and legal institutes operating in the

territory of autonomous Poland. For example, instead of the Constitution of 1815 operating in the territory of Poland another Law «Organic Statute» was introduced. It stated that all Polish lands were considered as a part of the territory of the Russian Empire [2, 3].

After suppression of revolt in 1830–1831 which was caused by the requirement to return a special status to the autonomy, the imperial government with arms and other methods tried to draw nearer the pro-Russian part of the szlachta (Polish nobility) and influential layers of the Polish population for cooperation in region management. However, in practice, the biggest part of the population including the szlachta, demanded the recovery of the former special status. In the course of time, Poland liberation from colonial dependence, Russianizing policy and repressions from the colonial authorities became the main idea of the advanced part of the nobility and intellectuals.

Later, in 1863–1864 during the reign of the emperor Alexander II, there was a new large revolt which was connected with questions of abolition of serfdom in Poland. It is known that the serfdom in Russia was abolished in 1861, however the democratic principles of this act of the world significance exempting the people from century slavery, ignorance and opportunity to live freely, in Poland this document had some features.

Trying to suppress the revolt and being afraid of its transformation into agrarian revolution, the imperial government was compelled to issue the decrees on February 19 (March 2) to recognize and confirm the relations which developed during revolt in the village — the peasants were returned their lands, illegally taken away and exchanged after 1846, and the part of landless peasants was allocated with small sites from country empty and state lands [3; 347].

It should be noted that Alexander II's reforms, which certainly had the democratic character, lost their useful to the people qualities in the process of their distance from the mother country, as the imperial authorities didn't consider it necessary to carry out full transformations on suburbs. For example, the introduction of Territorial establishments according to Alexander II's reform, were not entered neither in Turkestan, nor in Steppes, it also concerned judicial system and municipal government. The government recognized that a colony had to be content with what it was given; therefore many reforms came to suburbs only after Nicholas II's overthrow.

The scientists investigating this problem note that at the emperor's court there was an opinion that management of the region by means of liberal methods inevitably led to revolt, therefore the Russian government chose a rigid course towards their subjects and started the policy of its accelerated assimilation and russification [2; 5].

As it was stated above, the industrial revolution activated political life of Europe. The working class and the peasantry were not that frightened and illiterate population which could be ruled with old methods [2; 5–6]. In this environment there appeared various revolutionary movements, such as social democratic, national and socialist and others. In these rough, critical years for the country and all Europe, on December 5, 1867 in a family of prosperous land owners Pilsudski the fourth child Józef Clemens was born. The Pilsudski family belonged to the Polish szlachta (nobility). His father Józef Vincent Pilsudski was not a politician, he had an agricultural education, and his mother Maria was from the famous Polish family of Billevichies, she devoted all the life to her children. Twelve children were born in their family [4; 7].

Józef's father and close relatives were the opponents of the colonial regime and sympathized with revolutionaries. Józef's cousin Alexander Pilsudski died in the revolt of 1863 and some members of his family served sentence in prisons [2; 6].

Since childhood, and later in youthful years, all these events left their prints on Józef's attitude to power, existing regime and the order of things, forming in him the patriotic feelings and desire to liberate the people from colonial dependence.

In 1874 the Pilsudski family was forced to leave for the city of Vilna (modern Vilnius) because of the fire which destroyed their crop and estate. In the same city in 1877 Józef Pilsudski entered a gymnasium. During the study Józef's hostility to Russianizing policy in school education aggravated, that is why he did not have a strong desire to study, though he was a clever and talented grammar-school boy. Józef had a great interest for military history, especially to Napoleonic epoch [2; 9].

As the scientists note, during the years of study Józef had a strong character, organizing abilities and ambitions. During this period, among other grammar-school boys he began attending groups of closed type, such as «Spuiya» that meant «Communication».

As a rule, such groups had a peaceful character where pupils discussed various questions of philosophy, natural sciences and other achievements of scientific and technical revolution of Europe of that time. Later,

Pilsudski stopped attending the groups as he was more interested in political questions in which Europe participated.

In Pilsudski's life, his mother Maria played a special role. Thanks to her he knew history, culture and religion of the country well, and her death on September 1, 1884 came as a big shock and loss for him.

After graduation from a gymnasium in 1885, Pilsudski entered medical faculty of Imperial Kharkov University. He studied well, however he was punished twice for unauthorized participation in students' demonstrations. Trying to leave Kharkov, he submitted the documents to the University of Dorpat. His documents delayed, so in this free time Pilsudski attended illegal clubs where Marxist ideas popular at that time in Europe were spread. However, it should be noted that the Marxism and its ideas about creation of classless society attracted young Józef only because he intended to use them against the autocratic regime and achievement of the main goal — obtaining independence for Poland.

In that period of history terrorism was popular in revolutionary movement, where the revolutionaries tried to change the existing system by explosions and murders of tsars. Józef's elder brother Bronislav, together with his companions prepared such an attempt at Alexander III, for which in 1887 he was arrested and sent for 12 years of penal servitude. Józef, being a witness in this case, was exiled to Eastern Siberia for 5 years [2; 12].

From the exile, communicating with professional revolutionaries democrats, Józef returned the mature and skilled person ready to combat tsarism and its regime. In this period Pilsudski and his companions approached the revolutionaries who arrived from abroad. In particular in 1893 he met Stanislav Mendelssohn.

It should be noted that in Warsaw there already existed the Unions of Polish workers, the Polish Socialist Labour Party — «Great Proletariat» [4; 375–376], which soon got the name «Second Proletariat». The main issue of negotiations with the foreign Union of the Polish socialists formed in Paris in 1892 where the PSP program, the Polish Socialist Party, was accepted, was the involvement of the Poles in Russian territory to revolutionary activity. As a result, Polish «Second Proletariat» and «The Union of Polish workers» agreed to enter PSP.

It is necessary to tell that in the course of discussing the questions of merging and uniting the party, not all its participants agreed with the creation of independent democratic republic, not proletarian. Many authors of the program considered the national independence of the Polish state a priority task, i.e., in the beginning it was necessary to receive national release, and then to liquidate a social inequality [2; 18].

Józef Pilsudski, understanding a political situation, gets into the work of PSP; his role in this political movement he defined briefly: the independence Poland – first, then the problems of the proletariat [2; 20].

Except the mentioned parties in Poland among other social groups were popular the parties of social democratic direction, in particular, the Polish Social Democratic Party which was later renamed into the Social Democracy of Polish Kingdom. Its ideological inspirer Rosa Luxemburg considered the integration of Poland with Austro-Hungary, Germany and Russia to be useful, and on the contrary, the separation of Poland would only do much harm to its economy [2; 20, 21].

A big underground work in the territory of Poland was carried out by the Jewish socialist party — «Bund». As the territory of the former Polish-Lithuanian Commonwealth was multinational, in each ethnic group there were leaders who demanded the improvement of vital conditions for their people from the colonial authorities.

In July, 1893 the first congress of PSP was held where the main problem was discussed — what political relationship to develop with the Russian revolutionaries and democratic parties, as the future of their country depended on it [2; 21].

This congress at which there was a close cooperation of various democratic forces of Europe, exchange of opinions about the forms of struggle against autocracy and dictatorship, solution of a number of political problems of future construction of the national states in the territory of the Kingdom Polish became the first and main stage in the revolutionary democratic movement of Polish and other people for their independence. Revolts of 1830–1831, 1863–1864 showed that it was possible to struggle with tsarism, and only the competent preparation of the underground movement, training of the population and propaganda activity could result in desirable independence.

By this time Pilsudski was already acquainted with the famous Polish revolutionaries Stephane Belyak, Alexander Sulkevich, Ludwig Zaykovsky and others, and had an authority among them. In the August issue of «the Pshedsvita» of 1893 in the article «Attitude to the Russian Revolutionaries» Pilsudski accurately defined the attitude of the Polish socialists towards the Russian revolutionaries. On behalf of the Polish

democrats he supported the Russian revolutionaries in the struggle against tsarism, however specified that they did not have a uniform attitude to the independence of Poland and recognition of the rights and freedoms to the peoples of the Polish-Lithuanian Commonwealth [2; 21].

The same opinion Pilsudski had about a global or socialist revolution. In general, it is possible to admit that he didn't reject it completely; however, his main goal was the liberation of Poland from colonial dependence and gaining the sovereignty [2; 21].

Józef Pilsudski's party and revolutionary career began in 1894 at the II Warsaw congress of PSP where the organizational structure of party was elected, the order of its activity and perspective tasks were defined. Pilsudski became the Head of the Central working committee. The congress charged him with the organization of the underground printing house and issuing the main part of «the Rabotnik» newspaper [5]. The governing bodies of the congress included also Strozhetsky Ya., Grabovsky Ya., Klimovich P. and two candidates for members of Central Revision Committee — Petkovic K. and Naake-Nakenski V. [6; 50].

Life proved that the creation of the publication was not a simple task under the rigid repressions and a constant control from the imperial gendarme authorities. Nevertheless, J. Pilsudski organized the printing house with the help of his companions. The form of its distribution, possibility of its evacuation and other important underground problems were solved.

The editors tried to inform the people and to show the real colonial Russianizing policy of the imperial government, and its attitude to the Polish language, religion and culture. The newspaper was printed once a month, however in 1894 the underground newspaper with a circulation of 10 000 copies was closed [2; 22–24].

Another important problem was that the territory of Poland was divided between the three empires which also created certain difficulties in the development of the general questions, in particular, in coordination of actions, coherence of events, etc. These elements were considerable obstacles in J. Pilsudski's work on joining the Polish democratic forces in the United National Movement.

In June 1895 the III congress of PSP was held in Ponary (Paneriai) where the question of support of other revolutionary movements which independently combatted the imperial regime for their liberation. At the congress Pilsudski was elected into the Central Working Committee together with L. Kulchitski and A. Sulkevich.

Knowing Pilsudski's abilities the congress assigned him to continue the work on issuing the illegal newspaper «Rabotnik», support the contacts with Polish students who studied in Russian higher education institutions, and also with the Russian socialists accepting the idea of Poland independence. In the autumn of the same year Pilsudski again was arrested for illegal work [2; 25].

As scientists note, Pilsudski mistrusted the revolutionary movement of Russia; he considered the Russian proletariat not to be able to help to Poland gain national independence because it was weak and politically disorganized. Officially Pilsudski declared that only the Poles would be able to solve this problem, and only as a result of Polish-Russian war, or participation of Austro-Hungary against Russia or Germany, it was possible to achieve the real independence [5; 56].

One of the largest events of considered period was the preparation and carrying out the IV Congress of the II Communistic International which was arranged on July 27, 1899. The Polish delegation was represented by ten representatives, among them were Mostsitski, Dashinski, Endzhevski, Yodko-Narkevich and Dembovski. Pilsudski was registered under the name of Victor Kostsesha [2; 26].

Unfortunately, in the Draft resolution of Komintern in which the general idea consisted in uniting and activation of labor movement, the offer of the Polish delegation to include the question of Poland independence was rejected [2; 27]. It confirmed Józef Pilsudski's opinion to go his own way, using any methods and opportunities up to military, for obtaining desirable independence of Russia. Gradually, through communications with political emigres, Pilsudski became an outstanding figure among the Polish revolutionaries abroad.

On July 15, 1899 Józef Pilsudski got married to Maria Yushkevich and some time they lived with the counterfeit documents under the name Dombrovski. It is interesting that many famous representatives of the Polish intellectuals of that time sought the hand of Maria Yushkevich, for example Roman Dmovski who subsequently became the leader of large political party of Poland.

Later, we will see that these personal relations will find the reflection in political affairs as Pilsudski was the ardent opponent of the Polish National Democrats (endeks) of whom Dmovski was the head [2; 29].

As a result of active investigation of detective police in 1900 in February the Pilsudski couple was arrested, and the printing house and revolutionary literature was again confiscated. However, as a result of

malingering a mental illness Pilsudski was transferred to a psychiatric clinic of St. Petersburg where on June 20, 1901 he managed to escape abroad [2; 34].

The Polish socialist party of which Pilsudski was a member, after suffering losses in its ranks, confiscation of printing house and leaving of a number of vigorous figures like L. Kulchitski, still remained afloat. It is possible to note that L. Kulchitski, being exiled to Siberia, met with the Russian social democrats and was fond of their ideas about world proletarian revolution. He gathered a group of revolutionaries who considered it was possible to achieve Poland independence only in the conditions of joint fight of the Polish and Russian proletariat [7; 369, 370].

With the help of foreign party colleagues, the Polish social democrats continued to issue their political newspaper. The party began to gain strength again, and in 1900 the V congress of PSP was held in Skernevitsa [2, 35]. It should be noted that instead of «old» party members, the new revolutionaries came to PSP so it took a lot of Pilsudski's effort to unite the party and to solve internal problems [2; 39].

By this time in there were some changes in the development of revolutionary movement. It is well-known that V. I. Lenin, the leader of the Russian Social Democratic Labour party (RSDLP), began to unite the separate political movements opposing autocracy in a single union. In this sense, the II congress of RSDLP which took place in July-August 1903 in London was a historical event, since it became the beginning of the new political movement which would subsequently overthrow the monarchy in Russia, create the state of new socialist type and leave a noticeable trace in the geopolitical world map.

Among the Polish revolutionaries there were the organizations which followed Lenin's idea, however their larger part including Pilsudski's PSP, didn't agree with the program of Bolsheviks, for what Lenin often criticized them in his articles and speeches.

The leader of the Russian proletariat tried to show the class nature of the ruling forces of Poland which struggled for the state independence and sovereignty in the article «Ethnic Question in Our Program» which was printed in the Iskra newspaper in July, 1903 No. 44. According to Lenin, the Polish proletariat needed to become the ally of the Russian workers, whose purpose was a victory of proletarian revolution in Russia. Therefore, it was told in article, it is necessary to think not of the sovereignty of Poland which was brought every day by the bourgeoisie to the proletarians, and to look for cooperation and the general methods of struggle against the imperial regime in Russia up to the change of the existing system [8; 21, 22].

In the speeches Lenin repeatedly tried to uncover the nationalism in the Polish socialist party, he compared them to the Russian socialist revolutionaries who brought harm to the Polish labor movement. According to Lenin, only the union of proletarians of all countries can ensure their victory over autocracy [9; 69].

The first years of the XX century marked the beginning of large political changes on the world scene. The conflict of Russia and Japan became one of the first problems which arose between the countries. Pilsudski believed that the military conflict promised a prospect to the large military companies, and not only belligerent parties, but also a number of the European states would be involved into it as each of them had claims to each other. He propagandized among the Polish the idea to be ready to an armed revolt against imperial Russia. Only military defeat of Russia, as Pilsudski noted, could give the full independence of Poland, the party would achieve not begging of some autonomy but the full independence [2; 41].

In this period for underground activity Pilsudski takes the pseudonym «comrade Mieczyslaw» [2; 41]. It should be noted that Pilsudski and his party fellows tried to hold spontaneous revolts which could develop into the armed conflicts with the imperial Russia. Revolt, in their opinion, had to happen simultaneously with the weakening of Russia on the Russian-Japanese front.

Preparation of new armed revolt required the weapon and money. Pilsudski on behalf of the Polish socialist party visited Tokyo for negotiations on interaction of his party with Japanese armed forces. Pilsudski offered the project of financing of the anti-Russian armed revolts and various insurgent actions of the Polish socialist party, and also holding the sabotage on mobilization in army and other actions organized by the Russian authorities. These purposes required financing and arms.

Unfortunately, Pilsudski's plan wasn't carried out as at the same time in the leader of the Polish national democrats Roman Dmowski came Tokyo by their invitation. According to Dmowski, Poland wasn't ready to a serious armed revolt either with moral, or from the military point of view, therefore the large military forces which the tsarism held on the Vistula River, would simply suppress the revolt and many people would suffer. The Japanese government accepted these arguments as it was intended to fight with Russia in the East, but not in the West. As a result, Pilsudski's plan about the union with Japan failed, though he received the financial aid promised by the Japanese [4; 35, 36].

The weapon bought with the Japanese money was used by Pilsudski on November 13, 1904 in a large demonstration which developed into armed conflict. As scientists note, it was one of debuts of the Poles with weapon in their arms after suppression of the revolt of 1863–1864 [2; 53]. Certainly, in spite of the fact that performance was suppressed by the imperial authorities, it had important moral and psychological value for the Polish people as it lifted their spirit and strengthened belief in a victory for the independence and sovereignty of the country.

Another considerable event of the Polish socialist party was that Pilsudski set the main task not in the participation in the all-Russian revolution, but in the internationalization of the Polish question, that is involvement of all the Poles into it, and also other peoples living in the territory of Poland.

The Russian revolution of 1905 which happened suddenly after execution on January 9 of peaceful demonstration by the imperial authorities, forced revolutionary parties and the movements of national suburbs to revise their strategic plans and programs.

In the ranks of social democrats of Poland after revolution of 1905, the relation between the old and younger generation of revolutionaries became more complicated as young revolutionaries demanded association with the Russian revolutionary movement and to postpone the question of the sovereignty until the overthrow of tsarism. Pilsudski and his colleagues, on the contrary, considered that it was necessary to use this favorable situation to get independence.

One of the Russian revolutionaries and democrats M. Sokolski recollected the conversation with Pilsudski which took place in November, 1905, about PPS attitude to the Russian revolution. Pilsudski answered the asked question that it was necessary to act, it was not possible to win the enemy without fight. What can we achieve with small strikes, or termination of work of some enterprises? «... on the contrary, we will only weaken own society and the country, we will have less forces for struggle» [2; 56].

In 1907 there was a final split between young and old revolutionaries of PSP, the party was divided into two camps.

Pilsudski devoted a lot of his time to creation of the fighting organization for carrying out acts of terrorism and expropriation of money, and also to the creation of a basis for the future Polish army. Creation of the fighting organizations and fighting squads, undoubtedly, played a significant role in the future struggle for independence as Pilsudski understood that it was useless to hope for the external help or liberal reforms in that political situation. Pilsudski's party colleagues, as well as other democratic and revolutionary forces of the Kingdom Polish, were dissatisfied with the organization of future army considering it a dangerous deed. For example, national democrats (endeks) under the leadership of R. Dmovski, held the opinion that was provocation and violation of the fragile balance between Russia and the Kingdom Polish. R. Dmovski, who was the deputy of the State Duma of Russia, and his colleagues hoped to gain the independence for Poland in the form of an autonomy by peaceful parliamentary reforms.

But Pilsudski understood that the State Duma, where the Polish deputies including R. Dmovski participated, couldn't achieve any real reforms as the tsarism used the Parliament for strengthening of its autocracy and carrying out the large political, military and economic reforms.

Pilsudski's insight and forecasting of future political situation will bring subsequently positive results in formation of the Polish state.

Pilsudski didn't waste time in that political situation, he and his companions tried to establish the relation with another rival of Russia — the Austro-Hungary empire of the Habsburgs. In September, 1906 Pilsudski offered 200 thousand people from his party in case of the war between Austro-Hungary and Russia. During the negotiations the questions of military ammunition and delivery of the weapon were discussed [2; 62].

He didn't receive an affirmative answer from the Austro-Hungarian General Staff, however the relations of the party with the top military management were established.

The organization of army, despite all difficulties, proceeded due to the financing of Japan, and mainly by means of expropriation of banks, post trains, etc.

Pilsudski with a great patience and persistence prepared the country for future war. He thought that the tsarism gave the Constitution and Parliament not to change the existing order of things and moreover it would never change its attitude to the national suburbs. He also believed that the all segments of the population living in the territory of Poland had to participate in the struggle for independence of the country.

Gradually by the beginning of the World War I in the territory of Poland there were special divisions, such as UAS, the union of active struggle, where the young people with experience of military service entered. PSP created the similar organizations in each city, they had the Charter and signs of distinction. In

1909 the congress of UAS where the achievements were demonstrated and the forthcoming tasks were defined [2; 81].

As Pilsudski couldn't fulfill the plans without the support of political party, in August 1909 in Vienna was held the XI congress of PSP revolutionary fraction. At the congress the decision to return to the initial name the Polish Socialist Party was made. The main goal of party was to create the independent Polish bourgeois-democratic republic, and in the long term the Polish socialist state as a part of all Polish lands [2; 81].

The Congress declared the break of collaboration with other socialist parties in the Kingdom Polish, first of all with the former PSP and Social Democracy of the Kingdom Polish and Lithuania (SDKPL). In their opinion, they denied the importance and the first priority of the solution of an ethnic question for the proletariat of Poland. The Congress also pointed at possibility of the union with bourgeois parties if they were ready to struggle against tsarism. The Congress practically expressed Pilsudski's idea about a new stage of a national democratic revolution in Poland [2; 82].

At the Pilsudski's initiative in 1912 the conference of supporters of independence of the Kingdom Polish took place. The authoritative political and public activists were present at it. The main decision of the conference was the creation of the Polish military treasury which had to finance the army created in Poland. The military treasury facilitated the fund raising as each patriot considered a duty to bring the contribution into the independence of Poland [2; 86].

By the beginning of the World War I the Polish shooting squads represented rather large military formations in various cities of the Kingdom Polish. However, for the creation of official Polish army, some formalities were necessary: these divisions had to be considered as a part of Austro-Hungarian or German armed forces. Pilsudski used the given opportunity, the draft in the armed forces of Poland was declared, the new weapon and military ammunition was received [2; 99]. Under tough military conditions Pilsudski constantly had to manoeuvre between Germany and Austro-Hungary to keep mobility of the divisions.

It should be noted that years of the World War I were hard for Poland. From the first day it turned into a military camp as it was compelled to be at war with several countries simultaneously because it was in the center of military events. Transport, school, finance, industry were in an awful disorder. Typhus and other epidemic diseases raged in rural areas. However, the hope to become the independent state gave force to the people to resist difficulties of war [10; 255].

During the war in August 1914 the Chief National Committee (CNC) was formed and became the central body of the risen Poles. Eminent persons were a part of the CNC from the cities of Krakow, Lviv, Western Galicia, etc., so they executed the decisions of the Chief National Committee in different cities [2; 117].

Józef Pilsudski headed the Polish military legion which was in the ranks of Austro-Hungarian army. It should be noted that in the conditions of the cruel war in the territory of Poland, the legionaries showed unprecedented valour and courage. Pilsudski was called the Chief Commandant by the soldiers.

In 1916 in his troops Pilsudski organized the act of renunciation of Protestantism and transition to Catholicism [2; 126]. Prolonged war showed not only heavy miseries, deprivations and losses in the ranks of soldiers and civilians, but also that fact that the Chief Commandant understood: neither Austria, nor Germany would give independence to Poland [2; 128].

The revolution of February 1917 in Russia brought serious changes to the plans of the Chief Commandant, as well as all belligerent parties. The tsarism failed and a new state began to arise, on its place. The address of the Petrograd Council of workers and soldier's deputies on March 27, 1917 which was called «To the Polish people» had a historical value for Poland. The document stated that Poland could consider itself the independent state, and with the arrival of the Soviet power in Russia on August 29 1918 the Declaration on refusal of the Poland division concluded by the Russian Empire was published.

These events gave a positive impetus to other states with traditional democracy. The slogans about the independence of Poland in January 1918 were put forward by America, on January 5 of the same year this idea was supported by Britain, after them the governments of France and Italy supported.

After defeat of Austro-Hungary and Germany, their authorities transferred the command of the Polish military forces to Józef Pilsudski [1; 406]. By the way, at that time Pilsudski was serving a prison sentence in the Magdebourg prison where he was put by the allies for the sharp criticism of their policy towards Poland.

This eventful period of history was of great importance for Poland, and especially for J. Pilsudski. The World War I ended, however the borders division between the winners and the won still proceeded. Even the

Bolsheviks, who got matters off the ground, giving an example to other states to pay attention to the Polish problem, more than once violated the arrangements on borders with Poland.

In its turn, the beginning of the II Polish-Lithuanian Commonwealth encouraged the Polish politicians on the same aggressive actions in the territory of Baltics, Belarus and Ukraine. One of such large campaigns nearly ended a crash when the Soviet troops appeared at the walls of Poland. Only the pressure in Russia of the countries of the Entente — the USA, England and France, and a number of military failures of the Bolsheviks forced them to return to their former borders.

The new Polish state was formed as the bourgeois-democratic republic. First of all the Polish Constituent Congress – the Sejm was called. For special merits before the Fatherland the Polish Sejm left Pilsudski on the post of the Chief of the State.

On March 17, 1921 the Constitution of the revived Poland was adopted. It should be noted that after the long-term stay in a colonial dependence, weakness and lack of practice of political parties led to the frequent fights that distracted them from the solution of the urgent social, economic, political and legal questions of the country.

In these severe conditions J. Pilsudski made the right decision. In 1926 he organized a military coup which made a number of changes and additions to the existing Constitution of Poland of March 17, 1921 [11].

Pilsudski's main task was preservation of everything that Poland had achieved for that period in the territorial and political sphere. Therefore Marshal Pilsudski assumed the government of a state to neutralize the left-wing destructive forces wishing to turn the democratic reforms back. The new elections to the supreme body of legislature, the Sejm, were declared.

Later in 1927, after the resignation of the President, Józef Pilsudski was elected the Head of State [4, 160]. First of all, Pilsudski was afraid of penetration of the Bolshevik ideas on the territory of Poland from border regions. He tried to keep the traditions of the Polish-Lithuanian Commonwealth where the person could live free under the state protection.

Marshal Józef Clemens Pilsudski died on May 12, 1935 in Warsaw. He was buried in Vavel, and his heart was buried in his mother's grave on a cemetery in Vilnius [11]. The whole life of this extraordinary person was devoted to the revival of Poland; he is an example of patriotism and love to the Fatherland. Pilsudski created a strong state for the short period while he was a head of Poland. Nevertheless he understood that the race of arms amplified all around the world, and parallel with it grew the intensity and political ambitions of large powers for the world supremacy. Nazi Germany and the Stalin regime systematically prepared for war, but, despite all the circumstances, Józef Pilsudski tried to keep strong Polish army until the end of his life, and not only by weapon, but also by his policy he avoided the conflict situations with neighboring states.

References

- 1 Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. — М.: Юрид. лит. — 559 с.
- 2 Матвеев Г. Пилсудский. Сер. Жизнь замечательных людей. — М.: Мол. гвардия, 2008. — 512 с.
- 3 Костюшко И.И. Крестьянское движение в Польше. — М.: Наука, 1959. — 357 с.
- 4 Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский — легенды и факты: Пер. с пол. — М.: Политиздат, 1990. — 399 с.
- 5 [ЭР]. Режим доступа: <http://jpilsudski.org/artykuly-historyczne-pilsudski/zyciorys-jozefa-pilsudskiego>
- 6 Пухлов Н.Н. Польское рабочее движение (1890–1904 гг.). — М.: Наука, 1977. — 353 с.
- 7 Канцевич Я. ППС и революционное движение в России в 1893–1903 гг. / Связи революционеров России и Польши в XIX – начале XX в. — М., 1968. — 368 с.
- 8 Ленин В.И. Ленин о Польше и польском рабочем движении: Статьи, речи, документы, письма. — М.: Политиздат, 1990. — 590 с.
- 9 Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я. Ленин и польское движение. — М.: Мысль, 1971. — 504 с.
- 10 Мархлевский Ю. (Ю. Карский). Очерки истории Польши. — М.-Л., 1931. — Т. 6. — 321 с.
- 11 [ЭР]. Режим доступа: <http://marszalek-pilsudski.prv.pl/historia.html>

Ғ.З.Қожахметов, Р.Б.Ботағарин

Юзеф Пилсудскийдің Польша мемлекетінің егемендігін қалыптастырудағы мемлекеттік-саяси қызметі

Мақалада ірі тарихи тұлға Юзеф Пилсудскийдің Польша мемлекетінің егемендігін қалыптастырудағы мемлекеттік саяси қызметі көрсетілген. Юзеф Пилсудский XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы Польшадағы қоғамдық-саяси мемлекеттік қайраткерлердің бірі болып табылады. Сондай-ақ, Польша мемлекеттілігіне төнген аумақтық және саяси тұрғыдағы қауіптерге қарамастан, билікті өз қолына алып, елінің тәуелсіздігі үшін барын салған күрескердің өмірі жайлы баяндалған.

Г.З.Кожухметов, Р.Б.Ботагарин

Государственно-политическая деятельность Юзефа Пилсудского в формировании суверенного государства в Польше

В данной статье изучены государственно-политическая деятельность Юзефа Пилсудского, его роль в формировании суверенного государства в Польше. Юзеф Пилсудский является одним из крупных общественно-политических государственных деятелей Польши конца XIX начала XX в. Авторами отмечено, что главной целью маршала Юзефа Пилсудского было сохранение всего того, чего добились Польша за рассматриваемый период в территориальном и политическом отношении и чтобы она стала независимой страной.

References

- 1 Bardakh J., Lesnorodski B., Pietrchak M. *History of State and Law of Poland*, Moscow: Juridical literature, 559 p.
- 2 Matveyev G. *Pilsudski. Series: The life of prominent people*, Moscow: Molodaya gvardya, 2008, 512 p.
- 3 Kostyushko I. *Peasant movement in Poland*, Moscow: Nauka, 1959, 357 p.
- 4 Nalench D., Nalench T. *Józef Pilsudski — legends and facts*, translated from Polish, Moscow: Politizdat, 1990, 399 p.
- 5 [ER]. Access mode: <http://jpilsudski.org/artykuly-historyczne-pilsudski/zyciorys-jozefa-pilsudskiego>
- 6 Pukhlov N. *Polish workers movement (1890–1904)*, Moscow: Nauka, 1977, 353 p.
- 7 Kantsevich Ya. *PSP and revolutionary movement in Russia in 1893–1903*, in the book: *Relations of revolutionaries of Russia and Poland in the XIX – the beginning of the XX c.*, Moscow, 1968, 368 p.
- 8 Lenin V.I. *Lenin about Poland and Polish workers movement: Articles, speeches, documents, letters*, Moscow: Politizdat, 1990, 590 p.
- 9 Yermolayeva R., Manushevich A. *Lenin and Polish movement*, Moscow: Mysl, 1971, 504 p.
- 10 Marchlevski Yu. (Yu. Karski). *Outlines on the history of Poland*, M.-L., 1931, 6, 321 p.
- 11 [ER]. Access mode: <http://marszalek-pilsudski.prv.pl/historia.html>

З.К.Аюпова¹, Д.У.Кусаинов²¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы;²Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы
(E-mail: zaure567@yandex.kz)

Современные тенденции глобализации и ее роль в интеграции права

В статье рассматриваются особенности глобализационных процессов в современном мире, а также влияние, оказываемое интеграционными процессами на правовые системы современности. Подчеркнуто, что сущность интеграционных отношений выражается в укрупнении и консолидации общественных отношений через определенные объекты интеграции и постепенное инкорпорирование всего человечества в единое сообщество с системой слаженных отношений (с глобальным правопорядком на началах равновесия регулирующего воздействия правовых систем разных государств и синхронизации регулируемого поведения в разных обществах). Авторами выделено, что движущая сила процесса интеграции находится внутри самой системы общества и общественных отношений в мировом масштабе. Это выражается в том, что общественные отношения представляют собой саморегулирующуюся систему, т.е. все общественные отношения в мире являются частью одной, достаточно широкой, но все же единой системы, которая обладает соответствующими функциями саморегуляции.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, мировая экономика, экономическая интеграция, социокультурные процессы, правовые системы, гармонизация права, правовая интеграция, правовое регулирование, правовой статус.

Процессы глобализации происходили и происходят на всем протяжении развития человечества. Смыслом, сутью и целью глобализации является образование единого «глобального общества» на началах «справедливости». Процесс по достижению этой цели протекает в разных (но тесно взаимосвязанных) сферах общественных отношений через международную взаимоинтеграцию, в первую очередь через правовую.

Некоторые ученые рассматривают современный этап глобализации как важнейший переломный момент перехода от традиционных цивилизаций к либеральным и отмечают, что это немислимо осуществить без права [1; 8]. В данном контексте либеральная цивилизация рассматривается как система, где системой координат являются ценности в виде свободы людей и возможность оптимальной реализации индивидуальности человека. Отмечается, что, «кроме права, нет иной социальной формы, которая бы обеспечивала существование и оптимальное функционирование общества, его экономической, социальной и политической систем в условиях реализованных либеральных ценностей и идеалов» [1; 9]. Таким образом, право рассматривается как важнейший инструмент эффективного регулятора, без которого само существование и функционирование общества невозможны.

Процесс эволюционного развития права занимает существенное место в процессе общей глобализации и затрагивает все правовые системы мира, а также развитие международного права в целом. А.В. Чолахян [2], как в сфере глобалистики, так и в сфере права, выделяет высокую интенсивность взаимоинтеграции (интернационализации, конвергенции, рецепции, аккумуляции) между правовыми системами мира. К примеру, Н.В. Архипова отмечает, что «...усиление интеграционных процессов требует новых ответов на вопросы настоящего и будущего, и в особенности по поводу динамики формирования глобального права» [3; 5]. Однако следует иметь в виду и то, что некоторые ученые, соглашаясь с существованием процесса глобализации права, считают возможность формирования «мирового права» или международной правовой системы в будущем весьма и даже «крайне спорной» [4; 7].

Таким образом, изменение содержания общественных отношений на глобальном уровне оказывает непосредственное влияние на изменение содержания всех правовых систем, так как связь права и состояния общественных отношений очевидна и бесспорна, что отражается и в практике, и в доктрине. К примеру, сегодня можно видеть, что в мире происходит тотальная гармонизация правовых систем, что связано с общим направлением их развития. Многие ученые считают, что процессы преобразования, реформирования и совершенствования правовой системы должны соответствовать за-

кономерностям, действующим не только в правовой сфере, но и отражать реальные свойства и связи, существующие в обществе и государстве в целом.

В чем же сегодня проявляются эти специфические свойства и связи общественных отношений, которые требуют собственной урегулированности через изменение права? Различное понимание сущности глобализации со стороны ученых по-разному определяет эти вызовы современности, но они все же едины в понимании высокой и даже ведущей роли права в реагировании на эти вызовы и потребности. В качестве примера можно рассмотреть понимание глобализации (и вызовов современной ситуации) как наличие многих глобальных проблем, которые ставят вопрос о самом существовании человечества вообще. Эти глобальные проблемы и есть вызовы, стоящие перед современным (несколько разрозненным) обществом, но это также вызовы, которые стоят и перед будущим глобальным обществом.

Какова же роль права в преодолении такого рода вызовов? Применительно именно к этим вопросам (которые рассматриваются в качестве простого примера) известный ученый В.В. Лазарев отмечает, что глобализация проблем (как следствие усложнения общественных отношений) требует усиления роли права и его регулятивных инструментариев и потому «основное направление эволюции права и государства — в сближении национальных систем в силу... необходимости общих решений» [5; 10].

Таким образом, в свете указанного выше обоснованным является положение о том, что важнейшим компонентом этого процесса образования единого общества с едиными принципами сосуществования является взаимоинтеграция единиц (составляющих это общество) именно через право (как социального регулятора). Развитие человечества неразрывно связано с развитием системы управления и регулирования общественных отношений. И процесс глобализации права начался также с самого момента образования общественных отношений и установления системы управления и регулирования в первых обществах и государствах. Право (как «кровь» системы управления и регулирования в целом) — это важнейший инструмент саморегуляции общества как системы.

Известные ученые В.В.Лазарев и И.И.Лукашук [5, 6] пишут о необходимости того, чтобы правовые системы различных стран были взаимосовместимы и способны взаимодействовать для дальнейшего успешного развития и решения глобальных проблем. Они отмечают, что современный мир стремится к собственной стабилизации и достижению общей цели именно через решение этих общих проблем совместными усилиями. Этот процесс развития мира (глобализации) некоторые ученые [5] также привязывают к повышению роли международного права, международных организаций и другим факторам, которые и обуславливают тенденцию образования мирового права, а в какой-то перспективе, по их мнению, и действенного мирового правительства.

Таким образом, общая цель и интерес мирового сообщества по созданию глобального общества немислимы без задействования механизма регулирования общественных отношений, что, в свою очередь, требует задействования права и соответствующих правовых инструментариев. В отношении данного положения можно добавить, что понятия «интерес» и «общая цель» применимы по отношению не только к правовой системе (государствам), но и к обществам и отдельным индивидам. Понимание права как выражения общих интересов в обществе или формы защиты общества от ситуации конкурирующих интересов имеет место быть [7]. Этот подход также свидетельствует в пользу заявляемого положения о том, что общество эволюционно движется к созданию новой формы более справедливого сосуществования, что также представляет интерес для каждого человека, общества и всех вместе. Такая цель общества реализуется не просто в глобализации, а именно в построении системы управления отношениями, которая будет удовлетворять идеям справедливости (что лежит в основе интереса общества) и будет защищать общество от потрясений, вызываемых ситуацией конкурирующих интересов. Таким образом, успех и положительный результат глобализации невозможны без должного развития права.

Эволюционное развитие права идет немного впереди общей глобализации, создавая предпосылки и условия для нее, хотя и является составной частью общей глобализации. В этом отношении только правовое равновесие может быть основой, без которой немислимы и сама глобализация, и, как конечный результат, «глобальное общество». Глобализация создает для обеспечения своей эффективности унифицированные нормы, стандарты и процедуры. Особенно это важно в отношении актуальных вопросов международного и национального значения, которые постоянно возникают в процессе развития и которые являются «актуальными» в рамках конкретной исторической обстановки. Повышение в качественном и количественном отношении взаимоинтеграционных процессов

в рамках экономических, информационных и иных связей, современные «общечеловеческие» проблемы в сфере экологии, терроризма и международной преступности, высокая миграционная активность населения и другие факторы создают предпосылки и объективную необходимость «объединения усилий и формирования механизмов выработки согласованных решений по указанным и другим проблемам» [8]. А.В.Егоров отмечает, что уже сегодня феномен права рассматривается не с узконациональных позиций, а как общечеловеческая ценность, воплощение идей справедливости. Потому необходимо при анализе степени взаимоинтегрированности правовых систем говорить, скорее, о принципиальном сходстве, нежели о различии их правосистем [9].

Понятие развития правовой материи (эволюционного развития и права) в юридической доктрине (особенно в философии права) зачастую ассоциируется с понятием развития правовой системы, и потому в данном случае положения, касающиеся развития правовых систем, могут быть использованы для раскрытия содержания процесса глобализации права. В.И.Надежин говорит об эволюции правовой системы как об естественноисторическом, закономерном, непрерывно длящемся качественном и количественном изменении правовых средств, при котором происходят «развёртывание», изменение всей правовой системы от низшего к высшему, от простого к сложному, к более передовому и совершенному состоянию, способствующему более эффективному регулированию общественных отношений [10].

Следовательно, совершенно обоснованно заявлять о том, что эволюционное развитие права является важнейшей и ведущей частью процесса общей глобализации, так как движущая сила саморегуляции системы общественных отношений проявляет себя более всего именно в соответствующих изменениях в правовой жизни общества.

Как уже отмечалось, процессы общей глобализации и развития права тесно и неразрывно связаны между собой, являются частями единого процесса и имеют совпадающие приоритеты в развитии. Если общая глобализация, образно говоря, ведет к мировому эффективному порядку, то эволюционное развитие права, соответственно, — к мировому эффективному правопорядку.

Действительно, все процессы правовой интеграции так или иначе связаны с процессами общей глобализации, в частности, с процессами экономического взаимодействия, культурным обменом, глобальными проблемами человечества и т.д. Эти процессы общей глобализации обуславливают соответствующие формы и тенденции развития права (универсализация законодательства, гармонизация правовых средств, увеличение влияния международного права, установление стандартов и т.д.). Таким образом, говоря об обеспечении мирового правопорядка как об одной из ключевых задач эволюционного развития права и взаимоинтеграции всех правовых систем, мы подразумеваем и существующую связь с общей глобализацией и мировым порядком, являющимся системой более высокого порядка и большей сложности.

Эта связь и соотношение развития права и общей глобализации также применимы к положению о скачкообразном (волнообразном) развитии процесса глобализации. Развитие правовой материи также проходит эволюционно в волнообразном движении, где периоды интеграции могут сменяться периодами обратной интеграции. Доктрина отмечает эту особенность развития права и правовых систем. К примеру, В.И.Надежин отмечает, что «развитие правовой системы может быть как положительным (правовой прогресс), так и отрицательным (регресс правовой системы). Развитие правовой системы — сложный, многогранный процесс, который, безусловно, характеризуется определённой противоречивостью» [10]. Процессы обратной интеграции в развитии права также должны рассматриваться как необходимые части единого процесса, повышающего общее качество развития.

Если рассматривать этот вопрос применительно к конкретной практической и прикладной проблеме, то можно наблюдать скачкообразный процесс развития современной правовой интеграции, к примеру, в сфере таможенного регулирования. С.М. Степаненко [11] в своей работе пишет о том, что весьма спорно видеть схему развития организационно-правовых форм в правовой интеграции в сфере таможенного дела как «линейную», что предполагает поступательное движение от низших форм к высшим. Он заявляет, что такой подход лишен гибкости и отмечает тот факт, что интеграция подвержена влиянию внешнеполитической конъюнктуры и вследствие этого объединительные тенденции часто чередуются с сепаратистскими.

В пользу такого понимания связи между общей глобализацией и развитием права можно привести определение мирового порядка, которое дает А.В. Чолахян: «Мировой порядок — это упорядоченная система отношений..., которая основана на использовании принципов и норм общения в мире (право, мораль, обычаи, культура, традиции и др.). Это порядок взаимоотношений не только в госу-

дарственно-правовой сфере, но и в области политики, идеологии, религии, экономической деятельности, отношений между общественными организациями, а также отдельными личностями» [2]. И хотя автор рассматривает данное определение не в отношении «глобального общества», в том значении, как это понимается в нашем исследовании, тем не менее указанные характеристики являются важными в свете рассмотрения именно вопроса о соотношении содержательных характеристик глобализации права и общей глобализации.

Ранее было отмечено, что развитие права предвещает и идет несколько впереди общей глобализации, создавая предпосылки и условия для нее, и что только правовое равновесие является той основой, без которой немислимы и сама глобализация, и, как конечный результат, «глобальное общество». Причина определенной временной/исторической неравномерности в процессах общей глобализации и глобализации права заключается в неравномерности развития различных сфер общественной жизни.

Доктрина по-разному относится к этому положению, соглашаясь с ним или отрицая его. Так, например, Н. Неновски писал, что государство и право «развиваются в основных линиях одновременно» [12; 144]. В то же время В.В.Сорокин [13] утверждает, что «завершенность новой правовой системы хронологически не соответствует стабильности государственно-властной системы..., стабильность в аппарате публичной власти наступает раньше стабильности права, а хронологические границы переходной правовой системы продолжительнее, чем у переходного государства». Таким образом, В.В.Сорокин говорит о том, что развитие правовой сферы всегда отстает от развития государства и политической сферы в целом, но он соглашается с тем, что правовая система подготавливает крупные экономические и политические преобразования.

В рамках данного исследования указанное положение В.В.Сорокина видится неоправданным и не соответствующим реальной практике, так как даже сегодня мы видим часто картину, когда право (как нормативная система) может опережать и быть впереди уровня политического развития общества. Это часто является примером активной правовой интеграции в государстве, активного реформирования правовой системы, влияния международного права. Тем не менее нужно помнить, что данный подход В.В.Сорокин использует не для анализа общей эволюции права, а применительно к его эволюции в «переходный период». Этот подход интересен и даже в некоторой степени обоснован, если подходить не только с точки зрения правотворчества (т.е. рассмотрения права как нормативной системы), но также с точки зрения правоприменения, которое де-факто соответствует положениям права. Ученый отмечает, что очередность преобразований разных сфер общественной жизни в своей эволюции проходит следующий порядок: преобразования в политической сфере; преобразование юридических средств реформирования общества; социально ориентированные экономические преобразования; перестройка политического строя и другие необходимые социальные изменения [13].

Обобщая отмеченное при рассмотрении положения В.В. Сорокина, можно выделить следующую схему: политическая жизнь изменяет право, которое меняет экономику и другие сферы («политические отношения развиваются быстрее экономических, требуя соответствующей правовой динамики»). Недостаток этого подхода заключается в исключении развития культуры в процессе эволюции рассматриваемых вопросов, хотя вопрос культуры (правосознания) очень важен для реального изменения права и практики (правотворчества и правоприменения). Это говорит о том, что глобализация права напрямую зависит и даже обуславливается процессами общей глобализации (к примеру, в сфере развития правовой культуры), но также может направлять общие изменения в системе общественных отношений. Преобразование культуры общества требует значительно более продолжительного времени.

Таким образом, разный темп преобразований в различных сферах представляет собой одно из существенных противоречий переходной правовой системы, что влечет за собой обстоятельство, когда темпы правовых изменений в различных компонентах правовой системы также не совпадают.

Как уже было отмечено, для исследования сущности процесса эволюционного развития права необходимо рассмотреть вопрос о характере глобального общества как результате общей глобализации. Для этого важным представляется рассмотрение следующих вопросов:

- Является ли глобальное общество более развитой формой взаимоотношений между частями системы (общественных отношений на глобальном уровне)?
- На каких началах и принципах должна строиться новая система взаимоотношений между составляющими частями системы (общественных отношений на глобальном уровне)?
- Какова роль права в регулировании общественных отношений в глобальном обществе?

Понятие «справедливость» рассматривается как объединяющее понятие для качеств, к обретению которых стремится общество как система, — упорядоченность, эффективность и компромисс интересов (в общественных отношениях). В таком контексте упорядоченность и эффективность выступают как выражение внешней формы принципа «справедливости», а компромисс интересов — как выражение внутреннего его содержания. Далее будет представлено обоснование данного положения — что именно справедливый правопорядок будет важнейшей основой и системообразующим элементом глобального общества.

Положение о «глобальном обществе», как о конечном результате глобализации в широком смысле, базируется на определении: саморегуляция системы общественных отношений должна привести к созданию оптимальной системы взаимоинтегрированности общностей и групп, что и будет реализовываться в рамках «глобального общества». Создание такого общества и является смыслом глобализации. В современной доктрине можно встретить этот подход в несколько других интерпретациях. К примеру, в научной литературе встречаются мнения о том, что идея «целостности современного мира» является основной тенденцией развития мировой политики [5]. Отмечается, что в основе глобализации лежат идеи единства всего человечества, концепции права общества на развитие и концепция «общего наследия человечества». Также заявляется, что эта идея единства проникла во все общественные отношения и повлияла на все отрасли международного права. Это, в конечно счете, послужило мощным толчком к интеграции мира [14].

Вопрос о том, каким должно быть глобальное общество как результат саморегуляции общества на пути к самосохранению, необходимо рассмотреть с позиции того, какими качествами оно должно обладать. Как уже было отмечено, саморегуляция системы ведет к улучшению системы взаимосвязей между структурными частями системы. Саморегуляция системы общественных отношений ведет к повышению эффективности и рациональности в сосуществовании различных единиц, составляющих общество в широком смысле.

К примеру, М.Сэнсон [15] отмечает, что какой бы ни была будущая система управления глобального мира, она должна быть направлена на обеспечение и достижение справедливости, безопасности, уважение выбора и автономии, толерантности и прогресса. И хотя данный автор дает очень расплывчатые и короткие разъяснения, важным является указание на то, что доктрина (М.Сэнсона и многих других авторов) соглашается с «заданностью» и «направленностью» развития общества и системы управления.

Какое же качество важно для нашего понимания глобализации права? В данном вопросе (в рамках настоящего исследования) самым важным принципом и началом в общественных отношениях видится понятие и качество «справедливости».

Перед тем, как разъяснить, почему и в какой мере «справедливость» является определяющим понятием в вопросе «направленности» правовой интеграции (и эволюционного развития права), следует осветить вопрос о так называемом «метаправе», концепция которого также занимается определением того, в каком направлении движется право в своем развитии, какие причины способствуют ему.

Понятие «метаправо» было введено в 1956 г. правоведом (практикующим адвокатом) А.Хэйли в его работе «Космическое право и метаправо — обзорная оценка» [16]. Термин «метаправо» был использован автором для обозначения возможно существующих фундаментальных правовых истин, которые являются универсальными и применимыми ко всем цивилизациям (как земным, так и всем возможно существующим внеземным). Автор также впервые ввел так называемое «Межзвездное золотое правило» («InterstellarGoldenRule»), которое было позже использовано и развито многими другими авторами. Концепция метаправа также была существенно развита другим специалистом — Э. Фасаном в работе «Отношения с чужеродным разумом: научные основы метаправа» [17]. Этих двух авторов называют основателями современной концепции метаправа и его основных исходных положений.

Изучение концепции А. Хэйли и его последователей позволяет увидеть явные параллели с другими научными концепциями/подходами, и в первую очередь с известным положением И. Канта о «категорическом императиве», а также с некоторыми положениями «естественного права», которые были несколько изменены или дополнены в связи с рассмотрением этих вопросов в свете «космического права» и исходного представления о существовании внеземных цивилизаций (связанных, согласно концепции метаправа, энергетическими и информационными связями).

Следует также отметить, что термин «метаправо» используется некоторыми авторами и вне традиционной космической концепции права. К примеру, под метаправом могут рассматривать «дружественное к Живому Будущему «истинное право», которое представляет «совокупность аксиом, непосредственно вытекающих из ценностной ориентации данной культуры и порождающих право в обычном смысле этого слова» [18]. Л.Г. Антипенко рассматривает метаправо как фундаментальные основы юриспруденции и проблему соотношения «формальных юридических законов и законов нравственных» [19]. Другие [20] рассматривают метаправо как особую отрасль права прикладного характера (в сфере экономики и права), которая будет совмещать правовой и технический аспекты.

Понятие справедливости является одним из самых распространенных и используемых понятий и характеристик при определении «идеального» общества и права. При всех научных подходах к пониманию права (нормативном, социологическом или философском) право связывается с мерой справедливости. Справедливость и свобода — извечные идеалы, к которым всегда стремилось человечество. Именно понятие справедливости можно использовать для обозначения тех целей, к достижению которых ведет процесс развития общества и саморегуляции — улучшение функционирования системы выражается в улучшении связей между подсистемами и структурными единицами. Рассматривая общество как систему, мы понимаем, что в данном случае это «улучшение» будет выражаться в развитии и повышении эффективности, упорядоченности и рациональности во взаимоотношениях в обществе. Эти возможности и качества выражены в понятии «справедливость».

Таким образом, данное понятие рассматривается в рамках работы как объединяющее понятие для таких качеств, к обретению которых стремится общество, — упорядоченность, эффективность и компромисс интересов. В таком контексте упорядоченность и эффективность выступают как выражение внешней формы принципа «справедливости», а компромисс интересов — как выражение его внутреннего содержания.

Справедливость выступает как качество, которое изначально присуще обществу и общественным отношениям. Это можно рассматривать как отражение потенциала саморегуляции общества. Развитие и усложнение общественных отношений есть не что иное как движение к более полному раскрытию этого качества. И в данном конкретном случае двигателем этого движения является саморегуляция системы общественных отношений, а формой и направлением — общая глобализация и эволюционное развитие права в частности.

Важным является понятие «эффективность», так как это именно то качество, на основе которого должны взаимодействовать структурные части системы и к достижению которого стремится функция саморегуляции. В нашем случае это качество эффективности выражено в других понятиях, а именно в понятии «справедливость», являющемся началом, на основе которого должно строиться глобальное общество.

В.В. Лазарев также говорит о том, что критерии справедливости зависят от многих факторов и могут меняться в зависимости от конкретнo-исторических условий, но все-таки «в основе критериев справедливости должны быть общечеловеческие начала, выражающие суть идей справедливости и свободы» [5]. Данный автор рассматривает критерии справедливости в свете естественного права и, что важно, говорит о выражении состояния этой справедливости в обществе через природу власти и государства. Он отмечает, что принцип социальной справедливости может проявляться по-разному и выделяет понятия власть, государство, порядок в обществе, так как «...именно эти общественные институты наполняют идею справедливости и свободы реальным содержанием, именно они способны обеспечить свободное и справедливое существование человека, его нормальную жизнедеятельность» [5].

Таким образом, мы можем заявить положение о том, что состояние упорядоченности в обществе достигается через работу институтов власти и государства. Упорядоченность, именно эффективная упорядоченность отношений, — цель для государства и также критерий «справедливости» управления (легитимности). Именно эти критерии — «упорядоченность» и «эффективность» — в отношениях и есть цель развития любой системы, в том числе общества. Следовательно, эти понятия как неразрывные части говорят о том, как должно функционировать глобальное общество (как результат развития системы общества) — эффективно и упорядоченно. Эти качества являются характеристиками внешней формы глобального общества и, следовательно, выражением внешней формы принципа справедливости.

В.В. Лазарев, говоря о воле, добавляет к этому положению: «Воля пронизывает всю деятельность человека, все его целенаправленное поведение во всех областях жизни, в том числе и в правовой сфере» [5]. Он также отмечает, что процесс возведения воли в закон проходит через оформление

воли законодательными органами в виде внешнеобязательных нормативных предписаний, т.е. право «..получает государственное освещение». Таким образом, по его мнению, создается иллюзия, что право исходит от государства, хотя, в действительности, государство закрепляет в виде нормативного предписания объективные, «существующие вне зависимости от государства идеи справедливости и свободы».

Мы приходим к выводу, что воля человека и воля общества — вот источники такой объективной ценности, как справедливость, которая выражается в нормативно-правовых предписаниях справедливого (легитимного) государства. Если право является выражением воли, которая соответственно является основой и первоисточником права, то в чем же сущность воли?

Ученые-правоведы и философы уже давно определили сущность и содержание воли человека как выражение интереса, т.е. содержанием воли является интерес [5]. Таким образом, речь идет о том, что интерес выражается в воле, которая объективно связана с идеей справедливости. В этом отношении справедливость выражается с учетом всех интересов в достижении компромисса интересов для общего блага. Это является критерием внутреннего содержания понятия «справедливость», т.е. компромисс интересов — это ценность для общества и отношений, так как этим обеспечивается учет мнений для общего блага и, следовательно, для повышения эффективности и порядка в системе в целом.

Таким образом, можно обоснованно заявлять, что система отношений в процессе саморегуляции общества направлена на постоянное повышение своей эффективности, где важным является учет интересов всех сторон и даже соединение интересов и потребностей в единое целое на основах справедливости и разумности. В качестве примера можно рассмотреть современную систему международных интеграционных процессов, связанное с этим изменение мирового права и правопорядка и даже системы международных отношений в целом.

Мы приходим к пониманию идеи о том, что сущность и истинное предназначение права выражаются в достижении справедливости, и в частности, справедливости в отношениях, на которые направлена регулятивная сущность и сила права. Рассматривая мнения ученых по теории и философии права по данному вопросу (сущность и цель права), также можно встретить подтверждающие такой вывод положения (цель права в достижении именно справедливости в общественных отношениях). В научной доктрине отмечается, что процесс глобализации нельзя рассматривать как линейное движение вперед [21].

Неотъемлемыми частями глобализации являются как процессы объединения, так и процессы дифференциации, которые в совокупности обуславливают внутреннюю мобильность процесса взаимодействия, тем самым повышая эффективность и качество развития. В пользу такого понимания процесса развития глобализации говорит и современная глобалистика в рамках концепции М.Сэнсона о «фрагментативности», т.е. совмещении фрагментации и интеграции современного мира. Эта концепция говорит о совмещении и одновременном действии двух тенденций — интеграции и универсализации мира, с одной стороны, и обособлении его отдельных частей — с другой [15]. Действительно, мы можем видеть и констатировать существование в мире примеров обратной интеграции и даже конфронтации — это проявление волнообразного графика развития, который обозначен В.В.Лазаревым как проявление «иррационализма в понимании целостности государства» [5].

В заключение отметим, что процессы углубления глобализации оказывают непосредственное влияние на интеграцию права. Этот процесс глобализации и интеграции человечества в «глобальное общество» с единым правопорядком не проходит только в поступательном и эволюционном направлении, он имеет волнообразную динамику, как и все процессы развития, но, в конечном итоге, все равно ведет к образованию единого общества, с едиными правовыми принципами сосуществования (относительно схожими нормами культурных ценностей, мировоззрения и правосознания). Это достаточно долгий и скачкообразный процесс, так как касается вопросов не только права и системы управления, но также идеологии, нравственности, культуры, религии и т.п.

Список литературы

- 1 *Алексеев С.С.* Право на пороге нового // Известия Уральского гос. ун-та. — 2010. — № 15. — С. 7–24.
- 2 *Чолахян А.В.* Противодействие терроризму — общая задача мировых правовых систем // Актуальные проблемы юридической науки: Сб. ст. — Вып. 5. — Тольятти: Изд-во ТГУ, 2008. — 318 с.
- 3 *Архипова Н.В.* Современное российское право в условиях глобализации: теоретико-методологические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — 152 с.
- 4 *Сеидов А.В.* Воздействие глобализации на концепцию государственного суверенитета в международном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 147 с.
- 5 *Лазарев В.В.* Общая теория права и государства: Учебник. — 2-е изд. — М.: Юрист, 2006. — 516 с.
- 6 *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. — 2012. — № 3. — С. 115–125.
- 7 *Иванец Г.И.* Право как нормативное выражение согласованных интересов: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 147 с.
- 8 *Скурко Е.В.* Эффективность правового регулирования международной торгово-экономической интеграции: Вопросы теории и практики. — 2003. — 117 с.
- 9 *Егоров А.В.* Правовая семья как объект сравнительного правоведения // Правоведение. — 2005. — № 2. — С. 155–161.
- 10 *Надежин В.И.* Эволюция правовой системы в России: советский и постсоветский периоды: Дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2006. — 160 с.
- 11 *Степаненко С.М.* Административно-правовые аспекты межгосударственной таможенной интеграции в Евразийском экономическом сообществе: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 149 с.
- 12 *Неновски Н.* Единство и взаимодействие государства и права. — М., 1982. — 291 с.
- 13 *Сорокин В.В.* Право и время: Правовая система и переходное время // Правоведение. — 2002. — № 1 (240). — С. 180–195.
- 14 *Калачян К.К.* Экономическая интеграция государств-участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики: международно-правовые проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 151 с.
- 15 *Sanson M.* International law and global governance. — London, 2008. — 278 p.
- 16 *Andrew G. Haley /* Space Law and Metalaw: Synoptic View. — 2006. — 312 p.
- 17 *Fasan Ernst,* Relations with Alien Intelligences: The Scientific Basis of Metalaw. — 2000. — 297 p.
- 18 *Переслегин С.Б.* Конструируем сверхцивилизацию: Метаправо, юридическая «оболочка» сверхцивилизации. — М., 2033. — 130 с.
- 19 *Антипенко Л.Г.* Метаправо и социалистическое правосознание. — [ЭР]. Режим доступа: [http://www.titanage.ru/ Science/HistorSociology/metapravo_1.php](http://www.titanage.ru/Science/HistorSociology/metapravo_1.php)
- 20 *Голоскоков Л.* Будущие сетевые технологии права. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/08/gol/>
- 21 *Бек У.* Что такое глобализация? / Пер. с нем. А.Григорьева и В.Седельника. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 148 p.

З.К.Аюпова, Д.Ө.Құсайынов

Жаһанданудың заманауи тенденциялары және олардың құқық интеграциясындағы рөлі

Мақалада қазіргі әлемдегі заманауи жаһандану процестерінің бағыттары мен бағдарлары қарастырыла отырып, олардың құқықтық интеграцияға тигізетін әсері талданған, сонымен қатар жалпы құқық дамуына тиетін ықпалы зерттелген. Интеграциялық қатынастардың мәніне үңілетін болсақ, ол қоғамдық қатынастарды біріктіруді нығайта отырып, интеграцияланатын объектілерді белгілеп, қалыпты түрде барлық адамзатты инкорпорациялап, біріккен күрделі байланыстарды қалыптастыру (жаһандық құқықтық тәртіп орнатып, оның негізінде барлық мемлекеттердің құқықтық жүйелерінің синхронды жүйеленуін қамтамасыз ету) болып табылады. Авторлардың ойынша, кірігу үрдісінің қозғаушы күші әр қоғамның өзінің ішкі жүйесінде және қоғамдық қатынастар аясында әлемдік көлемде жүзеге асырылуда. Бұның нәтижесі ретінде қоғамдық қатынастар өзін-өзі реттеуші жүйе ретінде көрініс тауып, яғни әлемдегі қоғамдық қатынастар бір бүтіннің бөлігі ретінде, өзіне тән өзін-өзі реттеу жүйесіне ие болады.

Z.K.Ayupova, D.U.Kussainov

Modern tendencies of the globalization and its role in the integration of law

In the article the authors have been research new approaches and directions of globalization process in the modern world, and also influence of these processes on integration of law and development of legal science. They are based on the works of leading scholars of Russian Federation and foreign countries. The essence of the integration relations has expressed in the enforcement and consolidation of the social relations through some objects of the integration and the gradual incorporation of the humanity into the common community with the system of organized relations (with the global rule of law on the basis of the balance of the regulatory impact of the legal systems of the different states and synchronization of regulated behavior in the different societies). The leading force of the integration process is in the system of the society and social relations on a world scale. This is reflected that the social relations are the self-regulating system, which means that all social relations in the world are the part of a broad unit system, which has the relevant functions of self-regulation.

References

- 1 Alekseev S.S. *News of Ural state university*, 2010, 15, p. 7–24.
- 2 Cholakhhan A.V. *Actual problems of jurisprudence. Articles*, 5, Toliatti: TGU, 2008, 318 p.
- 3 Arkhipova N.V. *Modern Russian law in the conditions of globalization: theoretical-methodological problems*: Dis. on degree PhD, Kazan, 2006, 152 p.
- 4 Seidov A.V. *Influence of the globalization on the concept of state sovereignty in the international law*: Dis. ... on degree PhD, Moscow, 2004, 147 p.
- 5 Lazarev V.V. *Common theory of law and state*: Textbook, izd. 2, Moscow: Jurist, 2006, 516 p.
- 6 Lukashuk I.I. *Journal of Russian law*, 2012, 3, p. 115–125.
- 7 Ivanets G.I. *Law as the normative expression of the mutual interests*: Dis. ... on degree PhD.–M., 2004, 147 p.
- 8 Skurko E.V. *Effectiveness of the legal regulation of the international trade-economic integration: questions of the theory and practice*, 2003, 117 p.
- 9 Egorov A.V. *Pravovedenie*, 2005, 2, p. 155–161.
- 10 Nadezhin V.I. *Evolution of the legal system in Russia: soviet and post-soviet periods*: Dis. ... on degree PhD, Nizhniy Novgorod, 2006, 160 p.
- 11 Stepanenko S.M. *Administrative-legal aspects of interstate custom's integration in the Eurasian economic community*: Dis. ... on degree PhD, Moscow, 2006, 149 p.
- 12 Nenovskiy N. *Entity and cooperation of the state and law*, Moscow, 1982, 291 p.
- 13 Sorokin V.V. *Pravovedenie*, 2002, 1 (240), p. 180–195.
- 14 Kalachian K.K. *Economic integration of the states-members of CIS in the globalization of world economy: international legal problems*: Dis. ... on degree PhD, Moscow, 2003, 151 p.
- 15 Sanson M. *International law and global governance*, London, 2008, 278 p.
- 16 Andrew G. *Haley*, *Space Law and Metalaw: Synoptic View*, 2006, 312 p.
- 17 Fasan Ernst. *Relations with Alien Intelligences: The Scientific Basis of Metalaw*, 2000, 297 p.
- 18 Pereslegin S.B. *Constructing mega-civilization: meta-law, juridical «form» of the meta-civilization*, Moscow, 2003, 130 p.
- 19 Antipenko L.G. *Meta-law and socialist legal consciousness*, [ER]. Access mode: http://www.titanage.ru/Science/HistorSociology/metapravo_1.php
- 20 Goloskokov L. *Future net technologies of law*, [ER]. Access mode: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/08/gol/>
- 21 Bek U. *What means globalization?*, Translated from deutch. A.Grigoriev and V.Sedelnik, Moscow: Progress-Tradition, 2011, 148 p.

А.С.Ахметов

*Павлодарский государственный педагогический институт
(E-mail: arman.ahmetov@mail.ru)*

Юридическое образование как фактор формирования правовой культуры

В статье автором проведено исследование юридического образования и его роли при формировании правовой культуры казахстанского общества. Главное внимание уделено сущности и природе юридического образования, его особенностям. Автор освещает вопросы, касающиеся путей совершенствования юридического образования в системе целостного педагогического процесса, основанного на компетентностном подходе. Кроме того, в статье анализируются основные проблемы юридического образования и пути их решения, а также вопросы качественной подготовки выпускников юридических вузов. Научная работа написана на основе отечественных и зарубежных исследований, освещающих вопросы юридического образования и путей его совершенствования.

Ключевые слова: юридическое образование, правовая культура, правовая идеология, культура, демократическое государство, гражданское общество, государство, общество, правовое сознание, демократическое государство и его ценности.

Формирование правового государства и гражданского общества на современном этапе приобретает наибольшую актуальность, так как Республика Казахстан проводит ряд реформ во всех сферах, которые направлены на построение демократии, правового государства и развитой рыночной экономики.

Как отмечает известный отечественный ученый Е.К. Кубеев, «...общественно-политическое развитие Республики Казахстан характеризуется энергичными шагами государства по провозглашению и созданию всех необходимых условий для реализации прав граждан. Более того, на наш взгляд, сегодня нет более важной и значимой государственной задачи, так как именно от реализации прав человека в значительной степени будет зависеть качество решения политических, экономических, культурных и многих других проблем общества» [1; 4].

На сегодняшний день изменения в социально-экономической и юридической сферах развития нашего государства требуют повышенного внимания к формированию личности современного юриста-профессионала. Главная задача высшего юридического образования заключается в том, чтобы студенты могли не только приобрести знания в области юриспруденции, но и стали специалистами, обладающими высокой общей и профессиональной культурой, высоким уровнем морально-деловых качеств, могли критически мыслить и самостоятельно принимать решения и соответственно нести ответственность за свои поступки.

При анализе личностных качеств будущих юристов необходимо решить задачу выявления профессионально значимых личностных качеств юриста-специалиста. Можно выделить два основополагающих компонента модели выпускника: 1) профессиональная компетентность будущего юриста; 2) личностные качества будущего специалиста, которые в совокупности являются для выпускника высшего учебного заведения составной частью его общей профессиональной компетентности.

При подготовке юридических кадров вопросы юридического образования являются ключевыми, и они тесно связаны с мероприятиями организационно-правового характера. Социуму и государству необходимы юридические кадры концептуально новой формации, которые воспитаны и ориентированы сугубо на защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Можно смело утверждать, что именно такой подход должен лежать в основе системы юридического образования в нашем государстве.

Возникает вопрос о содержании юридического образования. По мнению Е.Е. Усанова, «...юридическое образование — это целенаправленный процесс получения личностью фундаментальных (глубоких, научных, систематизированных, комплексных) юридических знаний, отвечающих современному уровню развития юридической теории и практики» [2; 12].

Юридическое образование — базис юридического просвещения и правовой культуры всех граждан. Оно выступает условием поддержания работоспособности системы законности и правопорядка в нашем государстве.

Современное юридическое образование является составной частью отечественной системы образования и выступает относительно самостоятельной сферой образования, которая оказывает сильное влияние на основы правовой системы всей страны. Подготовка высококвалифицированных юристов-профессионалов и качество осуществляемой ими деятельности влияют на самые разнообразные стороны развития казахстанского общества, в том числе на политику, экономику, социальную сферу, культуру, т.е. это показывает степень высокого значения состояния юридического образования по отношению к работоспособности всей правовой системы. Безусловно, это значит, что совершенство законов, степень их исполнения и динамика эволюции развития нашей национальной правовой системы и эффективность ее реформирования зависят от правовых знаний специалистов в юридической сфере и всех граждан нашего государства.

Если рассматривать традиционный подход в юридическом образовании к обучению, то здесь наблюдается процесс обретения совокупности знаний определенного уровня через их прямую передачу и усвоение учащимися. В современных условиях реализуется система образования, когда учащемуся предоставляется право самостоятельного выбора способов и вариантов обретения уровня компетентности по выбранной им сфере будущей профессии. Это дает право учащемуся выбирать траекторию обучения в силу своих способностей и личной заинтересованности в выбранной специальности.

На сегодняшний день система высшего юридического образования ориентирована на компетентностный подход. Это значит, что практически любой вуз подготавливает и выпускает специалиста, обладающего необходимыми для практической деятельности компетенциями в различных сферах юриспруденции: нормотворческой, правоохранительной, правоприменительной или научно-исследовательской, педагогической. Современные учебные образовательные программы (особенно по юридическим специальностям) необходимо разрабатывать и согласовывать с будущими работодателями, для которых, в конечном итоге, вуз готовит студентов, т.е. работодатель должен непосредственно принимать активное участие в формировании каталога элективных дисциплин в соответствии с необходимостью приобретения навыков студентов для их дальнейшей реализации.

Безусловно, одним из важнейших моментов в повышении качества подготовки будущих юристов является широкое внедрение элективных дисциплин (учебных курсов по выбору студентов), которые должны обладать высокой степенью актуальности и соответствия стандартам образования. Разработка и подготовка данных элективных дисциплин должны быть основаны на результатах собственных личных научных исследований профессорско-преподавательского состава вуза (тут важны качество и степень востребованности содержания дисциплин). Ежегодное обновление каталога элективных дисциплин является обязательным условием работы преподавателей и будет мотивировать их к постоянным научным поискам, навыкам классификации и изложения результатов своих исследований. В итоге вся эта работа расширяет научную эрудицию профессорско-преподавательского состава, повышает их профессиональный уровень и дает возможность выдавать основы фундаментальных знаний по различным дисциплинам, делая их интересными и познавательными для студентов. Для того чтобы создать такие курсы или совершенствовать уже имеющиеся, преподаватели должны заниматься научными исследованиями в области актуальных правовых проблем, результаты которых, в конечном итоге, будут переданы и усвоены студентами. Практический опыт вузов показывает, что ученые-преподаватели, которые создают совокупность новых знаний, разрабатывают новые педагогические технологии, используют новое оборудование. Они способны обучать студентов и давать им знания на высоком уровне, что в итоге показывает общий уровень отечественного образования и его соответствие международным стандартам.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня современному выпускнику вуза нужно не просто обладать правовыми знаниями, но также быть готовым применить их на практике в соответствующей сфере. Иными словами, при оценке работы вуза главными показателями являются сам выпускник, степень его востребованности на рынке труда, уровень его остаточных знаний, степень адаптации к современным рыночным условиям и готовность к дальнейшему совершенствованию полученного образования.

Система высшего юридического образования выполняет функции аккумуляции и сохранения ее исторических достижений и является механизмом совершенствования правовых знаний и передачи их последующим поколениям профессиональных юристов, так как является непосредственным источником профессионального правосознания в системе правовой культуры общества. В данном ас-

пекте высшее юридическое образования выступает в качестве одной из основных форм воспроизводства правовой культуры общества и показывает уровень качества образования в государстве.

Следует обратить внимание на точку зрения Г.Н.Серикова, который считает, что «...для развития юридического образования важно определить уровень культуры выпускников вузов. Для определения уровня воспитанности выявленной триады качеств выделяются следующие критерии: осведомленность, сознательность, действенность и умелость. Одновременно они служат внутренними критериями измерения и оценки качества одного из результатов образования — формирования профессионально значимых личностных качеств выпускника вуза — будущего юриста» [3; 233].

Действительно, можно согласиться с мнением Г.Е.Серикова, указывающим, что «...показателями осведомленности и сознательности относительно профессионально значимых личностных качеств будущих юристов являются точность и полнота знаний и представлений о совести, справедливости и ответственности как правовых и этических категориях, как качествах, необходимых юристу в его профессиональной деятельности; убежденность в правоте собственных трактовок усвоенных знаний и представлений. Показателем действенности служит активность студентов в проявлении устойчивого позитивного отношения к совести, справедливости, ответственности в индивидуальной интерпретации исполнения профессиональных компетенций, а умелости — опора на триединство совести, справедливости, ответственности при принятии профессиональных решений в ситуациях морального выбора. Воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов осуществляется в рамках образовательного процесса в вузе. Образовательный процесс, направленный на воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов, призван достичь некой общности, выраженной в согласованном педагогическом партнерстве, в гуманном учебно-педагогическом взаимодействии. Цель данного взаимодействия — содействовать изменению определенных свойств участников образования и достижению ими определенного уровня воспитанности; способствовать самореализации студентов в социально приемлемых проявлениях; а также дать студентам векторное направление развития их духовности как предпосылки дальнейшего самообразования» [3; 236].

Проблема совершенствования юридического образования всегда остается актуальной, так как изменения, происходящие в мировом образовательном пространстве, заставляют нас по-новому видеть траекторию образовательной системы и совершенствовать ее в соответствии с мировыми стандартами.

Интересна позиция российских исследователей Н.А.Соловьевой, В.М.Шинкарука, которые считают: «...К современным тенденциям развития юридического образования относятся такие, как диверсификация, интернационализация, индивидуализация, развитие опережающего и непрерывного образования, его интенсификация и компьютеризация, а также развитие принципов цикличности и многоступенчатости. Все эти тенденции должны способствовать возрастанию качества юридического образования в соответствии с современными требованиями социально-экономического развития общества. Очевидно, что качество юридического образования напрямую зависит от деятельности преподавательских кадров. Здесь встает вопрос о мотивации профессорско-преподавательского состава. Об этом следует задуматься уже хотя бы потому, что здесь мало декларативных призывов и лозунгов о качестве и инновациях в образовании. Для того чтобы эти инновации эффективно внедрялись, необходимо создание определенных материальных условий, стимулирующих и дифференцирующих труд преподавателей по формированию компетенций. Профессиональная компетентность преподавателя определяется двумя основными составляющими: научно-исследовательской и педагогической. Вместе с тем, будучи даже крупными специалистами в области юриспруденции, преподаватели, как правило, не имеют научных представлений о целях образования, психологических особенностях студентов, о принципах, закономерностях, методах обучения, способах оценки знаний, — в общем, обо всем, что касается педагогической деятельности. Не все преподаватели владеют современными технологиями обучения. Дело не в стереотипах, а в том, что многие методики, например, проведение психологических и иных тренингов, требуют от самих преподавателей определенных знаний, умений и навыков. Следовательно, необходимо обеспечить обучение профессорско-преподавательского состава соответствующим инновационным и интерактивным формам обучения и определить уровни владения ими» [4; 42].

В процессе обучения студентам юридических специальностей очень важно давать знания фундаментальных наук. Здесь следует отметить роль философии права, изучение которой позволит формировать мировоззрение и открывает более широкие возможности для выпускника.

Следует выделить роль философии права в формировании мировоззрений студентов в области юриспруденции, воспитании у них уважительного отношения к праву.

Здесь нужно отметить позицию Р.С.Байниязова, который утверждает: «...В определении мировоззрения и методологии юриспруденции суть классической академичности философии права. Юриспруденция не может быть освобождена от мировоззренческих и методологических положений философии права, ибо раскрытие правовой идеи в содержании правовых понятий логически невозможно вне философско-правового дискурса. Преподавание общетеоретического и отраслевого юридического знания на юридических факультетах и в вузах есть педагогическое и научное выражение правовых понятий аудитории. Соответственно данное выражение правовых понятий без знания философии права есть не что иное как учебный, научный и методологический абсурд. Логика философии права представляет открытие и утверждение в юридической науке правового мышления. Без правового мышления никакая юридическая деятельность невозможна. Всякое умаление правового мышления ослабляет юридическое образование, тем самым снижая его качество. В отсутствие философии права юридическое образование сводится к изучению догмы права, которая сама по себе, без философии права, не ведет обучаемого к правовому мышлению, не доказывает необходимость правомерного поведения. Напротив, одно лишь знание догмы права на основе формально-юридического метода в соответствующих случаях может помочь юристу «успешно» использовать противоречия в законодательстве» [5; 542].

Так будет формироваться положительное отношение выпускников к своей профессии и их способности и готовности отстаивать права и свободы граждан.

Немаловажно уделить внимание личностным качествам будущих юристов. Это действительно важно, так как моральные принципы всегда имели наибольшее значение во всех профессиях.

Здесь интересна позиция Е.Г.Шрайбера, который считает, что «...под профессионально значимыми личностными качествами будущего юриста мы понимаем развившееся интегративное свойство его личности, проявляющееся в разрешении противоречий между моралью и правом в опоре на совесть при принятии профессиональных решений. Во-первых, данные качества указываются в документах об образовании, кодексах чести юриста, специальной литературе по этике и психологии юриста. Во-вторых, как взаимосвязанные качества, образующие целостность, они обусловили появление нового интегративного свойства личности, способствующего принятию юристом взвешенных и обоснованных профессиональных решений при возникновении противоречия между моралью и правом в процессе осуществления профессиональных компетенций. В-третьих, данное «ядро» качеств, как показало исследование, содержит необходимый и достаточный набор профессионально-личностных качеств будущего юриста, способствующий решению профессиональных задач. В-четвертых, стабильность, устойчивость понятия зачастую обеспечивается как раз третьим членом системной триады, который является структурной опорой определения «профессионально значимые личностные качества будущих юристов», обеспечивающим жизнеспособность всего комплекса» [6; 96].

Следует сказать, что стремиться повышать качество юридического образования, конечно же, необходимо, но также следует учитывать тот факт, что в этой сфере очень важное значение имеет степень развития правовой культуры и правосознания выпускника юридического вуза. Существует прямая зависимость между имеющимся у выпускника юридического вуза уровнем образования и его профессиональной компетентностью, т.е. способностью применить знания на практике. Это и является основным фактором при определении перспектив системы юридического образования, влияющим на само качество юридического образования в нашей стране.

Если говорить о высшем профессиональном юридическом образовании, то необходимо подчеркнуть роль правовой культуры при формировании правосознания будущих юристов. Как можно определить правовую культуру и ее классификацию?

Правовая культура является составным элементом культуры общества и личности и может служить показателем развитости культуры. Это одна из сторон социально-нормативной системы, показывающей нравственно-правовой уровень общества в целом. Правовая культура — это показатель восприятия правовых знаний и навыков, правового поведения каждого индивида и его умения реализовывать нормы действующей системы права.

На наш взгляд, правовую культуру можно классифицировать по признаку зависимости от ее носителя. Эта классификация обуславливается способом выражения правовой культуры с присущими ей особенностями. Итак, в зависимости от носителя правовой культуры различаются следующие виды:

1) Общественная правовая культура — элемент общей культуры, который представляет собой совокупность ценностей, накопленных человеком в сфере права и определенным образом относящихся к правовым реалиям данного общества, т.е. степенью правосознания, состоянию законодательной базы, режиму правопорядка и законности, юридической практике. Правовая реальность напрямую зависит от уровня правовой культуры, которая пронизывает все ее стороны, т.е. в отдельных случаях совпадает с ней и выступает в виде характеристики уровня развития данной правовой реальности.

Правовая культура общества является итогом социальной и правовой активности населения, отдельных личностей и других субъектов права.

2) Правовая культура личности — это созданные правовой культурой общества степень и характер правового развития личности, которые обеспечивают ее деятельность в правовом пространстве. Правовая культура личности выступает как самостоятельное образование, которое образуется и складывается в результате пересечения различных специфических регуляторов (психических, социальных). Социальное положение индивида, личные потребности и интересы, его собственные индивидуальные психофизиологические параметры — все это элементы, под влиянием которых формируется правовая культура индивида.

При формировании правовой культуры личности необходимо обозначить ряд моментов, определяющих ее сущность и содержание: 1) уважительное отношение к законам, осознание того, что именно свобода каждого человека выступает главным элементом правовой культуры; 2) гарантия уважительного отношения ко всем участникам правового процесса; 3) воспитание личной ответственности за совершенные поступки и чувство внутреннего убеждения в важности лежащих на человеке обязанностей; 4) четкое представление о том, что соблюдение каждым человеком обязательств и их выполнение — нормальное условие жизни людей в рамках общества.

Если провести деление правовой культуры личности по сфере действия, то можно выделить: общую правовую и специально-профессиональную правовую культуру личности. Первая дает возможность выработать определенный культурный стиль правомерного поведения, формирование которого зависит от степени усвоения и проявления ценностей всей правовой культуры общества. Вторая формируется в зависимости от специфики профессиональной деятельности, которая накладывает отпечаток на уровень и содержание правовой культуры личности.

Процесс формирования правовой культуры личности предполагает: готовность действовать, основываясь на имеющихся правовых знаниях и убеждениях, т.е. поступать только правомерно, в соответствии с законом (реализовывать свои права, исполнять обязанности, соблюдать запреты, кроме того, уметь защищать свои права); наличие правовых знаний, правовой информации (информация является одним из основных источников формирования четкой правовой точки зрения личности); преобразование полученной информации (правовой) и правовых знаний в правовые убеждения и представления.

3) Профессиональная (специализированная) правовая культура — это форма культуры, в которой на профессиональном уровне производится юридическая деятельность с учетом необходимого уровня специального образования и практической подготовки.

Правовой культуре на профессиональном уровне присуща высокая степень знания и понимания правовых событий и явлений в соответствии с областью профессиональной деятельности. Любая юридическая профессия обладает присущей ей спецификой, что обуславливает особенности правовой культуры различных ее представителей (работников прокуратуры, судей, адвокатов и т.д.). Ядром профессиональной правовой культуры является высокое место права, его возвышенность и соответствие его с положением дел в правовой сфере государства: 1) эффективность подготовки юридических кадров, положение правоохранительных органов; 2) уровень развитости научных юридических учреждений и организаций, создание и деятельность юридических профессиональных общественных организаций, правовая помощь юридических служб всем слоям населения и т.д.

Можно согласиться с мнением А.В.Петрова, М.К.Горбатовой, которые считают: «...Необходимо подчеркнуть следующие моменты, характеризующие специфику понимания высшего профессионального юридического образования. Во-первых, высшее профессиональное юридическое образование рассматривается как неотъемлемая часть правовой культуры общества, поскольку она непосредственно определяет истоки формирования важнейшей составляющей духовной правовой культуры — профессионального правосознания юристов. Во-вторых, высшее профессиональное юридическое образование рассматривается как особая форма образовательной деятельности, имеющей свои специфические цели, прежде всего формирование у обучающихся знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональных функций юриста. Наконец, высшее юридическое образование рассматривается как особый социальный институт, поскольку оно осуществляется специальными сложными организованными структурами — высшими учебными заведениями, находящимися в системе осо-

бых взаимосвязей с обучающимися, с органами управления системой образования страны и организациями, осуществляющими практическую юридическую деятельность» [7; 180].

Таким образом, необходимо выделить следующие меры по совершенствованию системы подготовки юридических кадров отечественными вузами нашего государства:

- Для обеспечения подготовки юридических кадров необходимо проводить комплексное обновление или дополнение учебно-методического и информационного материала по всем юридическим специальностям.
- Необходима дальнейшая активизация научных исследований в области юриспруденции.
- Следует провести централизованное обеспечение единства теоретической и практической подготовки юридических кадров.
- Важно обеспечить совершенствование системы кадрового обеспечения учебно-воспитательного процесса посредством усиления профессорско-преподавательского состава.
- Необходимо повсеместно наращивать связи субъектов правового образования с научно-исследовательскими центрами, правоохранительными органами и иными организациями, работа которых связана с юридической сферой.
- Следует провести анализ и внедрить международный опыт в области системы юридического образования.
- Нужно дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы в области получения юридического образования в соответствии с требованиями и реалиями современного периода.

Список литературы

- 1 *Кубеев Е.К.* Проблемы становления социального государства и реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение: тенденции и перспективы современного Казахстана // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Право. — 2015. — № 1 (77). — С. 4–8.
- 2 *Усанов Е.Е.* Место юриспруденции в системе наук об образовании // Юрид. образование и наука. — 2012. — № 2. — С. 12–17.
- 3 *Серигов Г.Н.* Образование: аспекты системного отражения. — Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. — 464 с.
- 4 *Соловьева Н.А., Шинкарук В.М.* Компетентностный подход в юридическом образовании // Вестн. ВолГУ. Сер. 6. — 2013. — Вып. 14. — С. 42–49.
- 5 *Байниязов Р.С.* Философия права и высшее юридическое образование в Республике Казахстан // Вестн. ЕНУ им. Л.Н.Гумилева. — 2014. — № 1–2. — С. 542–543.
- 6 *Шрайбер Е.Г.* Повышение качества юридического образования // Вестн. ЮУрГУ. — 2010. — № 3. — С. 96–104.
- 7 *Петров А.В., Горбатова М.К.* Юридическое образование как элемент правовой культуры // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2007. — № 3. — С. 175–182.

А.С.Ахметов

Зандық білім беру құқықтық мәдениетті калыптастырудың факторы ретінде

Мақалада заңдық білім беруге және қазақстандық қоғамның құқықтық мәдениетін қалыптастыру кезіндегі рөліне зерттеу жүргізілді. Заңды білім берудің жаратылысына және мәніне, оның ерекшеліктеріне үлкен назар аударылған. Сондай-ақ автор құзыретті жолға негізделген тұтас педагогикалық үрдіс жүйесіндегі заңды білім беруді жетілдіру жолдарына қатысты мәселелерді баяндады. Заңды білім берудің негізгі проблемалары және оны шешу жолдары, сонымен қатар жоғары заң оқу орындарының түлектерін сапалы дайындау мәселелері талданды. Ғылыми жұмыс заңды білім беру мәселелері мен оны жетілдіру жолдарын баяндайтын отандық және шетелдік зерттеулер негізінде жазылған.

A.S.Akhmetov

Legal education as a factor of formation of legal culture

In the article the author of a study of legal education and its role in the formation of the legal culture of the Kazakh society. Much attention is paid to the essence and nature of legal education, his features. The author highlights issues concerning ways to improve the system of legal education in a holistic pedagogical process, based on the competence approach. In addition, the paper analyzes the main problems of legal education and the ways of their solution, as well as issues of quality of training of graduates of law schools. Scientific work is based on the national and international research, covering the issues of legal education and the ways of its improvement.

References

- 1 Kubeev E.K. *Bull. of Karaganda University. A series of Law*, 2015, 1 (77), p. 4–8.
- 2 Usanov E.E. *Legal education and science*, 2012, 2, p. 12–17.
- 3 Serikov G.N. *Education: Aspects of the system reflect*, Kurgan: Publ. house «Zaural'e», 1997, 464 p.
- 4 Solovyov N.A., Shynkaruk V.M. *Bull. of the VolSU. 6. Series*, 2013, 14, p. 42–49.
- 5 Bayniyazov R.S. *Bulletin of ENU. L.N. Gumilyov*, 2014, 1–2, p. 542–543.
- 6 Schreiber E.G. *Vestnik of UrSU*, 2010, 3, p. 96–104.
- 7 Petrov A.V., Gorbatov M.K. *Bull. of the Nizhny Novgorod University, N.I. Lobachevsky*, 2007, 3, p. 175–182.

Ғ.З.Қожахметов, А.Т.Отарбаева

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті
(E-mail: AseI_Otarbaeva.t@mail.ru)*

Заңшығару билігінің бастаулары

Мақала заң шығару билігінің мемлекет және құқық туралы ілімдер тарихындағы ежелгі дәуірден қазіргі кезеңге дейінгі бастауларын, құқық идеяларының қалыптасуын, заң және әділеттілік, заң және құқық түсініктерінің арақатынасын зерттеуге арналды. Авторлар салыстырмалы түрде әр түрлі елдер мен Қазақстан дамуының қазіргі кезеңіндегі заңшығару билігінің қалыптасуы мен дамуының кейбір мәселелерін (тәртібі, шарты және қызмет етуін) қарастырды. Жаңа көзқарастар тұрғысынан заң шығару билігінің барынша маңызды қоғамдық қатынастарды реттеудегі ролі мен маңызы айшықталды. Заң ұғымын қоғамдық өмірді құқықтық ұйымдастыру құралы ретінде қарастырудың, заң түрлерінің және қоғамдық дамудың көптеген факторларының заманауи заңнама сипатына әсер етуінің даулы мәселелері ашылды.

Кілт сөздер: билік, мемлекеттік билік, заң шығару, мемлекеттік ерік, заңдар, құқықтық заңдар, заңнама.

Заңшығару билігінің қайнар көздері — формалды және мәндік тұрғыдан қарастыруды қажет ететін мәселе. Формалды түрде заңшығару билігінің қайнар көзі ретінде ерік иесі танылады. Заң әдебиетінде заңшығару билігінің қайнар көзі ретінде тікелей халықты немесе монархты қарастырады. Халық түптамыр ретінде қарастырылатын мемлекеттерде демократиялық дәстүрлер дамыса, монарх ие ретінде көрсетілетін мемлекеттерде монархиялық дәстүр орын алады. Кейде аталған қайнар көздердің ұштаса әрекеттесуі де байқалады [1].

Халық қандай да болмасын биліктің қайнар көзі ретінде танылады, соның ішінде биліктің бір тармағы ретіндегі заңшығару билігінің де қайнар көзі болуда.

Заңшығару билігінің қайнар көздерін мазмұндық сипаттаудың бірі оны тану мәселесіне келіп тіреледі. Басқаша айтқанда, не себепті заңшығару билігі болуы керек және неліктен оның талаптарын өзгелер — жеке тұлғалар мен ұйымдар орындауы қажет деген сұраққа жауап іздейміз.

Билік қайнар көзі ретінде жағдай танылады, ол биліктің қайдан нәр алатындығын көрсетеді. Ал билік институты материалданған, формалды ресми құрылым. Кейде қайнар көз мәселесі мен нысанды аралас қарастыру байқалады. Олар, әрине, өзара байланысты, бірақ біртұтас ұғым емес. Заңшығару билігі өзіндік нысандарға ие, соған байланысты олардың қайнар көздерін анықтау қажет.

Дәстүрлі көзқараста Қазақстан халқының күрделі әлеуметтік ұйымдастырылуын есепке ала отырып, тұрғындардың ұлттық, діни, мүліктік, страттық, кейде тіпті таптық және өзге де өлшемдерімен санаса отырып, заңшығару билігінің қайнар көздері ретінде келісімді, бірігуді тану туралы айтылатын ойдың заңдылығымен келісу қажет [2].

Тұрғындардың тікелей ерік білдіруі арқылы көрінетін, қоғамдық ұйымдардан — ассамблея, форум, съезд, одақтардан, саяси институттардан — партиялардан, қозғалыстардан, мемлекет органдары актілерінен көрінетін ұлтаралық, стратаралық, конфессияаралық келісім заңшығару билігінің қайнар көзі деп саналады.

Заңшығару билігі және оның қайнар көздері тақырыбы мемлекеттік реттеу мен қазіргі Қазақстандағы заңдық база мен заңдық реттеудің құқықтық шектеріне ерекше маңыз берілетіндігімен тығыз байланысты. Мемлекеттік реттеудің бір бөлігі заңшығару билігі болып табылатын билік институты көмегімен жүзеге асырылады. Заңшығару билігінің ерік білдіруінің негізгі нысаны заң – қатынастарды реттеуші құбылыс, практикалық жағдайға зияткерлік, тиімді қосымша, осыған сай жағдайдың өзгеруі орын алады. Заңшығару билігі әр түрлі қоғамға маңызды қатынастарды жүзеге асырудың тәртібін, барысын және шартын тағайындайды. Заңшығару билігі заң көмегімен атқару билігімен жүзеге асырылатын биліктік қатынасқа жата тұрып, осы қатынастың іске асырылуының тәртібі мен шартын анықтайды.

Заңдық реттеу мүмкіндіктері туралы мәселені қарастыру екі тұрғыдан жүргізіледі: басқармашылық және институционалдық. Олар қоғамдық ойдың және соған сәйкес практиканың дамуының бағыттарына сәйкес келеді. Басқармашылық бағыт әлеуметтік үрдістерді түбегейлі реттеуге болатын, оларды жеткілікті дәрежеде ғылыми зерттеу жұмыстары жүргізілсе, жеткілікті деп

санауға негізделеді. Бұл бағыт тұтас қоғам мен оның бөлшектерінің өмірін жаппай ұйымдастыру және басқару мүмкіндігін негіздейді. Онда заңдарға биліктік өкілеттіліктерді жеткізудің құралының, тәсілінің бірі ретіндегі маңызды орын беріледі. Бірақ осыдан билік органдарының барлық әрекетіне бұйрық ретінде қарау, яғни, одан бас тарту қатаң түрде жазаланатын келеңсіз жағдай қалыптасады [3].

Аталған бағыт бұрынғы кеңестік заң әдебиетінде барынша кең таралып, қарастырылған еді. Онда заңдарға басымдылық берілгені, заң үстемдігін танығаны рас, бірақ заңдар сол қоғамның мәдениетінің шартсыз көрінісі және онда қалыптасқан құқықтық нормалардың бейнесі ретінде қаралмады. Заңдарға кеңестік қоғамды коммунистік бағытта дамытатын, жаңартатын құрал ретінде баға беру орын алды. Заңдар және өзге актілер мәні бойынша бұйрықтың нысаны ретінде ғана қарастырылды. Оларды орындау актілердің заңдық күшіне байланысты емес, оны қабылдаған органның, бастықтың шынайы күшіне байланысты қарастырылды. Бұл көзқарас тоталитарлық жүйедегі заңдардың өмір сүру ерекшеліктерін көрсететін құбылыс екені бүгінде танымал. Сондықтан да, басқармашылық бағытта қалып, қоғамдағы өзгерістердің жалғыз тірегі ретінде заңшығаруды ғана қарастыру дұрыс емес. Өйткені заңдардың мазмұны саяси, таптық, ұлттық және өзге күштердің арақатынасымен, жоғарғы басшылардың, парламентарийлердің білімділік дәрежесімен және белгілі бір идеалдарға бой сұну дәрежесімен анықталады.

Институционалдық көзқарас либералды-демократиялық идеяларды ұстанатын елдердің — АҚШ, Франция, Германия тәжірибесінде іске асқан. Қазіргі қоғамда басқармашылық бағыттың дағдарысқа ұшырауына байланысты қазақстандық қоғамның болашақ қажетті құрылымы мәселесі жан-жақты қарастырылып отырған кезеңде ескі жүйе демократияландырудың нәтижесінде қозғалысқа келіп, өзгере бастаған тұста, бостандыққа ие болған теоретикалық және практикалық ой-қуат жаңа бағытта құқық үстемдігі, құқықтық мемлекет қалыптастыру бағытында дами бастады. Құқық үстемдігі, құқықтық мемлекет қалыптастыру идеялары қоғам өмірінде маңызды стратегиялық құжаттарда бейнеленді. Оның алғашқы қарлығашы ретінде «Қазақ КСР-нің мемлекеттік егеменділігі туралы» Декларацияны атауға болады.

Заң әдебиеті, әсіресе басылымдық әдебиет, бұл мәселені «құқықтық» немесе «құқықтық емес» заңдарды, «билікті бөлісу», заңшығару билігінің рөлі және маңызы мәселелерін талдау дәрежесіне ауыстырып жіберді. «Құқықтық емес» заңдар ұғымы дұрыс емес тәрізді, себебі ол заң ұғымын өмірді құқықтық ұйымдастыру құралы ретінде емес, басқа мағынада қарастыруға мүмкіндік береді. Социалистік құқықта заңдар партия, тап еркін жүзеге асырудың құралы ретінде қолданылды, сөйтіп оның құқықтық мазмұны жойылды. Сондықтан да кеңестік қоғамда заң, декрет, жарлық, нұсқау немесе бұйрықтардың арасындағы айырмашылық болмауы осыған байланысты. Құқықтық емес қоғамда құқықтық заңдарға орын жоқ.

Қоғамда қалыптасқан ереже, тағайындалымдарға, дәстүрлерге сүйенетін заңдар да құқықтық деп саналмайды. Заңдардың бұл типі өз негізінде қоғамдық санада және қоғамның өмір сүру бейнесінде тамырланған әрекет етудің дәстүрлі, әдеттік, діни бейнелеріне сүйенеді. Әрине, әдет-ғұрыптың, дәстүрдің, діни нормалардың өмір сүруінің нысаны болып табылатын заңдардың болуы мүмкін, бірақ олар құқық идеясынан басқа идеяларды қарастырады. Сондай-ақ атқару билігі мен әкімшілік құрылымында қабылданатын актілер де заң болып саналмайды. Олар жедел-жарлық ету сипатында болады. Олардың келесі бір ерекшелігі, олар тиістілік талаптарын көздейді, нақты әрекеттерге, заттарға, жағдайларға сілтейді.

Құқықтық заңдар, дұрысы, ұйымдастырылуы құқық идеясына бағынатын қоғамда қабылданатын заңдар өзге актілерден ерекшелендіретін белгілі бір қасиеттерге ие. Құқықтық қоғамда заңдар адамдардың өзара әрекеттестігінің шынайы кеңістіктегі, әлеуметтік мағынадағы тұрақтылығын емес, сана тұрақтылығының шартын қалыптастыруды мақсат етеді. Заң тірегі болып халықтың, ұлттың, өзге әлеуметтік қауымдастықтың адамгершілігі, рухы, менталитеті саналады. Сондықтан да заң шартсыз болып табылады, табиғи жолмен, өз ретімен орындалады. Бұндай заңдар адам өмірінің, күнделікті тұрмыс-тіршілігінің мәндік сипатын арылтады. Құқықтық заңдардың мәні олар бағытталған адамдарға белгісіз болуы да мүмкін, бірақ адамдар олардың табиғилығына байланысты өздігінше орындай береді, анықтайды.

Қазақстандық заңшығарудың тағы бір ерекшелігін атап өтуге болады: дамыған батыстық мемлекеттерде заң мемлекет пен саяси институттардың, азаматтардың кең дәрежедегі қатысуымен өзара әрекеттестіктің нәтижесінде қалыптасады және саяси институттар заңшығару құқығын мемлекетке ұсына отырып, оның легитимділігін, заңдылығын үнемі бекітіп отыратын болса, Қазақстанда легизм (заңдылық), немесе мемлекеттің, сөзсіз, легитимділігі, танылған. Бұндай

ерекшеліктің болуы саяси институттардың жеткілікті дамымағандығымен әлеуметтік мінез-құлықтың және қабылданған әлеуметтік рольдер жүйесінің дәстүрлі нормаланғандығымен түсіндіріледі.

Құқық идеясы адамдардың құндылықтарының әр түрлілігін, бірдей еместігін есепке ала отырып, қалыптасқан. Адам әрекетінен көрініп тұратын олардың ішкі мазмұнын, моральдік принциптерін және тағайындауларын назарға ала отырып, құқықтық заң қоғамдастықтың тұтастығына жету мүмкіндігі идеясына құрылады. Олар өмірдің «дұрыс» нысанын бағалауға бағытталмайды, әр түрлі нормалар мен құндылықтардың қатар өмір сүруіне жағдай жасайды. Егер заң басқару құралы ретінде қолданылса, яғни «барынша дұрыс» идея, құндылық, норма, идеал тағайындау құралы ретінде болса, ол құқықтық қасиетінен айырылады [4].

Құқықтық заңдар әртектес өмір бейнелерінің әлеуметтік қасиеттерінің сипатына қарамастан, ұлттық, діни, мүліктік, таптық ауызбіршілікті, теңдікті қамтамасыз етеді. Заңдарды орындау табиғи, өздігінше орын алса, олардан бас тарту кездейсоқ болатын құбылысқа айналады. Егер құқықтық емес құрылымдарда заңдарды жүзеге асырудың күзетшісі ретінде мәжбүр ету, жазалау аппараты тұратын болса, құқықтық заңдар адамдардың терең ішкі бағалаулары тұрғысынан мүмкін болатын жағдайларға бағытталады. Заң бұл жағдайда берілген қоғамның құқықтық деп танылатын мүмкін болатын және типтік жағдайларының жинағын енгізуге құрылады, болуы тиісті жағдайларды тағайындайтын тікелей биліктік әрекеттерді жүзеге асырудан бас тартады.

Құқықтық заңдар адамдардың өмірлік жолдарының мәні мен бағытын анықтайтын шынайы үрдістердің көрініс табуы мен бекітілуіне мүмкіндік береді. Әрекеттегі қалыптасқан қатынастарды формалды бекітуге немесе қатынастардың, оларды детерминдеуші факторларды есепке ала отырып, құрылымын өзгертуге мүмкіндік жасайды. Соңғы нысанда заңдар қоғамдық үрдістердің өзгеру бағытын анықтайтын саясаткерлер мен құқықтанушылардың бірлескен әрекеттестігінің күшімен заңдастырылуы қажет. Себебі осы жерде заңшығарудың заңдарды орындамауға апарып соғатын қателіктері қылаң беріп қалуы мүмкін. Осы тұрғыдан заңнама әлеуметтік қайта құрылу тәжірибесінің есебінен пайда болған қауымдастық өмірінің негізінде жататын құндылық ретінде қалыптасқан бөлу мен ұжымдықтың құрылымын бекітуге мүмкіндігі бар. Соның ішінде осындай үрдіс тәуелсіз Қазақстанға да тән. Ол қоғамдық прогреске жету жолында кездесетін қиындықтардың бетін ашып, олардың алдын алу жолында. Қазіргі таңда кәсіпкерлік қуатқа сүйенетін шаруашылық жүргізудің өзіндік экономикалық тәсілін қалыптастыру үрдісімен, шынайы демократиялық құндылықтар мен нормаларды бекітумен, адам және азамат құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз етумен анықталады. Бұл үрдіс заңшығарушылардан шынайы тарихи жауапкершілікті талап етеді.

Заң құқықтық кеңістік ішіндегі қорғаушы және реттеуші құрал ретінде көрінеді. Заң белгілі бір өзіндік құндылық пен дербестікке ие: біріншіден, құқықтық кеңістікті анықтайды және бекітеді, екіншіден, белгілі бір шиеленіс барысында бұзылған құқықтарды қалпына келтіруді қамтамасыз етеді. Бұндай сипаттарға заң құқықтық мән мен шығу тегіне ие болған жағдайда ғана жетеді. Заңның құқықтық мазмұны заң қабылдайтын субъектінің (органның немесе жеке тұлғаның) легитимдігі мен заң қабылдау рәсіміне байланысты. Легитимдік әр түрлі субъектілердің саяси еркін келістіретін азаматтық қоғаммен және құқық принциптерімен, басынан бастап барлығына берілетін және барлығымен танылатын адам құқығы идеясымен анықталады. Онсыз заң құқықтық болмайды, яғни қуатты құрал бола тұра, құқықты қолдаудың орнына, белгілі бір топтың мүддесіне қызмет ету құралына айналады.

Заң ретінде заңшығарушы орган қабылдаған барлық конструкциялар саналмайды, оның ішінде жалпы сипатта болатын, яғни қоғамдық қатынастардың барлық аймағын қамтитын бөлігі ғана заң деп есептеледі. Бұндай қатынастардың субъектілері басынан бастап тең құқылы болып табылады.

Заңды субъектілердің қатынасын реттеу (өзгерту) құралы ретінде тануға ықпал ететін үш белгісі бар:

- қатынастар аймағына байланысты жалпылығы. Заң жалпы жалпылық сипатта емес, ол тек өзіне бағынатын оқиғаларға байланысты;
- реттелуші қатынастардың субъектілерінің теңдігі;
- заңның формалды өкілеттіліктерге ие субъектілермен (органдармен) қабылдануы. Заң қабылдаушы субъект қалыптасқан қоғамдық қатынастарды белгілі бір аяда өзгертуге мүдделі.

Қоғамдық үрдістерді реттеуге бағытталу, олардың әрі қарай даму бағыттарын анықтау заң шығарушыларға белгілі бір дәрежедегі талаптар жүктейді. Талаптар өтіп жатқан қоғамдық үрдістердің мәнін түсіну және белгілі бір әлеуметтік-мәдени, тарихи өзін-өзі анықтаудың болуымен сипатталады. Заң белгілі бір дәрежеде заңшығарушылардың әрекетінің нәтижесі болып табылады,

себебі парламентарийлердің түсінігінің деңгейін, шекарасын және шектерін бейнелейді. Түсінік қолданбалы және стратегиялық зерттеулерге, концептуалды жұмыстарға, талдауға, сұрауға, сараптамаға, кеңес алуға және өзге де қоғамда болып жатқан құбылыстардың мәндік сипатын анықтауға мүмкіндік беретін үрдістерге сүйенуге тиісті, сонда заң мазмұны дұрыс әрі тиімді анықталады [5].

Заңшығарушының әлеуметтік-мәдени және тарихи анықталуы құқық идеясымен, яғни, құқықтық қоғам қалыптастыруға ықпал ету бағытымен байланысты болуы мүмкін. Егер оның қоғамдық үрдістерді бағалауы дұрыс емес болса және теңдік, әділеттілік, әр түрлі құндылықтар мен тағайындауларды жүзеге асыру үшін жағдай жасау тәріздес құқықтық принциптерді есепке алмай әрекет ететін болса, бұндай заңшығару органы ерте ме, кеш пе, міндетті түрде легитимсіз (заңсыз) деп танылады.

Қоғамдық үрдістер әсер етудің еріксіз объектілері емес, олар белгілі бір мерзімі ішінде құзыретсіз, бассыз әрекеттерге өзіндік қарсылығын көрсетеді. Заң қабылдау барысында осы реакцияның күші мен сипаты да есепке алынуы керек.

Сонымен, заңшығару билігі мен қабылданатын конструкциялар заң деп саналатын және бұндай заңдар қоғамдық қатынастарды реттеуге мүмкіндік алатын үш формалды және бір мазмұндық шарт бар екен. Осыған сәйкес заңшығару билігінің қайнар көздері ретінде мыналар танылады:

- нақты аймақтағы қоғамдық үрдістердің объективті, келелі сипаты;
- әлеуметтік-мәдени және тарихи өзін-өзі анықтау және заңшығару билігін жүзеге асыратын субъектінің еркі;
- заң қабылдаудағы құқық қабылдаушылық дәстүрі, заңшығару нысаны мен саясатының өтпелілігі.

Бірінші қайнар көз белгілі бір қоғамдық қатынастардың жалпы әлеуметтік-мәдени кеңістіктен «бөлініп қалуымен» және оны реттеу (өзгерту, жаңарту) құштарлығымен сипатталады. Өмірлік жағдайдың осы бір таңдаулы бөлігі заңшығарушының еркіне, тәуелсіздікке ие. Осы шындықтың объективті сипаты заңшығарудың қайнар көзінің бірі болады.

Қоғамдық үрдістердің мазмұны белгілі бір зерттеулерге байланысты анықталады. Зерттеу және соған байланысты реттеу келесі сатыларды қамтиды:

- бірінші — құқықтық (заңдық) реттеу аясын (пәнін) суреттеу;
- екінші — заңшығарушыны реттеуге итермелейтін кейбір оқиғалардың жасалынуы және көрініс табуы, бұл жерде заңшығарушының өзі осы оқиғалардың тікелей немесе жанама қатысушысы екендігін естен шығармау керек;

– үшінші — реттеу кеңістігінің үйлесімдігі, яғни реттеу пәнінің элементтерін жағдайды өзгертуге қажетті тәртіпте суреттеу. Егер бірінші және екінші сатыдағы үрдістер реттеу аймағын анықтауға мүмкіндік беретін болса, үшінші саты өзгеру міндеттеріне сай осы аймақтың компоненттерін, элементтерін қайта топтастыру әрекеттерін біріктіреді;

– төртінші саты заңдық конструкциялар құрумен және оларды енгізу салдарын талдаумен байланысты. Басқаша айтқанда, реттеу пәнін анықтап алып және одан қажетті элементтерді ажыратып, олардың өзара әрекеттесу сипатын тағайындап, заңшығарушының осы кеңістіктегі орнын белгілеп таңдалған аймақты өзгерту мақсатында өзгеру, соның есебінен жүретін элементті құрастыру қажет. Бұл элемент құқық нормасы, оны заң мәтініне және кеңістікке енгізу керек. Ары қарай заңшығару билігінің әрекетіне дейін болмаған элемент пайда болған кезде кеңістікте қандай өзгерістер болатындығын модельдеуге тырысу қажет;

– заңдық реттеудің бесінші сатысы — жүзеге асыру актілерін жасауды және саясатты қалыптастыруы қажет. Бұл сатыда заңда көрініс тапқан құқықтық нормаларды жүзеге асыру және жаңа қатынастардың пайда болуы немесе қолданыстағы қатынастарды өзгерту орын алады.

Заңшығару билігінің екінші қайнар көзі әлеуметтік-мәдени және тарихи өзін-өзі анықтау және билік құрушы субъектінің еркі болып табылады. Қазіргі кезеңдегі Қазақстанда бұл заңшығару билігі органдарының өздерінің Қазақстанды тәуелсіз, дербес мемлекеттік субъект ретінде қалыптастыру бойынша тарихи миссияларын, жаңа типтегі мемлекеттілік қалыптастыру барысындағы, демократиялық қоғамның және құқықтық мемлекеттіліктің конституциялық қағидаларын бекітудегі және нарықтық экономикалық шаруашылық жүргізудегі өзінің маңызын терең сезініп, түсінуі қажеттігін білдіреді [6].

Қазақстандық қоғамның өмір сүруінің экономикалық, саяси, әлеуметтік және рухани аяларындағы әр түрлі өзгеру үрдістеріне жалпы көз жүгіртудің өзі олардың барлығының мемлекеттік реттеу шартымен өтіп жатқандығын байқауға болады. Бұл әсіресе қазіргі кезеңде өзгерістердің барысы қарқын алған тұста айқын көрінеді. Біздің ойымызша, Қазақстанның мемлекеттік өзін-өзі анықтауын қалыптастыруды анықтайтын негізгі факторларға мыналарды жатқызуға болады:

– сыртқы факторлар, яғни дүниежүзіндегі жалпы жағдай. Ол ешқандай да мемлекеттің халықаралық-құқықтық реттеумен анықталған тәртіппен қалыптаса қоймағандығымен сипатталады. Ешқандай мемлекет дүниежүзілік қауымдастықпен танылған жалпы адамзаттық құндылықтарды аяққа баса алмайды. Қазақстан Республикасының халқы да осы қауымдастықтың өкілі болғандықтан, оның қағидаларына сәйкес әрекет етеді;

– идеологиялық факторлар, ол Қазақстанның жаңаруының мақсаттарын айқындайды. Өзекті мақсаттар қатарында демократиялық қоғам мен құқықтық мемлекет құру, либерализм, дәстүрлік және дамудың өзіндік жолы идеялары танылады;

– ішкі әлеуметтік-экономикалық, мәдени факторлар, ол ескі құрылымдардың жойылып, орнына жаңа заман талабына сай құрылымдардың келуін теңдестіріп отыруды, елдің өмір сүруін қамтамасыз етуді талап етеді.

Қазақстандағы әлеуметтік-экономикалық, мәдени жағдай және оны мемлекеттік субъектісі ретінде қалыптастыру үрдісі мыналардан көрінеді:

- қазақстандық патриотизмді мемлекеттік қағидасы ретінде ұсыну;
- өзіндік мемлекеттік идеологияны жариялау, оның өзегінде бірігу, қоғамдық прогресс, әлеуметтік серіктестік болуы қажет;
- геосаяси акцент берілген өзіндік сыртқы саясаттың болуы;
- заңдық реттеуді өзіндік түсіну;
- өзіндік институттармен қамтамасыз етілген экономикалық бағдарламалардың болуы;
- өзіндік жазба тарихтың, білімділік саясатын, мемлекеттік қызметкерлерді дайындау құрылымын қалыптастыру.

Сонымен, Қазақстандағы заңнаманың сипатына мыналар жатады:

1) заңнама қоғамдық қатынастарды қорғау шектерін және күштеу құрылымдарын қолдануды анықтайды;

2) ірі құрылымдардың әрекет ету аймағының бостандығы шектерін реттейді, оларды мемлекеттің төңірегінде ұстауға күш салады;

3) мемлекет пен ірі құрылымдардың арасында шешім қабылдау барысындағы келісім ережелерін тағайындайды;

4) мемлекет пен ұсақ құрылымдардың арасындағы әрекеттестіктің ережелерін және ұсақ құрылымдардың өзара әрекеттестігінің тәртібін анықтайды.

Қазақстандағы заң шығару билігінің өзін-өзі анықтауын қалыптастыру ерекшелігі дамыған саяси институттардың болмауы жағдайында әр түрлі қоғамдық мүдделерді есепке алу мен бір жүйеге енгізудің нысандарын тауып, негізгі қайнар көзі және бастаушысы мемлекет болып табылатын әрекеттер түріне енгізуден көрінеді. Бұл тұста, әрине, мемлекеттің өкілдік тетігін енгізуі, мемлекеттік идеология мен функцияға ықпал ету арқылы өзін-өзі шектеуі қажет. Азиаттық елдер үшін білім мен мәдениеттің мемлекеттік құрылымдарға ықпалы тетігі өкілдіктен маңыздылығы жағынан кем түспейді. Заңдық реттеуде өзін-өзі анықтаудың бұл факторы мыналарда көрініс табады:

– мемлекет пен ірі құрылымдардың арасында шешімдер бойынша келісімге келу барысында қоғамдық мүддені есепке алудан көрінеді. Қоғамдық мүдделерді анықтаудың тұрақты әрекет ететін тетіктер, оларды анықтаушы және қалыптастырушы әлеуметтік институттар қажет;

– ірі құрылымдардың әрекетін реттеу саясатын анықтау барысында керек;

– мемлекет пен әр түрлі құрылымдардың, азаматтардың арасындағы әрекеттестіктің ережелерін анықтау барысында оның тек мемлекетке ғана пайдалы емес, жалпы қоғамға тиімділігін қалыптастыру қажет.

Мемлекеттің ұлттық сипаты құқықта реттеулі түрде формалды құқық (заң нормаларында көрініс тапқан) пен рухта, дәстүр мен мәдениетте анықталған құқықтың бөлігі мен арақатынасында көрініс табады. Айырмашылық құқықтық қатынас деңгейінде жүзеге асырылады: бір бөлігі заңмен реттеледі де, екінші бөлігі құқықтық сананың қарауына қалдырылады. Құқықтық сана мен жазба құқықтың, «рух» пен «әріптің» ара-жігін толықтыру өзара құрметтеудің, өзара түсіністіктің, өзара келісімнің қағидаларына сүйенеді. Себебі мәдениетте бар құбылыстардың барлығы бірдей формалды заң түріне айналдырылуы мүмкін емес.

Заңшығару билігінің келесі қайнар көзі заңшығару нысанының және саясатының құқықтық сабақтастығы болып табылады. Заңдық реттеудегі құқық сабақтастығы қалыптасқан тәжірибеге сүйене отырып, қоғамдық өмірдің құбылыстарын бағалаудан, саясатты қалыптастырудан көрінеді. Қазақстандық мемлекеттіліктің институттары қалыптастырылу және заңдық бекітілу дәрежесінен өтуде. Заңдық реттеудегі құқық сабақтастығы заңшығару органдары қабылдайтын актілердің заң деп аталуынан, романо-германдық құқықтық жүйенің ұстанымдарын қолданудан, нормативтік актілерді жариялау мен қолданысқа енгізу тәртібінің сақталуынан және тағы басқалардан көрінеді.

Заңшығару нысандары мен саясатының құқық сабақтастығы белгілі бір дәрежедегі тұрақтылық пен заң шығару билігінің легитимділігін қамтамасыз етеді. Қатынастардың белгілі бір аймағын реттейтін заңдардың болуы және оларды жүзеге асыру тәжірибесі әлеуметтік-мәдени жағдайды өзгертуге ықпал етеді.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Парламент — Қазақстанның заңшығару билігі / Жауапты ред. А.А. Таранов. — Алматы: Жеті жарғы, 1995. — 5-б.
- 2 Әбділдин С. Қазақстан парламенті: одақтан ордалы елге бет түзеп... — Алматы: Қазақстан, 1993. — 65-б.
- 3 Зиманов С.З. Конституция и парламент Республики Казахстан. — Алматы: Жеті жарғы, 1996. — С. 31.
- 4 Мухамеджанов Э.Б. Парламент Республики Казахстан и законодательные органы зарубежных стран (общие вопросы). — Алматы: Баспа, 1997. — С. 56.
- 5 Саиров Е. Особенности казахстанских и российских парламентских выборов 1999 года // Евразийское сообщество. — 2000. — № 4. — С. 34.
- 6 Абдыкаримов О. Развитие парламентаризма — развитие демократии // Юридическая газета. — 2012. — № 15. — С. 3.

Г.З.Кожаметов, А.Т.Отарбаева

Истоки законодательной власти

Статья посвящена изучению истоков законодательной власти в истории учения о государстве и праве. Показано формирование идеи права, раскрыто соотношение понятий «закон» и «справедливость», «закон» и «право» с древнейших времен по новейший период. В сравнительном аспекте рассмотрены некоторые вопросы о становлении и развитии законодательной власти (порядок, условия и функционирование) в различных странах и в Казахстане на современном этапе. С позиции новых подходов выделены роль и значение законодательной власти в регулировании наиболее важных общественных отношений. Освещены дискуссионные вопросы о понятии закона как средства правовой организации жизни общества. Представлены виды законов и освещено влияние множества факторов общественного развития на характер современного законодательства.

G.Z.Kozhahmetov, A.T.Otarbaeva

The sources of legislative power

This article is devoted to the study of the sources of legislative power in history of government and right, formation of the idea of right, concept correlation of law and justice law and right from ancient times to nowadays. In the aspect of comparison some points of legislative power becoming and development (order, terms and function) in different countries and Kazakhstan at modern stage are considered. From the position of new approaches role and meaning of legislative power in regulation of the most important social relations was considered. Discussion questions about the notion of law as the means of legal organization of society Life, types of laws and influence of various social development factors upon the character of modern legislation were highlighted.

References

- 1 *Parliament — legislative power of Kazakhstan*, edit. A.A.Taranov, Almaty: Zhety zhargy, 1995, p. 5.
- 2 Abdildin S. *Parliament of Kazakhstan: From Union towards Unity...*, Almaty: Kazakhstan, 1993, p. 65.
- 3 Zimanov S.Z. *Constitution and Parliament of Republic of Kazakhstan*, Almaty: Zhety zhargy, 1996, p. 31.
- 4 Mukhamedzhanov E.B. *Parliament of Republic of Kazakhstan and legislative bodies of foreign countries (general questions)*, Almaty: Baspa, 1997, p. 56.
- 5 Sairov Ye. *Eurasian Community*, 2000, 4, p. 34.
- 6 Abdykarimov O. *Juridical newspaper*, 2012, 15, p. 3.

UDC 341.9[323.285:343.342]

D.K.Kusbekov, A.Zh.Mashabayev

Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: dumandoc@mail.ru)

**The religious extremism and terrorism is the basis
of interethnic tensions**

This article deals with the problems of religious extremism and terrorism in the modern society. Within the article are characterized social and legal consequences of this negative phenomenon. Noted that the violence is the main tool for extremists. The cause of religious extremism and terrorism is seen in the unresolved social and political problems. The author focuses on the fact that the collaboration work of all level organizations is necessary in fighting against religious extremism and terrorism in modern conditions.

Key words: religion, Religious extremism, terrorism, crime, society, violence, conflictology, philosophy, politics, The Republic of Kazakhstan, criminology, international conflict.

Terrorism gives rise to the modern human mind a social phenomenon, such concepts as negative looks. For a long time the notion of terrorists in the minds of the people was recognized as revolutionary, anarchist, the man that fight against social injustice. Of course, it was due to the tragic events in history.

Terrorism creates fear in the life of society, that's why this phenomenon proves that it is the epidemic of the twenty-first century. In the last 50 years in many countries of the world have been a lot of acts of terrorism and these acts changed in a root the concept about terrorism. It was clear that the terrorism of the twentieth century was the strongest weapons which promote and protect geopolitical, internally-political, ethnic and ideological interests. In socio-economic, political and legal issues, the terrorism is the most important and dangerous problem. International community in accordance with international norms and standards produce the Programme of Action in the fight against terrorism. It is necessary to bear in mind the international practice and standards in improving the legislation of the fight against terrorism. At the same time, the National Security Committee, the Ministry of internal affairs of Republic of Kazakhstan, special services, and other governing agencies make efforts in combating terrorism prevention and improving the legislation of the fight against terrorism. The modern legislation of the fight against terrorism is the way to protect from the acts of terrorism in the country and abroad. But it depends on the visionary and competent national, economic and cultural policy. We can achieve our goal just when all the countries will work against terrorism. Here the value of the prevention and the fight against terrorism.

In definition of terrorism as the phenomenon menacing to members of society, it is necessary to know the amount of time and space of formation and development of terrorism. The prerequisite for the effective fight against this phenomenon is researching causes of terrorism and its formation. There should be other factors which influence for formation and development of terrorism. In this regard, what is terrorism?

Warning factors of terrorism in the modern world are available in all spheres of public life. Terrorism is widely used differently and it is dangerous phenomenon because it is difficult to it assume about it in advance. Therefore, it is very difficult to study the phenomenon of terrorism. First of all, the concept of terrorism is directly related to the absence of a comprehensive concept in common. This rule requires integrated and comprehensive actions to warn of terrorist threats. From the methodological point of view it is necessary to find the main emergence source of terrorism. Various social contradictions, including religious, national,

political, economic and ideological, in recent years, information tools is also included. All these lead to a local, national and global level of social conflicts. The above-mentioned factors, from the long-term and negative ways of development create favorable conditions for the emergence of terrorist views.

The only one aspect of it that all of terrorism is — manifestation of force. Even the ideologists of terror agree that violence and terror is the manifestation of force. People violence is often used in the history of mankind and the world still does not refuse from it. Therefore, terrorism is a form of war. However, using such method of war and terrorist acts is very effective and efficient to people who stand behind all these actions. Terrorism as a constant companion of mankind, by using various forms and methods become very dangerous. The result of terrorist acts leads to the victims of the mass of humanity. Psychological pressure on the people, the elimination of cultural and material values, trying to exclude the value and purpose of life. It creates inter-ethnic conflict between social groups and pulls down destiny of people.

The manifestation of force or the solution by force is known that it is not a special form to solve modern problems. According to a terrorist attack it does not lead any action on the basis of news. Unlike the other elements of terror, it gets out as single way of reaching the define goal. Terrorism as the mass and a political phenomenon, by criticism and doubt of political illiteracy of the state and the individual members of the group from legal actions, wish to justify the illegal acts. Many criminal groups through terrorist acts want in the first place to eliminate competitors, secondly, to create fear in the society, and thirdly, to influence the government. So may be involved any person as victim of conflict situation of terrorism.

One of the most common definition of terrorism, «the terrorism is the political purpose and its motivated violence», violence is one of the main service of terrorism [1; 7]. In the XIX century Russian ideologists said that it is the most necessary form of terror. In addition, one of the legal questions is why the violence plays an important role in justice establishment? This will require to find a solution to the question on the ontological and axiological form. This idea is rooted in deep. Therefore, the question is in how terrorism and society understand about justice. If a single person or a group of persons have the right to be fairly active actions aimed at changing the society, which is carried out according to their terror justified. It is the most important and dangerous risk of terrorism.

The level of specific forms of terrorism, on the other hand, shows the community's legal and political literacy and efforts from the state and society in the solution of problems in terrorism.

War is a continuation of the policy, as well as terror the form of re-creation of society using illegal means.

Today, the main driving force of the terrorism is a variety unresolved issues. The difference between the various countries in the development of developing countries than in developed countries, poor living conditions, poverty, unemployment, corruption, illiteracy, the top of the developing countries, the government seeks to keep power in any way that it will eventually create favorable conditions for the emergence of terrorism. However, there is no justification of terrorism by social and economic factors.

The terrorism by cultural point of view is nihilism, the denial from general ethical standards. As mentioned above, terrorism and religious extremism, cannot be addressed only through social and economic factors. At the same time, it is an error approach considering it as a phenomenon specific only to developing countries. All of them one of the reasons of terrorism.

It is the delusion to consider that terrorists make terror acts because of conditions of distress and with despair or because of a hopelessness they took the weapon in hand.

The transition time is built upon the foundation of extremism. Thirst of historical tradition, and people within the framework of the reconstruction of the psychological situation, find themselves in a state of frustration. If it reaches its logical level, it will be a radical ideological currents. For example, in Ukraine, Vietnam, Mongolia, Japan, the US, France, Russia, etc. there is a wide range of the process of modernization of the ideology of fascism. Growing number of people who visit it. Turn of the legendary feat of the population, a symbol of traditional values and the psychological, carried out through worship. Or condition of the Islamic culture of xenophobia, opposition to the process of globalization and modernization of culture leads to the block.

Favorable condition for extremists is the process of globalization. It requires people in front of their resources. It will be difficult to control the migration process. It changes the ethnic and demographic structure of society.

«Mostly terrorists economic failure, political repression and social inequality refers to as a precondition to justify their bloody shares. It is known to all situations. However, they can not justify the acts of psychological violence to peaceful people» [2].

An analysis of the terrorist activities in different parts of the world prove that it is a more diverse and multi-faceted phenomenon. There is no definition of the concept about terrorism in international law. Therefore, in order to understand the essence of terrorism let's carry out in the explanatory. Terrorism is closely related to the concepts as «terror», «terrorist act». «Terror» (terror), translated from the Latin, means «fear». There is no the most popular or the literal definition to the concept «terrorism» in legal environment. Through the systematic use of terror policy or the use of force it identified as the solution the political problems. But it does not open the full significance of the concept. From ontological point of view it accepts as a concept related to the politics.

It is displayed in a separate terrorism, but can also be mass terror. Therefore, it can not help to explain the whole concept of terrorism. In another look at the dictionary, says: «Terror efforts to push through the measures of political opponents, harassment of policy states» [3; 505]. The «enemies» shows the word of mass terror.

Well, the definition of terror in a «military encyclopedic dictionary» will be very strict. It says: «The terror means of action to eliminate political class enemy» [4; 621]. But all this show in a local forms, because political opponents live in a certain manner at all times. For example, in the government, parliament, within the framework of the official structures and institutions. Therefore, mass terror which was explained from the end the twentieth century to the beginning of the twenty-first century still does not meet the definition.

However, the analysis by comparing the different definitions of terrorism and terror we notice that it has the discrepancies between the above concepts and does not meet the present and the difference can be observed. There are the differences between the words «terrorist act», «terror» and «terrorism». Hence the sense of these words will come to confusion, because «terror» is a mixture of different content. For example, terror has the confusion with the word terrorism. Performed as well as terror confuse with the methods to strengthen the policy. Let show the types of terrorism:

- Political terrorism;
- Social terrorism;
- The national terrorism;
- Regional and separatist terrorism;
- Approach to terrorism;
- Criminal terrorism.

Therefore, the adoption of terrorism as the phenomenon of a one-sided is a delusion.

So, a clear definition of the concept of terrorism, specified in the Law «anti-terrorist action»: «Terrorism is the ideology of the use of force to intimidate the population and the individual, society and it is using of force aimed at inflicting damage to the state, state authorities, local self-government bodies or international organizations to influence decision-making practice» [5]. And, in Law, which was adopted in 1999: «Terrorism is a violation of the security of the state, the state in order to influence the decision-making bodies of the criminal action. They are such actions: strategic and vital facilities, government communication, to ensure the people of the State of property and other material objects or an attempt on the life of public figures, representative of a foreign country or international organization employee assault, threat of physical force or show of force against individuals, entities or related to the seizure of hostages» [6]. The above definition of this crime to terrorism is a social evil and it is all human disease.

To understand the essence of terrorism, first, satisfy its elements. They Are:

- Act of terrorism;
- Terrorist action;
- Terrorist activities;
- Terrorists;
- Terrorist methods and tools;
- A terrorist organization.

Terrorist act is a key element of terrorism. Act of terrorism — created to achieve the objective of terrorism. Such actions are explosion and theft of an aircraft, industrial sabotage the organization, and or other actions. Terrorist acts are really will not be able to achieve the objectives of an official statement. In most cases, it uses to specify their requirements and capabilities. After the terrorist attacks in most cases, its organizers and performers will be able to take public responsibility for the execution of it. Therefore, the main objectives is not enough, they need an intermediate goal.

Terrorist campaign — which aims to achieve the objectives of terrorism and terrorist offenses actions.

The central element of terrorism is the terrorist act. In this regard, the Republic of Kazakhstan in the law «On Combating Terrorism»: «terrorist act — any of the following actions:

- act of the terrorist organization, planning, preparation, financing and implementation;
 - incitement to commit a terrorist act;
 - illegal paramilitary designed for the purpose of making the act of terrorism, criminal association (criminal organization), the organization of an organized group, as well as participation in such institutions;
 - terrorists tempting to attract, arm, train and use;
 - organizing, planning or preparation of terrorist acts, with the help of informational support or otherwise;
 - to promote the ideas of terrorism, disseminating of terrorist material, including with the using of mass media or telecommunications networks;
 - implementation of activities of terrorist activity or a terrorist organization to terrorists, aware application, in accordance with the laws of the Republic of Kazakhstan, as well as the activities of terrorist organizations recognized as a financial, legal aid or other assistance "as defined in [7].
- It includes the following steps:
- spreading the ideology of terrorism,
 - organizing terrorist shares, planning, preparation and doing;
 - provoking terrorist actions;
 - calling the efforts for terrorist purposes;
 - in order to do terrorist shares to organize the criminal organization or illegal paramilitary structures;
 - financing of terrorists and terrorist organizations;
 - involving into the terrorists.

The terrorists — are the person carrying out terrorist actions and terrorist acts. Terrorist divided into initiators, organizers and performers.

The terrorist methods — are methods of carrying out a terrorist act. Such methods may be different. For example, some terrorist organizations attack to the life of political members, and some of them may cause an explosion.

The terrorist organization — is an organization where two or more individuals unite in order to do terrorist shares. For example, an individual who is the subject of terrorism (fanatic and extremist), and the special terrorist organization «Al-Qaeda» and « Hamas » and « Islamic Jihad » and even in many countries, some Islamic countries, the Taliban (Taliban) in Afghanistan may be in the mode.

One of the above mentioned terrorism items related in one another. This is proved by the following conditions: If there is no a terrorist not a terrorist act, and no terrorism itself.

Terrorist acts are really will not be able to achieve the objectives of an official statement. In most cases, only the terrorists specify their requirements and capabilities. After the terrorist attacks in most cases before the majority of its organizers and executors of the terrorist attacks and is responsible for the performance of the same or adhered to, as well as, in some cases, acts announces the termination of contracts.

Therefore, the main objectives is not enough, they reach an interim goal: it is a well-known and respected organization, it will be said, it will be settled. As «advertising» logic of the terrorists at present time, even if it does not attempt to hurry to take responsibility for themselves. For example, the Chechen terrorists S. Raduyev and Japanese «Red Army» terrorist organization in the United States in the aftermath of September 11, 2001, used this advertising.

Terrorist attacks in the United States on September 11, 2001 the general approach to terrorism has completely changed. As of this at the beginning of the twenty-first century is a public property and, as a result of which mankind has gradually come to terms with the local terrorism. Even in Ireland, Spain, Israel and Palestine for decades of terrorism in these countries and regions, which are considered as local issues. The main fact of the present world, from the above-mentioned local real recognition of the international form of terrorism. The main need is to understand this phenomenon as soon as possible, the main problem is the possibility of eliminating terrorism in everyday life.

In addition, might be the signs of terrorist acts in the following.

1. The use of the most brutal forms of violence or threat of danger;
2. The purpose of the terrorist attacks as a result of his sacrifices and destruction exceeds the limit.

3. The purpose of the terrorist acts by persons who are not direct victims of psychological impact is achieved through.

4. The importance of their actual victims of terrorism, rather than symbolic value is selected.

Terrorist acts in the following cases, the international rating crime will be considered an offense if:

- A person suffering as a result of terrorist and terrorist acts or are citizens of different states, but the crime is committed outside the territory of the state;
- If the act of terrorism directed against persons in the field of international protection;
- Preparing for a terrorist act on the territory of one state, carried out in the territory of another State;
- Carrying out terrorist acts in the territory of one state on the territory of a state other than the terrorists to hide and keep it if the question.

Without interrupting the current description of terrorism in our time is bad, perfected their methods as soon as possible. Antihumanistical principles of the fast rise in terrorist acts are on the one hand, is the mass, on the other hand, is a result of violence. Islamic fan, shakhids against terrorist attacks to the United States on September 11th, 2001, showed the following. Terrorism, organized into a force in the world, in terms of his victims, he has achieved a level of constant war action.

To know the reasons for the source of terrorism and terrorist purposes and helps in the prevention or elimination of crimes. Of the Republic of Kazakhstan «The fight against terrorism» because of terrorist activities and the Law of the identification and elimination of the state, the main objective of the fight against terrorism does not appear to be random.

The world of science There are two ways that affect the nature of the cause of terrorism:

- Biological providers value the efforts of the people, ie, people who pose a threat to the interests of another person;
- Social cause social conflict. But here it is demonstrated by the following example: terrorism stable societies in autonomous operation [8;8].

For example, the separatist organization in Spain, Japan, the revolutionary Red Army, the Taliban in Afghanistan, etc. Combining the general public at a scale of terrorism, such as the idea that the law required them to be. Make sure that the people of the law, that they are happy with the liberation of his people and abroad, is to show themselves in a better sides.

According to O.M Khlobustov and Z.G.Fedorov, the emergence of terrorism affects the growth of crime [9; 92]. M.V. Nazarkin related the underlying causes of terrorism is the social conflicts [10]. V.L.Vasiliev provides for the development of the terrorism origin phenomenon: «There are many historical, ethno psychological, political and other factors, the result of the interaction» [11; 172]. V. Malison and S. Malison believe that «the plenty of terrorism causes are the main injustice and offend the ordinary people rights» [12; 71].

According to the researchers, all of these social contradictions in fact, the basis of all social conflicts and the first complex reason. But this is not taking into account the specifics of terrorism. Analysis of the situation shows that modern terrorism, political and religious direction. They appear to be based on a number of international and domestic political, social, economic, historical, regional, national, religious and other factors are causing tension. In this context, the most dangerous terror in their use as a method of achieving the objectives of the Islamic extremist fundamentalists shares and increase achievement.

Thus, the emergence of terrorism, the following factors: The country's economic crisis;

- Political instability;
- Authorities, law enforcement agencies and the weakness of the judiciary;
- State nationalism, chauvinist, extremist, separatist views on growth;
- The prevalence of corruption;
- Special low level of professional activity;
- Ethnic bad situation;
- Easy ways of acquiring arms and explosives;
- Decreasing of migration's observation;
- Political parties and organizations in the country, power struggles;
- Geopolitical factors, etc.;
- Occurring ethnic, religious, ideological conflicts;
- Decreasing in the standard of living, psychological discomfort, vulnerable, exacerbation of life of hardship;

- The state and its institutions in general structural crisis;
- Destroying Historical, cultural, behavioral, humanistic values ;
- Collapsing of the authority of government, rule of law and reduced confidence in him;
- Foreign terrorists, religious, nationalist-radical and etc. organizations, the birth of the interests of other states.

The mass form of modern terrorism is associated with «Islamic factor». Islam as a religion for mankind's salvation, the use of violence is a religion. Therefore, Islam is not the reason for terrorism. I think it can be explained as follows: Islam during his first, it was necessary for the distribution of military expansion. Here, the value of this peaceful religion in the world when it came to the fore. Therefore, at this stage in the history of Islamic fundamentalism is the most aggressive wing of the basic Islamic terrorism seekers «open» to the cause of this. This should be in-depth and objective study of the issue, as well as its two sides use intentionally to the trade. So I agree with the opinion that the President cannot be used. After all, Islam or Christianity cannot be used for political provocation. As evidenced by the following examples: of the 56-member Organization of the Islamic Conference of Muslim countries condemned the terrorist attacks on September 11, 2001 was barbaric strictly charge and informed Islam does not approve in terrorism. At the same time, two factors are necessary for the survival of terrorism. First of all, one of the gaps in the security of the state.

This may be related to the undeveloped legal framework and the absence of a unified Counter policy; financial, border, immigration and other ineffective control systems; weak law enforcement and intelligence authorities, the inability to resolve the tensions in the output stage of the authorities or other reasons, submit the desire. Secondly, some of the military potential of transparency, ie, the First Human Resources: mercenaries, professional murderers and military personnel; the second — new types of conventional weapons and weapons, the possibility of the creation of training camps.

In identifying the answer's options we must remember that people go to terrorism for various reasons. Therefore, the short-sighted policy to keep all of these reasons, it is necessary to take measures to combat. But no cause justifies terrorism.

References

- 1 *Лекарев С.В.* Разведка мирового сообщества // Независимое военное обозрение. — 2001. — № 37. — С. 7.
- 2 *Миникес С.* Выступление в Постоянном совете ОБСЕ в Вене 12.09.2001. — [ЭР]. Режим доступа: <http://old.internews.kz>.
- 3 Словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1989. — 624 с.
- 4 Военный энциклопедический словарь. — М.: Воениздат, 1983. — 736 с.
- 5 Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне терроризмге қарсы іс-қимыл мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы // Қазақстан Республикасының 2010 жылғы 8 сәуірдегі № 266-IV Заңы.
- 6 Терроризмге қарсы күрес туралы // Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 13 шілдедегі № 416-І Заңы.
- 7 Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне терроризмге қарсы іс-қимыл мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы // Қазақстан Республикасының 2010 жылғы 8 сәуірдегі № 266-IV Заңы.
- 8 *Генри Эрнст.* Против терроризма. — М.: Агентство печати «Новости», 1981. — 156 с.
- 9 *Хлобустов О.М., Федоров С.Г.* Терроризм: реальность сегодняшнего состояния // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 90–95.
- 10 *Назаркин М.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В.Назаркин. — М.: АУ МВД России, 1998. — 22 с.
- 11 *Васильев В.Л.* Психология терроризма // Тр. Санкт-Петербургского юрид. ин-та Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — СПб.: Изд. С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000. — № 2. — С. 172–180.
- 12 *Ляхов Е.Г., Попов А.В.* Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. — Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 1999. — 436 с.

Д.К.Құсбеков, А.Ж.Машабаев

Діни экстремизм мен терроризм — ұлтаралық шиеленістің негізі

Мақалада заманауи қоғамдағы діни экстремизм және терроризм мәселесі қарастырылған. Бұл жағымсыз құбылыстың әлеуметтік және құқықтық салдары сипатталды. Экстремистер үшін күш көрсету немесе қорқыту негізгі құрал ретінде үнемі қолданыста болатындығы атап өтілді. Діни экстремизм мен терроризмнің пайда болу себептері, шешілмеген әлеуметтік және саяси проблемаларда жатқандығы кеңінен мазмұндалды. Авторлар қазіргі заман талаптарына сай діни экстремизм мен терроризмге қарсы күресте әр түрлі деңгейдегі ұйымдардың жұмысына ерекше көңіл аударуды талап етеді.

Д.К.Кусбеков, А.Ж.Машабаев

Религиозный экстремизм и терроризм — основа межнационального конфликта

В статье рассмотрены проблемы религиозного экстремизма и терроризма в современном обществе. Характеризуются социальные и правовые последствия данного негативного явления. Отмечается, что насилие есть основное орудие для экстремистов. Причина появления религиозного экстремизма и терроризма авторам видится в нерешенных социальных и политических проблемах. Акцентируется внимание на том, что в современных условиях необходима совместная работа организаций всех уровней по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом.

References

- 1 Lekharev S.V. *Independent Military Review*, 37, p. 7.
- 2 Minikes S. *Speech in Constant Council of OSCE in Vienna*, 12.09.2001, [ER]. Access mode: <http://old.internews.kz>
- 3 *Dictionary of foreign words*, Moscow: Russian Language, 1989, 624 p.
- 4 *The Military Collegiate Dictionary*, Moscow: Voenizdat, 1983, 736 p.
- 5 Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on the issues of anti-terrorism Action On making amendments and additions, April 8, 2010 of the Republic of Kazakhstan Law, No. 266 – IV.
- 6 The fight against terrorism, July 13, 1999 of the Republic of Kazakhstan Law No. 416 – I.
- 7 Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on the issues of anti-terrorism Action On making amendments and additions, April 8, 2010 of the Republic of Kazakhstan Law No. 266 – IV.
- 8 Henry Ernst. *Against terrorism*, Moscow: Publisher annual version Новости, 1981, 156 p.
- 9 Khlobustov O.M., Fedorov S.G. *Modern Terrorism: Status and Prospects*, edit. E.I. Stepanova, Moscow: Editorial YPCC, 2000, p. 90–95.
- 10 Nazarkin M.V. *Struggle organized criminality and terrorism. Criminologicistic and criminal-legal problems: Proceedings / Academy of Management Ministry of Internal Affairs of Russia*, Moscow, 1998, 147, 159 p.
- 11 Vasiliev V.L. *Proceedings of the St. Petersburg Institute of Law of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. Saint Petersburg: «St. Petersburg Institute of Law of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation», 2000, 2, p. 172–180.
- 12 Lyakhov E.G., Popov A.V. *Terrorism: National, Regional and international control*, monograph, Rostov-on-Don: Ryui the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999, 436 p.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ КРИМИНАЛИСТИКА УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 347.157.1

Б.Г.Ганчевски¹, Р.М.Жамиева², Б.А.Жакупов³

¹Академия Министерства внутренних дел Республики Болгария, София;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова;

³Карагандинская академия МВД РК им. Б.Бейсенова

(E-mail: roza_mus@mail.ru)

Анализ девиантного поведения несовершеннолетних в ювенальной юстиции

В статье освещаются некоторые проблемы производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Анализируются статистические данные такого рода преступности. Авторы приходят к выводу, что несмотря на количественное снижение уровня деликвентности несовершеннолетних, наблюдается изменение ее качественных показателей. Рассматриваются причины девиантного поведения несовершеннолетних. В частности, уделено внимание вопросам возможности трансформации аутоагрессии подростков в агрессивное поведение. Авторы считают, что в уголовной ювенальной юстиции надо всегда привлекать специалистов — психологов и психиатров. Отмечается, что деликвентность и девиантное поведение несовершеннолетних имеют правовую, психологическую и социальную природу.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ювенальная юстиция, девиантное поведение, деликвентность несовершеннолетних, обстоятельства, подлежащие доказыванию, факторы деликвентного поведения, аутоагрессия несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних вызывает тревогу общества в связи с неуклонным ростом и тревожными качественными изменениями в структуре как самих уголовных правонарушений, так и субъектов их совершения. Утвержденная Указом Президента Республики Казахстан Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым от 24 августа 2009 г. № 858 «Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» формулирует некоторые меры по предупреждению преступности, в том числе деликвентности среди несовершеннолетних [1]. Данные проблемы также рассматриваются мировым сообществом. Например, ГА ООН 29 ноября 1985 г. приняла резолюцию 40/33 «Минимальные стандарты правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (Пекинские правила). В ней предлагается государствам привести в соответствие с международными стандартами национальное законодательство. «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних» (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 г. резолюцией ГА 45/112, также среди прочих положений отмечают важность и необходимость реализации различных программ предупреждения деликвентности среди несовершеннолетних [2].

Подчеркивается, что важным является создание условий для благополучной жизни молодых людей с раннего детства. Казахстан делает все для реализации международных стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями, предупреждения ювенальной деликвентности. Анализ статистических данных демонстрирует устойчивое снижение количественных показателей по всем видам уголовных правонарушений.

В процессе психолого-криминалистического анализа девиантного поведения подростков следует применять различные методы и подходы, которые позволят проанализировать поведение подростка в динамике и развитии. Необходимо учитывать существующие на сегодня следующие теории и мето-

ды: теория привязанности (John Bowlby и Mary Ainsworth), которая относится к биологическому развитию человека; позитивистская (теория) криминология Ч. Ломброзо; теория Конрада Лоренца и Зигмунда Фрейда, объясняющая наследственно обусловленную агрессию. Существуют также современные методологические подходы: гуманистический, антропологический, психодинамический, культурологический, гуманистический (П.П. Блонский, Д. Винникот, В.П. Кащенко, В.В. Лебединский, С.Л. Рубинштейн, З. Фрейд). Теория социального учения агрессивному поведению Альберта Бандуры основывается на ролевом поведении, идентификации и человеческих взаимоотношениях. Теория социального контроля Тревиса Хирш утверждает, что преступление совершается тогда, когда нормативные стандарты становятся более слабыми, т.е. когда их социализация неполна или осуществлялась неправильно. Теория обучения (Сазерланд) — преступное поведение приобретается (как и любое другое поведение), т.е. данный человек учится быть преступником. Теория идентифицированного действия — описывает, как люди воспринимают и осмысливают свои поступки.

Как отмечено на заседании Координационного совета по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью, «необходимы меры по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Важно создать в обществе, профессиональной интернет-среде атмосферу нетерпимости к присутствию в сети контента, связанного с распространением фактов насилия над детьми, жестокости, детской порнографии. Эффективности этой работы должно способствовать взаимодействие с институтами гражданского общества и СМИ» [3].

По анализу статистических данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за три года (2012, 2013, 2014 гг.) наблюдается в целом снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними (с 4670 в 2012 г. до 3558 в 2014 г.). Положительный эффект в том, что такая динамика наблюдается на фоне увеличения количества зарегистрированных преступлений в целом по стране — с 84741 до 100331 соответственно [4].

Несмотря на то, что в целом преступность среди несовершеннолетних падает — как в количественном, так и в качественном соотношении, все же происходит незначительное снижение преступлений по всем категориям, за исключением тяжких (см. рис. 1).

В общей картине уголовных правонарушений несовершеннолетних значительную долю составляют уголовные правонарушения против собственности, против общественной безопасности и общественного порядка, против личности (см. рис. 2). В структуре правонарушений против собственности больше всего совершается краж (~2058). Среди уголовных правонарушений против общественной безопасности и общественного порядка — хулиганство (~339), а среди преступлений против личности больше всего в количественном отношении совершается таких, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (~68).

Анализ данных свидетельствует о том, что за три года (2012–2014 гг.) при значительном снижении преступлений против собственности (25 %) наблюдается существенное снижение преступлений против личности (13,5 %) и против общественной безопасности (20 %). Если рассматривать данные отдельно по годам, то в 2013 г. наблюдается рост преступлений против личности и против общественной безопасности. В результате анализа можно выявить специфику уголовных правонарушений несовершеннолетних, которые обусловлены девиантным поведением несовершеннолетних.

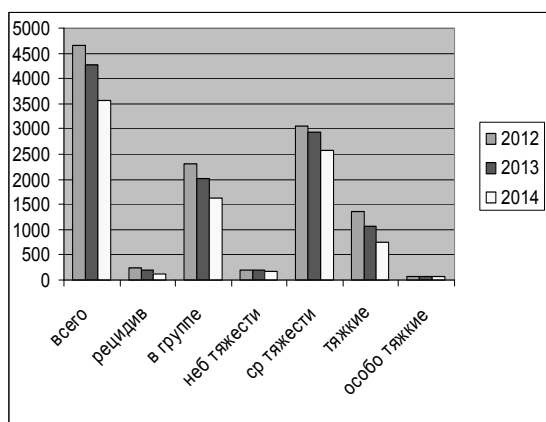

Рисунок 1. Динамика преступности несовершеннолетних за три года (с учетом повторности, форм участия и категорий преступности)

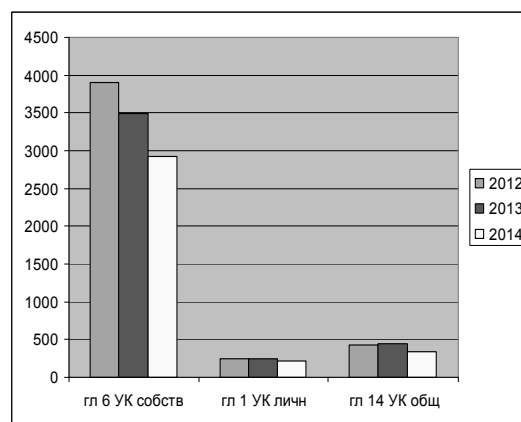

Рисунок 2. Динамика преступности несовершеннолетних за три года с учетом видов преступления

Криминализация сознания подростка происходит во многом по причине влияния окружающей среды и отсутствия жизненных перспектив. Среда и воспитание создают устойчивый стереотип поведения, направленный на применение насилия. У подростков формируются стойкие установки на девиантное поведение, которые поощряются в микросреде, влияющей на формирование базовых морально-психологических ценностей и ориентаций. Поэтому представляется очень важным выявить те факторы, которые оказывают влияние на формирование устойчивого антиобщественного, противоправного поведения несовершеннолетнего.

В опубликованной в 2013 г. учебнике «Криминальное поведение: диагностика и исследование» [5], а также в изданной в 2014 г. книге «Криминалистическая психология» показана актуальность тематики изучения криминального поведения среди подростков и исследуются эти вопросы с точки зрения криминалистики.

Можно с уверенностью прогнозировать качественные изменения в юношеской преступности, которые будут присутствовать несмотря на снижение общего количества совершенных преступлений. Один из факторов, позволяющих делать такие прогнозы, — это увеличение суицидальных попыток среди подростков. Это тревожный сигнал о психическом и психологическом неблагополучии подростка, о направленности подростковой агрессивности против самого себя. Уже сейчас наблюдается увеличение количества уголовных правонарушений — преступлений против личности. Можно наблюдать рост аутоагрессивного поведения несовершеннолетних, в особенности подростков. По состоянию на 18 мая 2015 г., согласно данным ИС ЕРДР, в стране 73 несовершеннолетних покончили жизнь самоубийством. Об этом корреспонденту Zakon.kz сообщили в Комитете по правовой статистике и специальным учетам ГП РК.

«Согласно данным отчета формы №2-ЗС в 2013 году было зарегистрировано 292 суицида среди несовершеннолетних, за 2014 г. — 192. То есть в прошлом году наблюдалось снижение числа детей, покончивших жизнь самоубийством. За истекший период 2015 г. в стране уже зарегистрировано 73 смерти детей от самоубийства. Согласно сведениям ИС ЕРДР по состоянию на 18 мая т.г. в Казахстане совершено 1126 суицидов, за аналогичный период прошлого года был зарегистрирован 991 суицид. То есть на сегодняшний день по сравнению с аналогичным периодом прошлого года наблюдается рост самоубийств» [6]. Аутоагрессия незаметно может перерасти в агрессию. Следовательно, можно прогнозировать рост насильственных уголовных правонарушений среди несовершеннолетних. С учетом широкой доступности Интернет-ресурсов можно говорить о возможном росте преступлений сексуального характера среди преступлений против личности, совершенных несовершеннолетними.

В системе принципов ювенальной юстиции особо выделяется социальная насыщенность, т.е. «широкое использование в судебном процессе по делам несовершеннолетних неюридических специальных знаний в акценте на изучении социальных условий жизни несовершеннолетних, социально-психологических признаков их личности» [8; 16].

Индивидуализация и неформальный характер судебного процесса в рамках ювенальной юстиции также учитывают тот фактор, что в ее центре находится личность несовершеннолетнего [7; 17]. Криминалистика — это наука интегративная по сути, которая в целях успешного расследования синтезирует данные различных отраслевых наук (общей, возрастной и юридической психологии, криминологии и др.). Не случайно в последнее время активизировались попытки разработки рекомендаций по расследованию преступлений с участием несовершеннолетних [9], криминалистического исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого [10].

Предмет доказывания по уголовным делам с участием несовершеннолетних обвиняемых, помимо общих, имеет специальные элементы. Подлежат установлению: возраст несовершеннолетнего; условия жизни и воспитания; степень интеллектуального, волевого и психического развития; особенности характера и темперамента; потребности и интересы; влияние на несовершеннолетнего взрослых лиц или других несовершеннолетних.

Такая дифференциация предмета доказывания обусловлена возрастными психологическими, психиатрическими и социально-педагогическими особенностями личности несовершеннолетнего обвиняемого. Она позволяет учесть все обстоятельства совершения преступления, как объективные, так и субъективные. Учитывая неустойчивую психику несовершеннолетнего, несформированность его личностного статуса, отсутствие устоявшихся когнитивных процессов, законодатель акцентировал внимание на особенностях личности несовершеннолетнего обвиняемого, условий ее формирования,

поведенческих особенностях в ходе совершения преступления. Установление этих обстоятельств возможно без участия специалистов: педагогов, психологов, психиатров.

Важное значение при анализе противоправного поступка имеет его психологическая оценка, потому что проблема осознания своих действий и способность руководить ими является стержневой проблемой судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних [11; 112]. Обращается внимание на особую сложность назначения такого рода экспертиз [12; 129]. Это обусловлено необходимостью применения комплексных специальных познаний не только в разных видах психологии, но также в психопатологии, возрастной психологии и т.п., потому что иногда в процессе экспертизы и расследования обнаруживается, что психическое развитие несовершеннолетнего не соответствует его биологическому возрасту, и он подлежит освобождению от уголовной ответственности, несмотря на достижение возраста.

В другой ситуации, когда недостаточное осознание и регулирование противоправного характера действий обусловлены задержкой или отклонением в психическом развитии, связанными с психическими расстройствами (при олигофрении, инфантилизме, органическом поражении головного мозга, психопатии и других формах психической патологии), возможно привлечение к уголовной ответственности с учетом этих обстоятельств при назначении наказания или принятие решения о применении принудительных мер медицинского характера.

Следовательно, необходимость выяснения наличия или отсутствия психических расстройств у несовершеннолетнего (а они вполне вероятны у подростка с девиантным поведением), как правильно отмечено в литературе, предопределяет предпочтительность назначения не однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз, а комплексной психолого-психиатрической экспертизы. При ее назначении типичными являются вопросы о наличии психического расстройства в момент совершения инкриминируемого деяния (медицинский критерий вменяемости), о наличии у обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (медицинский и психологический критерий), и возможности несовершеннолетнего осознавать фактический характер и противоправность своих действий либо руководить ими и в полной ли мере (интеллектуальный и волевой признаки юридического или психологического критерия вменяемости). То есть следует вести речь о возможности наличия так называемой «возрастной невменяемости» несовершеннолетнего [13; 35].

Пограничными состояниями, приводящими к девиантному поведению несовершеннолетних, являются психопатии и психопатоподобные состояния. Наиболее часто встречаются психопатические личности типа неустойчивых, истероидные личности, псевдологии. Также среди этой группы очень часто встречаются возбудимые подростки, у которых в пубертатном возрасте появляются грубость, непослушание, раздражительность, или подростки с расстройством влечения (стремление к бродяжничеству, поджогам, сексуальным извращениям). Очень важное влияние на формирование таких состояний оказывают окружающая среда, развращающее действие взрослых, и только впоследствии те или иные действия закрепляются по механизму патологически стойкой условной связи [14; 402, 403].

Но в любом случае «социализация является важным элементом, характеризующим несовершеннолетнего обвиняемого, наряду с интеллектуальными, волевыми и эмоциональными качествами его личности, устанавливаемыми при определении виновности подростка» [9; 38]. Следует обращать внимание на комплексный характер социальных и психологических, психофизиологических факторов, влияющих на формирование и развитие криминальной направленности поведения подростка. Эти факторы также препятствуют возможности коррекции его поведения. Необходимо учитывать зарубежный столетний опыт ювенологии. Например, в США еще в начале прошлого века профилактическая и коррекционная работа велась психиатрами, психологами и социальными работниками [15; 33].

В литературе также представлена попытка формулирования типичных оснований для назначения психолого-педагогической экспертизы: отставание уровня психологического развития от возрастной нормы; наличие в чертах личности, особенно у свидетелей, особой неуравновешенности, эмоциональности или агрессивности, странностей в таких психологических процессах, как «восприятие, воображение, внимание, запоминание, мышление; асоциальное поведение потерпевшего, провоцирующего на совершение преступления; наличие отдельных признаков, предполагающих возможность сильного душевного волнения правонарушителя; непонимание или ненадлежащая оценка социальной и нравственной сущности и значимости своих действий; сомнение в правдивости, исходя из личности свидетеля, потерпевшего, характера ситуации данных показаний; несоответствие установленных мотивов преступления характеру содеянного; несоответствие показаний обвиняемого, свидетеля, потер-

певшего возрастным особенностям; явно неблагоприятные условия ближайшего окружения (внутри-семейные отношения), в которых длительное время находился несовершеннолетний» [16; 35]. Некоторые из перечисленных оснований используются для назначения психиатрической экспертизы, а точнее, комплексной психолого-психиатрическо-педагогической экспертизы, поскольку ни одно из обстоятельств нельзя исследовать в отрыве от другого.

Деликвентность несовершеннолетнего имеет как правовую, так и психологическую, социальную стороны. Поэтому многие проблемы поведения, в том числе связанные с преступлениями, зачастую носят комплексный характер, как в процессе возникновения, так и в ходе последующего формирования. И здесь необходимы специалисты по возрастной психологии, педагогике и психиатрии, которые выявят наличие патологий в социально-психологическом, психическом и интеллектуальном развитии несовершеннолетнего.

И еще раз об аутоагрессии подростков. По нормативам Всемирной организации здравоохранения критическим порогом суицидов считаются 20 человек на 100 тысяч населения. В Казахстане число самоубийств выросло до 52–53 случаев на 100 тысяч населения — незавидное третье место в мире. Представители Министерства образования и науки Республики Казахстан собираются провести мониторинг среди учащихся регионов, где больше всего случаев подросткового суицида: в Восточном и Южном Казахстане, Акмолинской и Карагандинской областях. По словам председателя комитета по охране прав детей Министерства образования и науки Раисы Шер, подготовлены специальные тесты, в разработке которых принимали участие психологи из отдела суицидологии Республиканского центра психиатрии, психотерапии и наркологии [16]. Исследования в этих направлениях ведутся и будут вестись.

Думаем, что только комплексный анализ причин, условий и катализаторов девиантного поведения несовершеннолетних будет способствовать снижению преступности среди несовершеннолетних, снижению суицидальных наклонностей у подростков с неустойчивой и несформировавшейся психикой. Данная проблема разрешима только при совместных действиях различных служб и органов, занимающихся проблемами несовершеннолетних.

Список литературы

- 1 Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/eng/docs/U090000858>
- 2 Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних // Сб. междунар. стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. — М., 1998. — С. 284–306.
- 3 Генеральная прокуратура Республики Казахстан: Пресс-релиз о заседании Координационного совета по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью (11 июня 2015 г.). — [ЭР]. Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinacionnogo-soveta-po-obespecheniyu-zakonnosti-18>
- 4 Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. — [ЭР]. Режим доступа: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>
- 5 Криминальное поведение: диагностика и исследование: Учебник / Е.К.Кубеев, Б.Г.Ганчевски, Р.М.Жамиева и др. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2013. — 515 с.
- 6 Кубеев Е.К., Ганчевски Б.Г., Жамиева Р.М., Аренова Л.К., Сембекова Б.Р., Сухотерин В.Е., Жакупов Б.А., Тусупов Н.М. Криминалистическая психология: Учебное пособие. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2014. — 552 с.
- 7 С начала года в стране 73 подростка покончили с собой. — [ЭР]. Режим доступа: <http://m.zakon.kz/4713426-s-nachalagoda-v-strane-73-podrostka.html>
- 8 Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. — М.: Дело, 2000. — 270 с.
- 9 Аминев Ф.Г., Макаренко И.А. Особенности расследования разбойного нападения, совершенного несовершеннолетними: Учеб. пособие по расследованию конкретного уголовного дела. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. — 128 с.
- 10 Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. — 352 с.
- 11 Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике: Учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2002. — 255 с.
- 12 Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. — М.: Гардарика, Смысл, 1998. — 192 с.
- 13 Просвирнин В.Г. Проблемы виновности и наказуемости в ювенальной юстиции: Монография. — Воронеж: ВИ МВД России, 2002. — 140 с.
- 14 Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова и Д.Р. Лунца. — М.: Юрид. лит., 1997. — 432 с.
- 15 Бартол К. Психология криминального поведения. — СПб.: Прайм - ЕВРОЗНАК, 2004. — 352 с.

16 Тилеубергенев Е.М. Специальные педагогические знания в расследовании преступлений несовершеннолетних // Предупреждение правонарушений несовершеннолетних / Колл. авт. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 476 с.

17 Дети-самоубийцы Казахстана! — [ЭР]. Режим доступа: <http://yvision.kz/post/123871>

Б.Г.Ганчевски, Р.М.Жамиева, Б.А.Жақыпов

Ювеналдық әділетте кәмелетке толмағандардың девиантты мінез-құлқын талдау

Мақалада кәмелетке толмағандардың қатысы бар қылмыстық істер бойынша іс жүргізудің кейбір мәселелері қарастырылды. Кәмелетке толмағандардың арасындағы қылмыстар бойынша статистикалық мәліметтерге талдау жасалды. Авторлар кәмелетке толмағандардың деликвенттік санының деңгейі төмендегеніне қарамастан, оның сапалық көрсеткіші өзгергені байқалуда деген қорытындыға келді. Кәмелетке толмағандардың девианттық мінез-құлқының себептері айқындалған. Атап айтсақ, жасөспірімдердің аутоагрессиясы агрессивтік мінез-құлққа трансформациялануы мүмкін екендігіне назар аударылған. Сондай-ақ қылмыстық ювеналдық юстицияға әрқашанда маман психологтар мен психиатрларды тарту керектігі туралы айтылған. Сонымен қатар кәмелетке толмағандардың деликвенттік және девианттық мінез-құлқында құқықтық, психологиялық және әлеуметтік табиғат бар екенін сөз етеді.

Б.Г.Ганчевски, Р.М.Жамиева, Б.А.Жакупов

The Analysis of Deviant Behavior of Minors in Juvenile Justice

The article highlights the some problems of proceeding on criminal cases with minors participation. Statistical data on juvenile delinquency are analyzed. The authors conclude that despite the quantitative reduction in juvenile delinquency, there are modifications in its quantitative indicators. The causes of deviant behavior of minors are considered. In particular the attention is paid to the possibility of transforming adolescents autoaggression for aggressive behavior. The authors believe that the criminal juvenile justice must always involve specialists - psychologists and psychiatrists. It is noted that delinquency and deviant behavior of juveniles have the legal, psychological and social nature.

References

- 1 On Conception of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 The Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 24 August 2009 No. 858, [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/eng/docs/U090000858_
- 2 The collection of international standards and norms of the United Nations in the field of juvenile justice, Moscow, 1998, p. 284–306.
- 3 The Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan: Press release on the meeting of the Coordinating Council on ensuring of the legality, the legal order and the fight against crime (11 June 2015), [ER]. Access mode: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinacionnogo-soveta-po-obespecheniyu-zakonnosti-18>
- 4 Information service of the Committee for legal statistics and special accounts of the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, [ER]. Access mode: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPPageGroup/Services/Pravstat>
- 5 Criminal behavior: diagnostics and research: Textbook / E.K.Kubeev, B.G.Ganchevski, R.M.Zhamieva et al., Karaganda, 2013, 515 p.
- 6 Kubeev E.K., B.G.Ganchevski, Zhamieva R.M., Arenova L.K., Sembekova B.R., Sukhoterin V.E., Zhakupov B.A., Tusupov N.M. *Forensic Psychology*: Textbook, Karaganda: KarSU publ., 2014, 552 p.
- 7 From the beginning, the country's 73 teen suicide, [ER]. Access mode: <http://m.zakon.kz/4713426-s-nachala-goda-v-strane-73-podrostka.html>
- 8 Melnikova E.B. *Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology*: Textbook, Moscow: Delo, 2000, 270 p.
- 9 Aminev F.G., Makarenko I.A. *Features of investigation of a robbery committed by minors. A manual on investigation of the criminal case*, Moscow: Publ. house «Yurlitinform», 2006, 128 p.
- 10 Makarenko I.A. *The identity of the accused minor as an object of forensic investigation*, Moscow: Publ. house «Yurlitinform», 2006, 352 p.
- 11 Mamaychuk I.I. *Examination of the individual in the judicial and investigative practice*: Textbook, Saint Petersburg: Rech, 2002, 255p.
- 12 Safuanov F.S. *Forensic psychiatric examination in criminal proceedings*: Scientific and practical guide, Moscow: Gardarika, meaning, 1998, 192 p.

- 13 Prosvirnin V.G. *Problems of guilt and blameworthiness in the juvenile justice system*: Monograph, Voronezh: VI Russian Interior Ministry, 2002, 140 p.
- 14 Forensic Psychiatry, edit. G.V. Morozov, D.R. Lunz, Moscow.: Yurid. lit., 1997, 432 p.
- 15 Bartol K. *Psychology criminal behavior*, Saint Petersburg: Prime - EVROZNAK, 2004, 352 p.
- 16 Tileubergenov E.M. *Warning juvenile delinquency. Coll. auth.*, Almaty: Dyke-Press, 2007, 476 p.
- 17 Children suicide Kazakhstan! [ER]. Access mode: <http://yvision.kz/post/123871>

А.М.Сайтбеков, И.В.Кондратьев

Карагандинская академия МВД РК им. Б.Бейсенова
(E-mail: caterinka_2002@mail.ru)

Возможности использования аналитических программ в борьбе с организованной преступностью

В статье рассмотрены роль и значение аналитических программ, позволяющих визуализировать отношения между людьми, организациями и транзакциями со стороны организованных криминальных групп. Определено значение данных программ для борьбы с расследованием убийств, отмыванием денег, кражами чужого имущества, сетевыми мошенничествами и т.п. Показана специфика проведения анализа с использованием возможностей современных методик, практикуемых правоохранительными и специальными органами ведущих стран мира. Предпринята попытка выделить следственный и оперативный анализ как ключевые методы при проведении расследования, обозначить основные направления анализа по информационным сообщениям, рассмотреть схемы связей, событий и действий преступных групп.

Ключевые слова: компьютерное обучение, автоматизированные системы, расследование, аналитические программы, информация, сокрытие доходов, анализ телефонных звонков.

Концепция правовой политики РК на период с 2010 до 2020 гг. предполагает принятие мер по повышению эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной [1].

В 2014 г. криминогенная ситуация в стране несколько улучшилась, произошло снижение общего количества преступлений на 5,2 процента — с 359 до 341 тыс. По итогам 2014 г. на 18,2 процента уменьшилось количество особо тяжких (с 2629 до 2150) и на 17,4 процента — тяжких преступлений (с 33836 до 27941), в том числе убийств — на 19,3 процента (с 1120 до 903), причинения тяжкого вреда здоровью — на 13,5 процента (с 1780 до 1539), изнасилований — на 19,8 процента (с 3150 до 2527), грабежей — на 24 процента (с 18832 до 14317), разбоев — на 29 процентов (с 1361 до 957), вымогательств — на 19,2 процента (с 875 до 707) и хулиганства — на 15 процентов (с 29989 до 25494) [2]. Снижению количества регистрируемых преступлений способствовала качественная нормативно-правовая база, системные меры, обеспечивающие как режим законности в стране и стабильность правовой системы, так и поступательное развитие национального права в рамках действующей Конституции.

Вместе с тем необходимо активизировать работу подразделений по борьбе с организованной преступностью в духе приверженности принципу прав и свобод человека как высшей ценности, согласно общепризнанным нормам международного права. Это тем более актуально сегодня, когда происходят изменения в качественном состоянии преступной среды, распространившей свое влияние на все сферы общественной жизни нашего общества и государства [3].

Учеными и практическими работниками разработано большое количество методов и способов, которые могли бы эффективно повысить раскрываемость совершённых преступлений и оптимизировать процесс расследования, в том числе организованной преступности. Поэтому стоит обратить внимание на новые методы работы, их правильное и оптимальное применение органами, отвечающими за раскрытие и предупреждение организованной преступности.

Применение новых технологий, методик в расследовании преступлений — это, в том числе, и внедрение в практику органов внутренних дел, и освоение ими новых программных продуктов по существующим в других службах и ведомствах методикам анализа следственно-оперативной информации. Сегодня организованные преступные группы преобразуются в криминальные бизнес-структуры. В связи с этим возникает необходимость в изучении структурных образований организованной преступности, лиц, действующих в этих структурах, общей численности и состава, дислокации организованных преступных групп и сообществ, лидеров, возглавляющих структурные элементы организованной преступности, сложившихся между ними отношений.

Появляются новые правовые механизмы, информационные возможности для предупреждения и профилактики коррупционных и финансовых преступлений, отмывания денежных средств и т.д. Так, например, в Агентстве по делам государственной службы и противодействию коррупции внедрены аналитические комплексы, которые путем анализа сведений их информационных источников моде-

лируют сомнительные схемы преступлений и тем самым позволяют на ранних стадиях выявлять готовящиеся или уже совершенные коррупционные и экономические преступления, принимать своевременные меры по нейтрализации угроз для предотвращения нерационального использования бюджетных средств. Это не единый процесс, а комплекс более мелких мероприятий, которые в совокупности позволяют сделать логические, рациональные и обоснованные выводы. Эти мероприятия заключаются в следующем: 1) подразделение имеющихся наборов данных на отдельные информационные фрагменты, релевантные для проблемы, решаемой с помощью работы с источниками информации; 2) отбор, сопоставление и реструктурирование соответствующих элементов информации; 3) понимание, выявление и отбор соответствующих аналитических методов для работы с различными типами и наборами следственных данных; 4) определение разумных и устойчивых точек зрения, которые обеспечивают необходимое понимание для объяснения проблемы, решаемой с помощью работы с информацией (следственной, оперативно-розыскной); 5) виды информационных данных об организованной преступности: информация, указывающая на основные направления и тенденции, происходящие в преступной среде, либо в конкретных преступных группировках; информация оперативного характера, требующая незамедлительной реализации со стороны оперативных спецподразделений и заинтересованных служб ОВД; информация доказательственного характера, которая достоверно может быть использована на стадии следствия либо судебного разбирательства; информация высшего порядка, собираемая в течение относительно длительного времени, для последующего суммирования, которая отражает общую картину жизнедеятельности организованных преступных групп.

В правоохранительной деятельности такие программы эффективны для расследования организованной преступности, терроризма, незаконного оборота наркотических средств в международном масштабе, краж чужого имущества, сетевых мошенничеств, кибератак и т.п. Так, например, при расследовании заказного убийства необходимо установить связи между потерпевшим, подозреваемыми, местом преступления и вещественными доказательствами, которые являются краеугольными элементами в структуре доказывания при расследовании и успешном судебном рассмотрении дела по существу. Без изучения анализа таких связей и их проверки сложно выстроить доказательственную базу в отношении подозреваемых лиц.

Такого рода программы позволяют установить связи между людьми, местами, предметами, датами и временем; из выдвигаемых версий сделать оценочное суждение, основанное на информации; сократить дублирование при работе; выявить пробелы в информации, в сборе сведений и показателей, характеризующих ситуацию до момента события преступления, в период и после его совершения; подготовить четкие и краткие информационные справки, что помогает в организации расследования преступлений. Анализ связей представляет собой методику, которая призвана установить наличие связи или связующего звена между двумя или более элементами криминалистически значимой информации. Как правило, эта методика используется в сочетании со следственным, оперативным анализом. Анализ позволяет извлекать релевантную информацию и использовать ее для сокращения степени неопределенности и прогнозирования того, что с определенной долей вероятности может произойти, сделать логические, рациональные и обоснованные выводы по уголовному делу. «Анализ всегда включает выявление элементов структуры исследуемого объекта, их связей и взаимовлияния. Поэтому при психологическом анализе на предварительном следствии структурный подход должен найти самое широкое применение. Такой подход гарантирует выявление всей совокупности элементов структуры объекта, помогает вскрыть особенности и пути развития тех или иных элементов, их влияние на другие компоненты системы (структуры), что дает возможность определить способы управления процессом изменения взаимосвязей элементов и т. д. Структурный метод применим для выявления соотношений способов взаимодействия различных частей и элементов исследуемого объекта, выделения наиболее устойчивых связей, установления временных, закономерных и случайных их проявлений в той или иной структуре (системе). Наконец, данный вид анализа позволяет выявить различные уровни структурной организации систем и подсистем (их зависимости, подчиненность по вертикальной и горизонтальной линиям, условия проявления связей и т. д.)» [4; 13].

Аналитические методики представляют собой сочетание: расчленения — подразделения сложной проблемы на более мелкие части в целях рассмотрения, которое всегда должно начинаться с уточнения выдвигаемых версий; синтеза — сведения воедино соответствующих данных для получения доказательственной информации; объединения аргументов и контраргументов для выявления и преодоления противоречий; объединения — слияния разных элементов в нечто единое с оценкой альтернатив и подготовкой и проведением следственных действий.

Существуют три основные функции анализа: факты — проверенная информация, связанная с проблемой, решаемой с помощью работы с данными; выводы — экспертные знания, основанные на систематизированной информации, которые говорят о том, где имеются тенденции к росту, сокращению, изменению, или о том, где возникают новые тенденции развития организованной преступности; прогнозы — оценочные суждения, основанные на фактах и выводах, использующие язык вероятности и подкрепленные убедительной и ясной аргументацией. В процессе сведения информация распределяется по категориям и сохраняется для последующего извлечения в ходе анализа. Поскольку в результате расследований преступлений образуются большие объемы информации, их обработка часто предполагает использование электронных баз данных и других прикладных средств с использованием информационных технологий.

В процессе оценки определяются действительность информации и надежность источников информации. Правоохранительные органы должны использовать только ту информацию, которая является правдоподобной, вероятной и которая подтверждается или подкрепляется другими сведениями. Источники информации должны быть надежными, максимально приближенными к объекту интереса и адекватными. Информация, которая не отвечает этим двум требованиям, не должна включаться в анализ.

Анализ основывается на применении строгих методов критического мышления к качественным данным и на подготовке обоснованного заключения. Анализ может извлекать релевантную информацию и использовать ее для сокращения степени неопределенности и прогнозирования того, что с определенной долей вероятности может произойти.

Как правило, выделяют следующие аналитические методики: анализ связей, анализ распределения средств, финансовый анализ, коммуникационный анализ, криминологическое картографирование, анализ конкурирующих гипотез.

Эти аналитические методики являются общепризнанными и широко используются в большинстве расследований и при анализе полученной информации. Методически анализ организованной преступности можно дифференцировать по основным этапам: сбор информации; ее обработка; анализ полученных данных и их оценка.

Сбор информации является исключительно ответственным этапом. В этой связи ведущее место принадлежит определению цели, от которой зависит содержание информации, подлежащей сбору, основные направления предстоящего анализа, его характер и методика.

Столь же важно определить объем необходимой информации. Объем данных, необходимых для анализа и принятия решения, индивидуален. Между тем практика накопила ряд требований, которыми следует руководствоваться при его определении. К их числу относятся: минимальность, достаточность, всесторонность. Избыточность затушевывает основное содержание изучаемых явлений, засоряет информационный массив, влечет неоправданные затраты на его переработку. Недостаточность информации ведет к поверхностной, неглубокой оценке факторов и, как следствие, — к однобоким решениям.

Большое значение для правильного сбора информации имеет знание источников, из которых могут быть почерпнуты сведения о состоянии организованной преступности и противодействующей ей системы. Эти источники различаются между собой по целому ряду признаков. В основе исходной информации могут лежать знания и опыт экспертов — высококвалифицированных специалистов в области проводимых исследований. Данная информация может быть использована как в качестве исходной, так и дополнительной. Однако в отличие от статистических данных данные, полученные посредством экспертного опроса, трудно поддаются формализации.

Обработка собранных исходных данных является следующим ответственным этапом работы, от которого зависит адекватность выводов о фактическом состоянии преступности. Он начинается, как правило, с оценки собранной информации, определения ее качества, полноты и достоверности. Наиболее полной и достоверной может быть признана та информация, которая в нормативном порядке поступает или собирается для включения в статистическую отчетность. В качестве дополнительной информации могут быть использованы данные, полученные посредством выборочных исследований. Статистическая информация, образуемая в различных ведомствах, дополнит и позволит расширить рамки анализа [5; 2, 3].

В качестве одной из таких методик можно использовать аналитические программные продукты изучения преступной деятельности.

Релевантность, пригодность к использованию, достоверность и объективность являются взаимосвязанными характеристиками информационных продуктов, которые готовятся на основе данных в процессе анализа и направлены на получение информации.

Аналитические продукты, подготовленные в процессе анализа (доклады, схемы, графики и т.д.), должны быть релевантными (иметь отношение к рассматриваемому вопросу или быть связаны с ним) для лица, принимающего решения, что достигается обеспечением пригодности продукта к использованию, его достоверностью и объективностью. Релевантность означает, что информация подобрана и систематизирована с учетом применимости к потребностям процесса доказывания, при этом имеется четкое представление о потенциальных последствиях и значении информации применительно к ситуации расследования.

Более тесное общение со следователем, принимающим решения, позволяет повысить релевантность информационного продукта. В некоторых случаях релевантность зависит от способности сотрудника или аналитика организовать общение с лицом, принимающим решения, и понять его отдельные поручения.

К стандартам релевантности относятся: выделение доказательств и предположений, которые имеют отношение к обстоятельствам и предполагаемому использованию информационного продукта; определение значительных последствий, которые могут иметь наиболее приемлемые и вызывающие версии в контексте тактических операций и применительно к обстоятельствам преступления.

Пригодность к использованию означает, что передача всей информации осуществляется в такой форме, которая обеспечивает простоту понимания и незамедлительное использование в процессе расследования по делу. Пригодность к использованию касается формы информационного продукта, а не его содержания, и может относиться к таким аспектам, как расположение информации, объем и т.д., носители информации и условия ее хранения. Чтобы обеспечить пригодность информационного продукта к использованию, сотрудник должен предоставлять следователю его в такой форме, чтобы лицо, принимающее решения, могло получить к нему доступ и прочесть его. Например, продукт должен быть подготовлен на носителе, к которому лицо, принимающее решения, может получить доступ.

Достоверность означает, что все источники данных оцениваются (или были оценены) на предмет возможного наличия ошибки, неправильного понимания и попыток преступников ввести в заблуждение.

Сотрудник должен использовать какой-либо метод для проверки достоверности (надежности) источников и действительности (правильности) информации. Проявления необъективности, например, зеркальное отображение, негативно отражаются на достоверности в процессе работы с полученными данными.

К стандартам достоверности относятся: использование системного метода для подтверждения подлинности источника и проверки данных; подтверждение подлинности источника информации в части мотивации и уровня доступа; проверка всех данных; проверка документации до передачи информационного продукта, подготовленного на основе системного метода; проверка документирования исходных предположений и сомнений, высказанных в ходе процессов проверки и подтверждения подлинности информации.

Объективность означает, что все оценочные суждения были оценены на предмет возможного преднамеренного внесения искажений или манипулирования в корыстных целях (например, отмывания денежных средств). Соответственно, вся информация представляется без какого-либо влияния ведомственных позиций, предвзятости или влияния со стороны правоохранительного органа или его сотрудников.

К стандартам объективности относятся: использование систематического и документированного аналитического метода для проверки последовательности оценочных суждений; разработка и ведение списка конкурирующих гипотез; допущение возможности наличия ошибок, случайностей и нехарактерных проявлений иррациональности; составление списка всех доказательств, используемых в рамках гипотезы, которая делает эти доказательства правдоподобными; учет предположений и характеристик для их последовательного применения при возникновении новых доказательств; проверка и переоценка аргументации; проверка предположений на предмет наличия необъективности.

Из всех существующих методик анализа следственно-оперативной информации, принятых на вооружение правоохранительными органами большинства развитых стран мира, наиболее часто используются программные продукты «i2» и «Anasara». Полагаем, что в недалеком будущем данные программы будут приняты и у нас, подобно уже активно используемым программам «Образ+» и «Папилон». Такие программные решения визуального анализа данных и извлечения знаний предна-

значены для следователей, чья деятельность связана с необходимостью аналитической обработки информационных потоков и данных, представленных в различных форматах.

То, что следователи смогут на практике применять навыки работы с данными программами, будет огромным вкладом в повышение уровня подготовки практических сотрудников правоохранительных органов и поможет достигать положительных результатов в их повседневной деятельности.

Остановимся кратко на данных программных продуктах.

Программный продукт «i2» представляет собой компьютерное программное обеспечение на базе «SQL-server» (т.е. компьютерное обеспечение прямого назначения), призванное, по большому счету, обобщать, анализировать, выдвигать вероятностные связи, а также визуализировать в реальном времени обмен информацией. Данное программное обеспечение является набором совместимых между собой различных программ, выполняющих соответствующие специфические функции на всех этапах раскрытия и расследования преступлений.

На сегодня аналитическая линия продуктов i2 представлена 11-ю основными элементами, которые способны решить подавляющее большинство аналитических задач как в отдельности, так и в их различной комбинации:

Analyst's Notebook — ключевой элемент аналитической платформы. Рабочее место аналитика (следователя). Позволяет производить визуальный анализ и обработку данных.

Analyst's Notebook – Esri® Edition — Analyst's Notebook с поддержкой системных карт.

Analyst's Workstation — комплексное решение для проведения анализа. Включает в себя инструмент визуального анализа и комплект модулей для взаимодействия с базами данных.

iBase — специализированная объектно-ориентированная СУБД. Представляет собой комплексное решение для обработки и хранения, разграничения уровня доступа к информации и данным.

iBase IntelliShare — специализированный web-модуль для iBase, позволяющий производить самостоятельный доступ к данным, хранящимся в iBase.

iXv Visualizer — способствует более быстрой работе уже существующих приложений и WEB проектов. Также возможна совместная работа над документами пользователей Analyst's Notebook.

iBridge — дополнительный программный продукт. Позволяет аналитику использовать в качестве источника данных уже существующие базы данных, повышая скорость и оперативность аналитической работы.

iXa — инновационный поисковый сервис, увеличивающий производительность аналитической группы за счет автоматизации и ускорения длительного процесса исследования, обогащения и сопоставления данных.

TextChart — является самым быстрым способом для извлечения, структурирования, визуализации и хранения информации, находящейся в свободных текстовых документах, со 100%-ной точностью. К примеру, можно загружать материалы ежедневных сводок о совершенных преступлениях, а также материалы уголовных дел, следственных действий.

ChartReader — бесплатный программный продукт, предназначенный для просмотра документов, созданных при помощи Analyst's Notebook.

PatternTracer — программный модуль, обеспечивающий мощное расширение для Analyst's Notebook, позволяет форсировать исследование транзакций, телефонных звонков и т.д., что способствует быстрому выявлению наиболее «интересных» объектов и повторяющихся событий для прогнозирования будущих событий [6].

Данное программное обеспечение может внести неопределимый вклад в учебную и научно-исследовательскую работу и практическую деятельность правоохранительных органов РК, поскольку не только позволит применять эффективные методики анализа следственной и оперативной информации в практической деятельности, но и явилось бы подспорьем в различных повседневных научно-исследовательских проектах по сбору необходимых данных.

Среди пользователей данной операционной аналитической системы можно выделить не только правоохранительные органы США и Канады (ФБР, ЦРУ, DEA, NSA, RCMP, ЦАРИКЦ), но и Интерпол, Европол, а также МВД, ФСКН, Министерство обороны Российской Федерации и даже ведущие вузы России.

Программный продукт «Anasara Sciences Inc.» представляет собой передовую методику расследования преступлений и анализа оперативной информации. Нам уже известны типичные алгоритмы проведения расследований, применяемых на практике. Сходная методика изучения криминогенной обстановки применяется в штабах ОВД при составлении аналитических справок, а также руководи-

телями подразделений. Однако данные методы носят, скорее, субъективный характер и зависят от степени квалифицированности сотрудников, приобретаемой годами практической деятельности, и являются, образно говоря, «дедовскими методами». Распространенные в настоящее время обычные «статистические» методики оперируют, в основном, количественными характеристиками. Примером может служить типовой анализ наркоситуации. В специализированных же ИАС уже закладываются возможности поиска скрытых связей и визуализации данных.

Anasara Sciences Inc. (США) — компания, занимающаяся распространением данного программного продукта, — сегодня известна большинству сотрудников правоохранительных органов Запада. Anasara Sciences Inc. стояла у истоков разработки специальных аналитических методик для сферы безопасности и еще в 1971 г. начала проведение обучающих курсов по подготовке специалистов-аналитиков. К сегодняшнему дню компанией проведено более 700 обучающих курсов для аналитиков, следователей, агентов, адвокатов, офицеров спецслужб и других заинтересованных лиц из более чем 1500 различных ведомств, учреждений по всему миру. На данный момент Anasara Sciences Inc. предлагает следующие 4 базовых курса: 1) анализ информации в ходе проведения расследований Criminal Intelligence Analysis (CIA); 2) аналитические методы расследования Analytical Investigation Methods (AIM); 3) анализ финансовых махинаций Financial Manipulation Analysis (FMA); 4) углубленный анализ с использованием компьютерных технологий Computer-Aided Analysis (CAA) [7].

Использование аналитических программ при анализе данных обеспечивает целый ряд преимуществ, которые помогают повысить эффективность и результативность работы субъектов доказывания.

По мере сведения информации осуществляются ее каталогизация и ввод в систему контроля и поиска информации, которая позволяет легко находить требуемую информацию и получать к ней доступ. Для этого применяется автоматизированный электронный документооборот базы данных. Программные продукты являются достаточно гибкими, приспособлены для содержания уже собранной информации. Они также могут быть адаптируемы к дополнительной информации, которая поступит в будущем. В ходе следствия и анализа в информационную систему могут вводиться новые разделы и подразделы. Например, в процессе анализа может возникнуть необходимость введения подтвержденных и неподтвержденных данных. Информационная система в состоянии воспринять эти изменения без повторного монтажа системы. Данные программные продукты способны воспринимать огромные объемы информации, которые обычно образуются в ходе расследования преступлений. Система обеспечена средствами безопасности для ограничения доступа к следственной информации. Кроме того, она периодически осуществляет резервное архивирование файлов (в некоторых случаях ежедневно) для защиты следствия и анализа от потери информации в результате сбоя.

Получение сведений закладывается в основу последующих этапов процесса работы с доказательствами. Собранные сведения наряду с ранее имевшимися в наличии отчетами определяют концептуальную модель расследования в целом и помогают в установлении следственной и оперативной информации. Сбор сведений из нескольких источников повышает вероятность получения ключевой доказательственной информации и обеспечивает возможность подтверждения и проверки достоверности сведений. Полученные с помощью указанных программных продуктов данные определяются на основе плана расследования, составленного сотрудником полиции. Информация, полученная по различным каналам, помогает сотрудникам правоохранительных органов принимать соответствующее решение.

Таким образом, внедрение информационно-аналитических программ в деятельность правоохранительных органов доказывает свою эффективность и в настоящее время, в связи с принятием нового законодательства Республики Казахстан и реформирования правоохранительной деятельности РК, они могут быть успешно использованы в работе следственных и оперативных служб нашей страны.

Список литературы

- 1 Концепция правовой политики РК на период с 2010 до 2020 г., утвержденная Указом Президента РК от 24.08.2009 г. № 858. — [ЭР]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_
- 2 [ЭР]. Режим доступа: <https://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/20825824/?frommail=1>
- 3 Государственная программа дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г. № 720. — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000720>
- 4 Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. — М.: Юрид. лит., 1973. — 168 с.

5 Методические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов государств-участников СНГ по анализу и прогнозированию криминогенной обстановки и внедрению в эту деятельность современных научных методов // НИЦ ВНИИ МВД России. — 2012. — № 1. — С. 2, 3.

6 [ЭР]. Режим доступа: http://www.geoline.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=26:i2&catid=10:soft&Itemid=26

7 [ЭР]. Режим доступа: http://www.spi2.ru/services/training_centre/

А.М.Сайтбеков, И.В.Кондратьев

Ұйымдасқан қылмыстылықпен күресудегі сараптамалық бағдарламаларды пайдаланудың мүмкіндіктері

Мақалада ұйымдасқан қылмыстық топтар тарапынан адамдар, ұйымдар және транзакциялар арасындағы қарым-қатынастарды бейнелеуге мүмкіндік беретін аналитикалық бағдарламалардың рөлі мен маңыздылығы талқыланды. Кісі өлтіру, ақшаны жылыстату, бөтен мүлікті ұрлау, желілік алаяқтық, кибершабуылды және т.б. тергеу бойынша осы бағдарламалардың мәні анықталды. Әлемнің жетекші елдерінің құқық қорғау органдары мен арнаулы органдарымен қолданылатын қазіргі заманғы әдістемелер мүмкіндіктерін пайдалана отырып, талдау жүргізудің ерекшелігі көрсетілді. Тергеуді өткізу кезінде қосымша әдістер ретінде тергеу және жедел талдауды бөлу әрекеті қолданылды, ақпараттық жаңалықтар бойынша талдаудың негізгі бағыттарын белгілеу, қылмыстық топтардың байланыс, оқиға және әрекет ету сызбалары қарастырылды.

A.M.Saytbekov, I.V.Kondratyev

The possibility of using analytical programs to combat organized crime

In the article discusses the role and importance of analytical programs to visualize the relationships between people, organizations and transactions by organized criminal groups. Determine the value of these programs to investigate the killings, money laundering, theft of another's property, wire. Shows the specifics the analysis with use of opportunities of modern techniques practiced by law enforcement and special bodies of the leading countries of the world. An attempt distinguish investigative and operational analysis as key techniques during the investigation, the main directions of analysis on news reports, consider the circuit connections, events and activities of criminal groups.

References

1 Concept of Legal Policy Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020, approved by Presidential Decree of 24.08.2009, № 858, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858>

2 [ER]. Access mode: <https://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/20825824/?frommail=1>

3 State program of further modernization of the law enforcement system of the Republic of Kazakhstan for 2014-2020: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 31, 2013 № 720, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000720>

4 Dulov A.V. *Foundations of psychological analysis the preliminary investigation*, Moscow: Legal literature, 1973, 168 p.

5 *SIC Institute of the Ministry of Interior Russia*, 2012, 1, p. 2–3.

6 [ER]. Access mode: http://www.geoline.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=26:i2&catid=10:soft&Itemid=26

7 [ER]. Access mode: http://www.spi2.ru/services/training_centre/

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 341.2; 341.231.14

Н.Раззак

*Специализированный межрайонный суд по делам несовершеннолетних г. Астаны
(E-mail: nrzzak@mail.ru)*

Защита прав и интересов несовершеннолетних: конвенционный механизм

В статье утверждается, что права и свободы человека и гражданина, их признание, уважение и защита — это основа, на которой базируется демократическая власть современных государств. Автор отмечает, что зарождение и защита института прав человека первоначально существовали в рамках национального законодательства, хотя значение некоторых актов преодолевало границы национальных государств и способствовало развитию общенационального сознания в других странах. Для защиты прав и свобод несовершеннолетнего, выделено в статье, действующим законодательством предусмотрен специфический набор средств и методов защиты: международно-правовой механизм защиты прав человека; судебная защита; административные действия органов исполнительной власти; законная самозащита человеком своих прав.

Ключевые слова: международно-правовая защита, права несовершеннолетних, ювенальная юстиция.

Становление национального механизма защиты прав и свобод человека является логическим результатом внедрения в сознание современного казахстанского общества и нормотворческую деятельность государства основополагающих начал, нашедших закрепление в одном из главных международно-правовых документов — Всеобщей декларации прав человека [1; 52]. Система защиты прав и свобод человека и гражданина — это закрепленная на законодательном уровне совокупность средств, приемов, способов и процедур, направленных на профилактику, выявление, устранение и пресечение правонарушений, охрану, защиту и обеспечение прав, свобод и интересов личности.

В отношении несовершеннолетних данный механизм защиты включает в себя ряд важнейших аспектов, таких как:

- всестороннее и действенное регулирование всеми возможными юридическими средствами отношений в области реализации прав ребенка в действительности;
- совершенствование законодательной и иной нормотворческой деятельности в рассматриваемой сфере правового регулирования, ее оптимизация;
- основательная подготовка и проработка норм процессуального права при рассмотрении административных, гражданских, уголовных и иных дел, имеющих непосредственное отношение к правам и интересам ребенка;
- определение мер юридической ответственности за нарушение прав и интересов несовершеннолетнего, в ряде случаев более строгих в отличие от посягательств на схожие права и интересы совершеннолетних субъектов (например, право на жизнь, личную неприкосновенность);
- результативная деятельность правоохранительных органов, физических, юридических лиц, организаций и др., которая направлена на выявление, предупреждение, пресечение и профилактику нарушений прав и интересов несовершеннолетних;
- установление виновных и привлечение их к юридической ответственности, определение наказания;
- контрольная и надзорная деятельность уполномоченных государственных органов;

- наблюдение и контроль специально уполномоченных органов государства над подведомственными им структурами;
- повышение качества юридических кадров государственных и иных учреждений, организаций.

Данный механизм принято называть ювенальной юстицией. Институционализация ювенальной юстиции может содействовать разрешению целого ряда проблем:

- позитивно отражаться на процессах развития несовершеннолетних и ограничивать тенденции негативного характера;
- реализовывать влияние управляющего свойства на всех уровнях — от местных органов власти и самоуправления до республиканских исполнительных органов;
- оказывать комплексное влияние на процесс социализации несовершеннолетнего;
- планировать допустимые последствия девиантного и деликвентного поведения несовершеннолетних и использовать различные программы воспитательного характера, не реализовывая меры юридического принуждения;
- достигать обозначенных важных общественно-правовых целей, согласно которым права и свободы личности являются высшей ценностью Республики Казахстан.

Для защиты прав и свобод несовершеннолетнего действующим законодательством РК закреплена система средств, способов, приемов и методов защиты: международно-правовой (конвенционный) механизм защиты прав человека; защита в судебных органах; административный порядок защиты через действия органов исполнительной власти; защита человеком своих прав способами, не противоречащими действующему законодательству.

Механизм защиты прав несовершеннолетних соблюдается на всех этапах уголовного или административного преследования. При исследовании всех обстоятельств дела в отношении несовершеннолетних принимают участие сотрудники следственных подразделений, специализирующиеся именно в этой области. Данные специалисты обязаны четко ориентироваться в психологических и эмоциональных особенностях несовершеннолетнего и правильно проводить предусмотренные действующим процессуальным законодательством следственные действия в отношении них. В отношении несовершеннолетних, несомненно, необходим индивидуальный и особый подход, который не будет иметь негативного воздействия на их психику, поскольку неквалифицированная тактика следственных действий, использование мер физического или психологического воздействий и давления приводят к противоположному результату — несовершеннолетний замыкается в себе, становится молчаливым, испытывает постоянный страх, озлоблен. Соответственно, подобное состояние не приводит к положительному результату — осознанию несовершеннолетним ошибочности своего поступка, к исправлению и перевоспитанию.

Становление специализированной совокупности органов ювенального правосудия — это одна из основных идей и задач социальной и правовой политики Республики Казахстан. В этой связи государство в Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 гг. закрепило то обстоятельство, что развитие системы ювенального правосудия является главным этапом развития судебной системы РК. Это актуализировалось тем, что созданные в 2007 г. экспериментальные суды по делам несовершеннолетних в городах Алматы и Астане доказали свою необходимость и эффективность.

И конечно же, было принято логически закономерное решение о создании ювенальных судов во всех областных центрах Республики Казахстан, о чем свидетельствует Указ Президента Республики Казахстан № 266 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан».

Еще одной организацией, оказывающей помощь несовершеннолетним, является созданная в 1993 г. Социальная служба для молодежи, которая осуществляет:

- психолого-педагогическую и правовую консультацию несовершеннолетних, оказавшихся в трудной ситуации;
- социальное (иногда материальное) содействие обучающимся несовершеннолетним;
- юридическую защиту лиц, не достигших совершеннолетия, в трудовых, учебных коллективах;
- предупреждение действий несовершеннолетних, носящих неправомерный характер;
- социализацию лиц, относящихся к категории «молодежь» согласно законодательству Республики Казахстан, которые отбыли наказание в учреждениях пенитенциарной системы;

- поддержку и содействие в развитии предпринимательской деятельности молодежи;
- помощь в деятельности молодежного самоуправления и организации содержательного досуга молодежи.

В Социальную службу входят: центры информации для молодежи; молодежные биржи труда; пункты социально-психологической помощи; общежития-приюты для подростков и молодежи, оказавшихся в конфликтной ситуации дома или без определенного места жительства; клубы психологической поддержки и реабилитационные центры для инвалидов; спортивные, досуговые и культурные объединения молодежи; реабилитационные центры для молодых граждан, освободившихся из учреждений пенитенциарной системы.

Данная совокупность приемов и способов защиты прав и свобод, предусмотренных Конституцией Республики Казахстан, может быть дополнена органами административной юстиции (квасисудебные органы для рассмотрения споров между личностью и государственными органами), трудовой юстицией (для рассмотрения споров в трудовых отношениях, в том числе между несовершеннолетним работником и государством), ювенальной юстицией и т.п. В Республике Казахстан достаточно успешно реализуются многие из перечисленных защитных механизмов. Но, несмотря на многочисленные нормативно-правовые акты и имеющиеся механизмы, защита прав несовершеннолетних является сегодня одной из актуальных проблем. Складывающаяся в Казахстане как социальная, так и экономическая ситуация вызывает к необходимости незамедлительной разработки специального комплекса научно обоснованных мер, призванных сформировать результативный механизм полноценной реализации прав ребенка.

В отличие от взрослых ребенок не обладает необходимыми опытом и знаниями. При частичной дееспособности он не всегда может найти искомое — конструктивные варианты решения собственных проблем в противостоянии отрицательным обстоятельствам и проблемам бытия.

При изучении Конституции Республики Казахстан можно проследить использование таких терминов, как «защита» и «охрана». В частности, «брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (ст. 27); «граждане Республики Казахстан имеют право на охрану здоровья» (ст. 29); «каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод» (ст. 13) и т.д. Следовательно, законодатель, учитывая близость данных терминов по лексическому значению, употребил их как синонимы. На наш взгляд, это взаимосвязанные, вместе с тем самостоятельные, не тождественные правовые категории.

В контексте рассматриваемого вопроса, связанного с защитой прав несовершеннолетнего, несомненный интерес вызывают как национальные, так и международные механизмы защиты.

Следует отметить такие акты, как Английский Билль о правах 1689 г. [2; 241], американский Билль о правах 1789–1791 гг., французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. и другие, оказавшие огромное влияние на развитие прав и свобод человека, их защиту [3]. С момента принятия Устава ООН начался отчет с времени сотрудничества государств в международном масштабе в области закрепления и защиты прав человека. Международно-правовые документы по правам человека, а также конституции европейских демократических государств мы считаем универсальными образцами, приемлемыми и необходимыми для всех регионов мира.

В значимом международном акте «Всеобщая Декларация прав человека» в ст. 8 говорится: «Каждый имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему Конституцией или законом» [1; 34]. В свою очередь, другой не менее значимый документ международного уровня, «Пакт о гражданских и политических правах», на каждое государство — участника данного пакта возлагает обязанность обеспечения правовой защиты любых субъектов.

Первым шагом на пути законодательного обеспечения охраны здоровья детей, защиты их прав явилась Женевская декларация прав ребенка, принятая Лигой Наций в 1924 г. [4; 23].

Организация Объединенных Наций сделала еще один важный и необходимый шаг, приняв в 1959 г. Декларацию прав ребенка. Именно в этой Декларации впервые были провозглашены социальные и правовые принципы, касающиеся обеспечения и защиты прав и благополучия детей. Четкое обозначение 10 положений и их четкое и неукоснительное соблюдение должны «обеспечить детям счастливое детство» [5].

Дальнейшее развитие международного сообщества, правовое сознание социума, уделение большего внимания детям и их правам обозначили новую проблему — декларативности принципов оказалось недостаточно, необходимо было данные принципы претворять в жизнь. Потребовались новые международно-правовые документы, которые бы содержали юридические нормы, закрепляющие

конкретные способы защиты прав несовершеннолетних. Именно в этой связи и была принята в 1974 г. Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов [6]. Затем в 1986 г. принята Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и при их усыновлении на национальном (принимающая семья — соотечественники) и международном (принимающая семья — иностранцы) уровнях [7].

С 1979 г. шла планомерная и системная работа специалистов из различных регионов мира, которая продолжалась на протяжении 10 лет. Суть данной работы — разработка текста Конвенции о правах ребенка, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. [8]. Данный документ был призван наиболее полно, всеобъемлюще укрепить правовое положение ребенка в обществе и максимально учитывать все стороны его жизни.

Конвенция о правах ребенка стала первым и основополагающим международно-правовым актом, содержащим права детей личного, политического, социально-экономического и культурного характера. Однако время показало, что и закрепленного в Конвенции перечня прав и свобод детей оказалось недостаточно в связи с появлением новых сторон общественной жизни, требующих всемерной правовой поддержки и защиты.

Данный факт привел к тому, что для обеспечения прав несовершеннолетних в зоне вооруженных конфликтов, противодействия торговли несовершеннолетними, детской проституции и детской порнографии уже через 10 лет в дополнение к Конвенции о правах ребенка были разработаны и приняты два Факультативных протокола, открытых для ратификации в 2000 г.: к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г. [9]; к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, 2011 г. [10].

На сегодняшний день рассматриваемые факультативные протоколы ратифицированы более чем 140 странами мира. Республика Казахстан незамедлительно провела все необходимые процедурные мероприятия, чтобы стать участником этих важных международно-правовых документов.

Важность Конвенции о правах ребенка в том, что в ней определены процедуры международного надзора и контроля в сфере обеспечения прав несовершеннолетних и их защиты, который осуществляет Комитет по правам ребенка. В данном Комитете осуществляют свою контрольную деятельность 10 экспертов, являющихся носителями высоких моральных качеств и признанных компетентными специалистами в области обеспечения охраны и защиты прав несовершеннолетних. Осуществляемый ими контрольный механизм заключается в изучении складывающейся ситуации из материалов докладов государств, являющихся участниками Конвенции о правах ребенка, исследовании мер, принятых государствами, по закреплению провозглашенных Конвенцией прав и их обеспечению, а также о прогрессе, достигнутом в их осуществлении.

8 июня 1994 г., ратифицировав международную Конвенцию о правах ребенка, Республика Казахстан взяла на себя обязательство привести в соответствие с нормами международного права свое законодательство в области защиты прав ребенка [11]. В настоящее время Республика Казахстан, представила в Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций четвертый периодический доклад о выполнении норм Конвенции.

Кроме конвенционного контроля, предусмотренного данным международным актом, существует еще один, особый вид контроля международного уровня — институт Специальных докладчиков, который является важным и необходимым механизмом специальных процедур при Организации Объединенных Наций. Специальные докладчики осуществляют исследование, проводят мониторинги и расследования, оказывают консультационные услуги, а также занимаются подготовкой публичных докладов по ряду вопросов в области своей компетенции, в частности: о применении насилия в отношении несовершеннолетних, об участии несовершеннолетних в вооруженных конфликтах, о торговле несовершеннолетними, детской проституции и детской порнографии.

Несмотря на столь широкий перечень действий международного контрольного механизма, их оказалось недостаточно, чтобы охватить все стороны защиты прав несовершеннолетних во всех регионах мира. Особым недостатком всей системы международного контроля, по мнению экспертов, явилось отсутствие в Конвенции процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб несовершеннолетних.

В этой связи была разработана специальная процедура для подачи индивидуальных жалоб от детей либо в их интересах. Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся

процедуры сообщений, был утвержден 19 декабря 2011 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи 66/138.17 [12].

Предполагалось, что данный Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка будет направлен на усиление национальных механизмов защиты прав детей и позволит подавать индивидуальные жалобы в случае нарушения прав детей. В данном документе предусматриваются два механизма рассмотрения жалоб: 1) индивидуальные жалобы несовершеннолетних; 2) межгосударственные сообщения. К межгосударственным сообщениям следует отнести: сообщения от государств, которые являются участниками Конвенции о невыполнении другим государством-участником своих обязательств, а также сообщения, касающиеся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии и участия детей в вооруженных конфликтах.

Однако по существующей процедуре принятия к рассмотрению индивидуальных жалоб-сообщений имеются специально разработанные основания приемлемости.

Особое место в решении проблем несовершеннолетних на международном уровне занимает ЮНИСЕФ (UNICEF) — это Детский фонд ООН. Деятельность ЮНИСЕФ основана на началах сотрудничества с государствами, общественными объединениями, неправительственными и иными международными фондами и организациями.

ЮНИСЕФ оказывает содействие и помощь несовершеннолетним и женщинам, пострадавшим от военных конфликтов, гражданских беспорядков, катастроф и стихийных бедствий, поставляя продукты питания, лекарственные средства и питьевую воду в проблемные зоны. ЮНИСЕФ — это инициатор, организатор и пропаганда важной концепции «дети как зона мира», что позволяет обеспечивать эффективную охрану и защиту несовершеннолетних, создавать условия для оказания помощи детям, независимо от того, к какой стороне конфликта они принадлежат.

Резюмируя изложенное, позволим отметить, что современный период развития мирового сообщества привел к формированию особой системы защиты прав несовершеннолетних на международном уровне, о чем свидетельствуют принятые международно-правовые акты. Несомненно, Республика Казахстан, являясь активным членом международного сообщества, ставит своей главной задачей практическое воплощение принципов и идей Конвенции о правах ребенка, не оставляя без внимания рекомендаций ООН.

Сегодняшний день ознаменован для Республики Казахстан и иными значимыми событиями, направленными на всеобъемлющую защиту прав несовершеннолетних. В частности, Казахстан присоединился к наиболее значимым международным документам:

- к Конвенции о взыскании за границей алиментов (1999 г.) [13];
- к Конвенции о минимальном возрасте для приема на работу (2000 г.) [14];
- к двум Факультативным протоколам к Конвенции ООН о правах ребенка, касающимся торговли детьми, детской проституции и порнографии и участия детей в вооруженных конфликтах (2002 г.) [9,10], к Конвенции Международной организации труда о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (2002 г.) [15] и к ряду других.

Несмотря на применяемые меры прямой или косвенной защиты прав ребенка на международном уровне, эффективность их деятельности нельзя признать высокой. Дело в том, что функционирующим правозащитным организациям, а также физическим лицам тяжело ориентироваться в огромном разнообразии функциональной направленности данных механизмов и соответственно в применимости того или иного механизма к данному нарушению прав ребенка (даже если имеется исчерпывающая информация о наличии и правилах приема документов в международные организации). Кроме того, для конвенционных контрольных механизмов характерно дублирование в одних вопросах и отсутствие координации в других.

Анализ современного состояния развития института ювенальной юстиции дает удовлетворительную перспективу развития ситуации в области соблюдения прав ребенка, закрепленных в Конвенции и национальном законодательстве.

Нормы национального законодательства приближены к международным стандартам и международным договорам. Существуют различные государственные и неправительственные организации, занимающиеся правами детей. Проводятся процедуры контроля, мониторинга и отчетности по правам детей. Применительно к периоду трех последних лет можно говорить о тенденции улучшения ситуации с правами детей. Параллельно с весомыми показателями позитивной оценки динамики ее изменения поддается фиксации достаточно высокий уровень признания среди взрослых правового статуса ребенка как полноправного члена общества.

Однако, рассматривая отмеченные тенденции, целесообразно принять во внимание существующие пробелы и недостатки в системе обеспечения и защиты прав, оказывающие влияние на значение и функционирование прав детей в повседневной жизни.

Эмпирически зафиксировано, что действующее законодательство не в полной мере приведено в соответствие с конвенцией и не обеспечивает автономию отдельного ребенка как личности через подтвержденные права. С этим связана ослабленная идентификация детей с основными группами прав, определенных в конвенции.

Ограниченный характер распространения информации о конвенции и правах ребенка оказывает краевое воздействие на взрослых и детей. Этим в определенной степени определяется преобладающая у детей заниженная самооценка своего правового статуса как объекта ограничения прав.

При отсутствии эффективной системы защиты прав и оказания помощи у многих детей попросту не вырабатывается потребность в их применении, тем более, что в повседневной жизни о них чаще всего никто не вспоминает.

Существенной чертой низкой эффективности системы защиты прав ребенка является отсутствие в ней отдельной для детей системы подачи и рассмотрения жалоб.

Международный опыт свидетельствует о том, что потребность в специализированных институтах по правам несовершеннолетних возникает тогда, когда существующие институты не удовлетворяют решению всех контрольных задач и возникает необходимость дополнительной защиты прав. Этой тенденции способствуют и большое количество пробелов и недостатков в законодательно-правовом поле Республики Казахстан, перегруженность надзорных органов и т.д.

Таким образом, анализ перспектив развития правового регулирования защиты прав несовершеннолетних показал, что только планомерная, нефорсированная деятельность в этой области может способствовать снижению числа осуществляемых правонарушений несовершеннолетними лицами и эффективной социализации этой категории лиц.

Список литературы

- 1 *Лунарев Г.П.* Основные международные документы по правам человека. Материалы и комментарии. — Алматы: 1998. — 148 с.
- 2 *Mower A.G.* The convention on the rights of the child: Intern. law support for children. Westport (Conn.); - L.: Greenwood press, 1997.
- 3 Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв. / Под ред. В.Г. Сироткина. — М.: Высш. шк., 1990. — 304 с.
- 4 *Wallace R.M.* International Human Rights: Text and Materials / With K. Dale-Risk. 2nd ed. — London: Sweet and Maxwell, 2001.
- 5 Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
- 6 Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, 1974 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml. 14.10.2014 г.
- 7 Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, 1986 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml. 14.10.2014 г.
- 8 Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon
- 9 Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 года. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../rightschild_protocol2.shtml. 14.10.2014 г.;
- 10 Конвенция о правах ребенка, касающаяся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 года (факультативный протокол). — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../rightschild_protocol1.shtml. 14.10.2014 г.
- 11 Постановление Верховного Совета Республики Казахстан «О ратификации Конвенции о правах ребенка» от 8 июня 1994 г. — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400>
- 12 Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, 2011 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml. 14.10.2014 г.
- 13 Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении четвертого периодического доклада о реализации Республикой Казахстан Конвенции о правах ребенка» от 31 октября 2011 г. № 1242. — [ЭР]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100001242>
- 14 Конвенция о взыскании за границей алиментов, 1956. — [ЭР]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/alimony.shtml. 14.10.2014 г.
- 15 Конвенция о минимальном возрасте для приема на работу, 1973 года. — [ЭР]. Режим доступа: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed.../wcms_c138_ru.htm. 14.10.2014 г.

Н.Раззақ

Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен мүдделерін қорғау: конвенциялық тетік

Мақалада адам және азаматтың құқықтары мен бостандықтары, оларды тану, құрметтеу мен қорғау қазіргі заманғы мемлекеттердің демократиялық мемлекеттік билігінің тірегі болып есептелетін негіз болып табылады. Адам құқықтары институтының пайда болуы мен қорғалуы бастапқыда ұлттық заңнама шегінде ғана жүзеге асты, бірақ кейбір актілердің маңызы ұлттық мемлекет шекарасынан шығып кетті және басқа елдерде жалпыұлттық сананың дамуына жағдай жасады. Қолданыстағы заңнамада кәмелетке толмағанның құқықтары мен бостандықтарын қорғау үшін қорғаудың арнайы құралдары мен әдістерінің жиынтығы қарастырылған: адам құқықтарын қорғаудың халықаралық-құқықтық тетігі; соттық қорғау; атқарушылық билік органдарының әкімшілік әрекеттері; адамның өз құқықтарын заңды түрде өзін-өзі қорғауы.

N.Razzak

Protection of the rights and interests of minors: conventional mechanism

The rights and freedoms of the person and the citizen, their recognition, respect and protection is a basis on which the democratic government of the modern states is based. Origin and protection of institute of human rights it was originally carried out within the national legislation though value of some acts overcame borders of the national states and promoted development of national consciousness in other countries. For protection of the rights and freedoms of the minor, the current legislation, provided a specific set of means and methods of protection: international legal mechanism of protection of human rights; judicial protection; administrative actions of executive authorities; lawful self-defense by the person of the rights.

References

- 1 Luparev G.P. *The main international documents on human rights. Materials and comments*, Almaty, 1998, 148 p.
- 2 Mower A.G. *The convention on the rights of the child: Intern.law support for children*. Westport (Conn.), L.: Greenwood press, 1997.
- 3 The collection of documents on stories of modern times. Bourgeois revolutions of the XVII–XVIII centuries, under the editorship of V.G. Sirotkin, Moscow: The higher school, 1990, 304 p.
- 4 Wallace R.M. *International Human Rights, text and Materials*, With K. Dale-Risk. 2nd edit., London: Sweet and Maxwell, 2001.
- 5 Declaration of the rights of the child, [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml is accepted by the resolution 1386 (XIV) of the United Nations General Assembly of November 20, 1959//
- 6 The declaration on protection of women and children in force majeure and during armed conflicts, 1974, [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml. 14.10.2014.
- 7 The declaration on the social and legal principles concerning protection and wellbeing of children, 1986, [ER]. – Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml. 14.10.2014.
- 8 Convention on the Rights of the Child. It is accepted by the resolution 44/25 of General Assembly of November 20, 1989, [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon
- 9 The optional protocol to the Convention on the Rights of the Child concerning trade in children, child prostitution and a child pornography, 2000, [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../rightschild_protocol2.shtml. 14.10.2014;
- 10 The Convention on the Rights of the Child, concerning participation of children in armed conflicts, 2000 (optional protocol), [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../rightschild_protocol1.shtml. 14.10.2014.
- 11 The resolution of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan «About ratification of the Convention on the Rights of the Child» of June 8, 1994, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400>
- 12 The optional protocol to the Convention on the Rights of the Child concerning procedure of messages, 2011, [ER]. Access mode: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml. 14.10.2014.
- 13 The resolution of the government of the Republic of Kazakhstan «About the approval of the fourth periodic report on implementation of the Convention on the Rights of the Child by the Republic of Kazakhstan» of October 31, 2011 No. 1242, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100001242>
- 14 Convention on collecting abroad alimony, 1956, [ER]. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/alimony.shtml. 14.10.2014.
- 15 Conventions on the minimum age for employment, 1973, [ER]. Access mode: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed.../wcms_c138_ru.htm. 14.10.2014.

M.T.Akimzhanova, G.A.Ilyassova

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: G.Ilyassova@mail.ru)*

The concept and classification of transport contracts under the Republic of Kazakhstan legislation

This article is devoted to the problems of the definition of transport contracts. The issue of transport contracts does not find legislatively unequivocal solution not only in Kazakhstan but also in foreign countries. Improving the legal regulation of transport relations is connected to a large extent due to the clarification of the concept of the transport contract. In the obligations to rendering services are usually segregated into a separate group, those that aim to rendering transport services. However, their terms are defined differently. The author attempts to explore the existing scientific research of scientists in the doctrine of civilized law on the definition of transport contracts in the contemporary period.

Key words: transport agreements, transport agreements classification, the freight forwarding contract, the contract of carriage, the transport obligation.

In legal literature, the concept of the transport contract, its place in the system of civil law contracts are defined in different ways: as a synonym of the terms «transport contract» and «transportation obligations» are used. There are three basic viewpoints on the system of transport contracts:

1. Transport obligations — is a collective term that includes different types of obligations with one essential element — the service, the essence of which — is the activity of materials handling and moving of people into space. «Transport obligation» is investigated as a civil matter, at the basis of which the contract lies.

Transport obligations, although they are a kind of civil law, in general, as such, do not form a separate, single obligation type, and represent a set of obligations covering a separate contract types and their variants [1; 29].

This concept is widely used in the study [2, 3], and in scientific literature [4]. G.P. Savichev defines transport obligation as «an obligation, under which one person — the carrier (operator) is obligated to do in favor of another person — the consignor, consignee, passenger, baggage or cargo-luggage holder — definite legal or factual actions to render transportation services connected to transportation, and another person — is obligated to pay for services rendered in the amount established by law or by agreement of the parties» [2, 30]. Based on this definition, the concept of transport obligations covers compensatory contract to render transport services connected to transportation. Unfortunately, the definition does not cover the subject and content of complex of contracts for the rendering transport services, for example, does not cover all entities rendering transport services, and limited to services related to transportation. Because, at present, the whole range of transport services is rendered by transport freight forwarders, as well as maritime agents, they can carry out both legal, and actual actions. And also in the transport market there other contracts are concluded, not connected to transportation, for example, a contract of maritime agency service, marine mediation, salvage contract, contract for rendering aerial works, etc. Thus, the transport obligation can not be equated with the transportation obligation.

A similar definition is given by D.A. Medvedev, V.T. Smirnov: «Transport obligations are called obligations for materials handling and moving of passengers and luggage, and other obligations for the rendering transport services relating to transport, or to the materials handling by other means» [3; 374].

A.I. Khasnutdinov, maintaining and developing the theory of transport obligations, said that just as the contract of sale, supply, contracting obligations are reduced into the group, mediating the transition of property to ownership, all the obligations on rendering transport services can be grouped under a single for them basis of economic character — such as a specific service on the movement in space. By this criterion in the transport category there shall be assigned all the obligations that mediate transport activity in any of its form, despite the differences in their specific economic and legal characteristics [5; 35].

Broader concept of transport obligations gives A.N. Romanovich gives, defining it as a civil matter, as a party of which is the transport organization which is formed by the use of means of transport and communications and expresses the main activity of transport for moving or activity directly providing its implementa-

tion [1; 29]. The author rightly notes that system of the obligations — is more than the usual classification, as it should be built taking into account so important factor as correlation of its links.

The supporters of this view based on the fact that transport obligations are divided into basic obligations (transportation facilities) and subsidiary obligations in relation to the carriage obligations. The core of the system of transportation obligations constitutes obligations of carriage. Subsidiary obligations are called to promote the fulfillment of the basic obligations and are characterized by tight binding to the latter, in respect of which perform a service role, have a secondary importance.

Transportation obligations consist of obligations of transportation and obligations of towing. Subsidiary obligations include the following obligations: 1) organizational long-term (nodal agreements, contracts of centralized export (import) of goods), 2) forwarding (the contract of freight forwarding, contract of loading and unloading works, the contract of carriage for the centralized calculations for transportation), 3) transport (contracts for supply and removal of waggons, the exploitation of railway sidings, counterparty contract, the contract of railway services), 4) lease (rent of warehouses and commercial sites within the territory of transport companies, rent cars and other rolling stock, etc.) [4, 5].

In juridical literature, there is an opinion that the concept of «transport obligation» is a collective and to some extent conditional. It combines both private law and public law beginnings [6; 11].

2. In civil law, the contracts of transportation govern a large and independent group of relations, so they are isolated in a separate group of contracts relating to the transportation. Thus, some authors include in this group transportation with its subspecies, and called them as a system of contracts of transportation [7, 8]. The authors started from a system of contracts of transportation, rendered by Chapter entitled «Transportation» of the Civil Code (CC). For example, the V.V. Vitryansky noted that the relations in freight traffic activity now are regulated by a system of treaties, which are the basis of the relevant civil obligations for the transportation of goods. He further writes: «All these contracts in the CC, of course, differ from each other on various grounds: legal effect, subject composition, the subject of obligations arising from them, etc. — but they have in common is that they all ultimately intended to regulate relations arising in freight traffic, passengers and baggage traffic ... It seems that now we should talk about the treaty system, mediating the freight traffic, passengers and baggage traffic» [7; 254].

According to G.I. Tulegaliyev, these contracts (specified in the Chapter 34 of the CC RK) have their own specifics concerning the legal status, subject composition, the characterization of the rights and obligations, and on other grounds, but they have a common goal — the regulation of transportation. Thus, the CC specifies a whole system of contracts, mediating the transportation relations [8; 166].

In our opinion, the transport contracts are resulted not only in the emergence of transportation obligations. Because the rendering transport services is not limited only with transportation. In practice, there compensatory contracts on transportation provision are also concluded (for example, the contract of freight forwarding, contract on transportation organization, towing contracts, contracts for the operation of exploitation of railway sidings and to supplying and removal waggons) and other contract on the rendering of compensatory services related to transport activities (contract on the rendering of pilotage services, salvage contract, contract for aerial works, etc.).

3. In the scientific literature the concept of a system of transportation contracts is established. In the obligations to render services it is usually segregated into a separate group, those that aim to render transport services. Unfortunately, however, civil legal science had the mistaken notion of «transportation contracts», which refers to civil legal contracts, used in transport activities involving transport organizations. According to V. Vitryansky, the term «transportation contracts» covers various types of contractual obligations: transportation, freight forwarding, towing, lease (affreightment for time) means of transport, construction contracts (building of railway sidings), et al. V. Vitryansky argues quite correctly when he writes that this approach suffers from several shortcomings. According to the author's opinion, traditionally understood category of transportation contracts, which includes various types of contractual obligations, do not fit into the system of civil law contracts, and the only thing united them — is the participation in these treaties transportation companies — can not serve as a criterion for the selection of the appropriate classification contracts [9; 63].

S.Yu. Morozov defines the transport contract as «the parties' agreement, under which one party undertakes to render services aimed at ensuring the implementation or transport of material objects from one place to another, and the other party agrees to pay for services fixed fee» [6; 12].

As criteria to allocate transport contracts from the system of contractual obligations for paid services, S.Yu. Morozov calls: subject composition of the contractual relationship and the direction of transport contractual obligations. As the subjects of transport contracts there should be considered carriers, charterers,

shippers (consignees), passengers. All the transport agreements are aimed at moving of passengers or material objects in space or on the provision of this movement. This movement must have two mandatory attributes: produced by vehicles, carried out on a commercial basis [6; 13].

The position of the author, from our point of view, is not without drawbacks. The subjects of transport contracts, in addition to the above subjects may be forwarders, multimodal transport operators, agents, pilots.

Transportation service has two components — translocation, i.e., moving from one place to another, and forwarding services. On this basis, the transport service is divided into the following areas: stevedoring, i.e. loading and unloading operations, tallying — the sale of services, goods calculation, warehousing — trade in services of storage of goods and other support for the implementation of associated services (such as packing, sorting, freight, etc.) [8; 160].

A.N. Romanovich assigns four main features inherent in the transport legal relations: one side of these legal relationships is always the transport organization, they are developed over the operation of vehicles and communications is the subject of their rendering service activities, and they express their attitudes towards the implementation of the basic transport function or directly contribute to its implementation. The first three features are characterized by the author as common as they may be characterized not only transport but also other legal relations with the participation of transport, and the fourth — as special, because it is unique inherent only to transport legal relationship [1; 21]. Thus, the author refers to features that characterize transportation contracts. You can also add the following symptoms that characterize the transport contracts: compensatory movement is carried out by vehicles freight, luggage, passengers, rendering services to provide transportation; as a party to the contract rendering transportation services may be the carrier, multimodal transport operator, charterer, freight forwarder, agent, pilot, et al.

We are supporters of the theory of transport contracts. In our view, the system of transport contracts is an institution of civil law, but they have also institute of transport law. With respect to determining the place of the transport contract in the civil law system, it should be noted that they according to the classifications belong to the group of contracts to provide paid services. Thus, the transport contract is an institution of transport law, at the same time it is the institution of civil rights.

This allows us to develop a definition of the transport contract: transport contract — an agreement of the parties under which one party (the performer) is obligated to render transport services for movement with the help of vehicles freight, luggage, passengers, or to ensure that movement, on maintenance of the vehicles and communications and the other party (customer, client) agrees to pay for services rendered for a fixed fee.

Transport contracts can be classified into several groups. The first group consists of the contract of transportation, the second group consists of organizational contracts (contracts for transportation organization, nodal agreements, contracts for centralized import (export) of goods), the third group is the contracts of freight forwarding, the fourth group includes agreements on rendering transport services or for value contracts for the rendering other services in the transport sector (contracts for supply and removal of waggons, for the operation of railway sidings, contract of tawing, contract for the rendering pilotage services, marine agency contract: the contract of marine mediation, contract for air navigation services; salvage contract, and so on).

The chapter 34 of the CC RK provides types of contracts of transportation (contract of the freight transportation; contract of transportation of passengers and luggage, the carriage common use transport; contract directly mixed messages, contract of affreightment (charter) agreements on organization of transportations, treaties between transport agencies (nodal agreements, contracts for centralized import (export) of freights). Taking into account the types of transportation, which the transportation is made, accordingly the system of transport contracts expands.

The bulk of transport contractual relations are governed by special transport laws. As for the codified civil acts (CC RK), they include only a few fundamental provisions that define a system of legal regulation of freight transportation, and removal of passengers and luggage, and the others are referred to the transport laws.

References

- 1 *Романович А.Н.* Транспортные правоотношения. — Минск: Изд-во «Университетское», 1984. — 126 с.
- 2 *Савичев Г.П.* Глава 44. Транспортное и экспедиционное обязательство // Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. II, полутом 2 / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. — М.: Изд-во БЕК, 2000. — С. 35–81.

- 3 *Медведев Д.А., Смирнов В.Т.* Гражданское право: Учебник. Ч. II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М.: ПРОСПЕКТ, 1998. — С. 373–419.
- 4 *Тютрина Н.Н.* Транспортные обязательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2005. — 28 с.
- 5 *Хаснутдинов А.И.* Понятие транспортного договора // Правоведение. — 1990. — № 3. — С. 34–42.
- 6 *Морозов С.Ю.* Транспортное право: Учеб. пособие. — М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2010. — 320 с.
- 7 *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М.: Статут, 2007. — 910 с.
- 8 *Тулугалиев Г.И.* Избранные труды по транспортному праву / Сост. М.К. Сулейменов. — Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2003. — 506 с.
- 9 *Витрянский В.В.* Некоторые итоги кодификации правовых норм о гражданско-правовом договоре / Кодификация российского частного права. — М.: Статут, 2008. — С. 47–72.

М.Т.Әкімжанова, Г.А.Ілиясова

Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша көліктік шарттардың ұғымы және жіктелуі

Мақала көліктік шарттардың түсінігін және құқықтық табиғатын анықтау мәселелеріне арналған. Көліктік шарттардың ұғымын анықтау мәселесі тек Қазақстанда ғана емес, сонымен қатар шетелдік мемлекеттерде де заңнамалық тұрғыдан түпкілікті шешімін тапқан еместігі туралы айтылған. Көліктік қатынастарды құқықтық реттеуді жетілдіру белгілі бір дәрежеде көліктік шарттар түсінігін анықтаумен байланысты. Авторлармен қызмет көрсету бойынша міндеттемелердің ішінде көліктік қызмет көрсетуге бағытталғандары, әдетте, жеке топқа жатқызылады, алайда олардың топтамасы әр түрлі анықталды. Мақалада қазіргі кезеңдегі көліктік шарттардың жүйесін түсіну бойынша цивилдік құқық доктринасындағы ғалымдардың ғылыми ізденістерін зерттеу және талдау жүргізілген.

М.Т.Акимжанова, Г.А.Ильясова

Понятие и классификация транспортных договоров по законодательству Республики Казахстан

Статья посвящена проблемам определения понятия и правовой природы транспортных договоров. Отмечено, что вопрос определения понятия транспортного договора законодательно не нашел однозначного разрешения не только в Казахстане, но и в зарубежных государствах. Совершенствование правового регулирования транспортных отношений в немалой степени связано с выяснением понятия транспортного договора. В обязательствах по оказанию услуг, как выделено авторами в статье, обычно обособляются в отдельную группу те из них, которые направлены на предоставление транспортных услуг, однако круг их определяется по-разному. Предпринята попытка исследовать существующие научные изыскания ученых в доктрине гражданского права по определению системы транспортных договоров в современный период.

References

- 1 Romanovich A.N. *Transport legal relationships*, Minsk: Publ. house «University», 1984, 126 p.
- 2 Savichev G.P. *Civil law: Coursebook, in 2 v. Volume II, half volume 2* / Res. Ed. prof. Y.A. Sukhanov, Moscow: Publ. house BEK, 2000, p. 35–81.
- 3 Medvedev D.A., Smirnov V.T. *Civil Law, coursebook. Part II*, under edit. A.P. Sergeyev, J.K. Tolstoy, Moscow: PROSPECT, 1998, p. 373–419.
- 4 Tyutrina N.N. *Transport obligations*. Abstract. dis. ... candidate of Juridical Sciences: 12.00.03, Moscow, 2005, 28 p.
- 5 Khasnutdinov A.I. *Jurisprudence*, 1990, 3, p. 34–42.
- 6 Morozov S.Y. *Transport Law, coursebook*, Moscow: «Wolters Kluwer» Publishing, 2010, 320 p.
- 7 Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Contractual Law, book Four: Contracts on transportation, towing, freight forwarding and other services in the transport sector*, Moscow: Statute, 2007, 910 p.
- 8 Tulegaliyev G.I. *Selected works on Transport Law*, comp. by M.K. Suleimenov, Almaty: Institute of Private Law KazSUU, 2003, 506 p.
- 9 Vitryansky V.V. *Codification of Russian civil law*, Moscow: Statute, 2008, p. 47–72.

С.А.Балтабаев

ҚР ИМ Б.Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы
(E-mail: baltabaev.sabyrgali@mail.ru)

Қазақстан Республикасында шетелдіктердің бала асырап алуының кейбір мәселелері

Мақалада автор Қазақстан Республикасындағы шетел азаматтарының бала асырап алуының құқықтық тетігін қарастырған, сондай-ақ асырап алынған қазақстандық балалардың шетел отбасыларындағы құқықтарының қорғалуына бақылау жасау мәселелерін зерттеген.

Кілт сөздер: бала, жетімдер, бала құқықтарын қорғау, бала асырап алу, шетелдік бала асырап алу, балаларға қарсы зорлық-зомбылық.

Бүгінгі таңда балалар құқығын қорғау саласындағы маңызды мәселелердің бірі бала асырап алу проблемасы болып табылады. Бұл халықаралық бала асырап алу институтының пайда болуымен байланысты. Мұның себебі халықаралық бала асырап алу институты ерекше құқықтық реттеуді талап етеді.

Халықаралық бала асырап алу институты әлемдік тәжірибеге өткен ғасырдың орта тұсынан ене бастады. Біршама уақыт өткеннен соң шетелдіктердің бала асырап алуы үйреншікті іске айналды. Батыс Еуропа елдері мен АҚШ-да бала туу көрсеткішінің төмендеуі және Оңтүстік-Шығыс Азия елдеріндегі экономикалық жағдайдың нашарлауы сияқты бірқатар теріс факторлар XX ғ. соңы мен XXI ғ. басында әлемде халықаралық бала асырап алу құбылысының кең таралуына себепші болды [1].

Қазақстанда халықаралық бала асырап алу 1999 жылдан бастап тұрақты тәжірибеге айналды. 1999 жылы шетелдіктер 196 баланы асырап алса, 2002 жылы бұл көрсеткіш 883 балаға жетті, 2005 жылы 1022 бала шетелге қоныс аударды. Елімізге бала асырап алуға АҚШ азаматтары жиірек келеді..., одан кейін бала асырап алушы елдер тізімінде Ирландия, Канада, Бельгия, Оңтүстік Африка Республикасы, Израиль және Франция тұр [2].

«Халықаралық бала асырап алу» ұғымына сипаттама беру үшін алдымен құқық ғылымында қолданылатын «бала асырап алу» ұғымына талдау жасау керек. Бала асырап алу (қыз баланы асырап алу) — асырап алынған бала мен оны тәрбиелеуге алған тұлға немесе тұлғалар арасында ата-ана мен бала арасында орын алатын жеке және мүліктік қатынастарды орнататын құқықтық акт.

«Халықаралық бала асырап алу» термині шартты сипатқа ие, мұнда асырап алушы мен асырауға алынушы тұлғалар түрлі мемлекеттердің азаматы болып табылады немесе бала асырап алу фактісі шетелде орын алады [3].

Шетелдік элементтің қатысуымен күрделене түсетін мұндай отбасы құқықтық қатынастар осы сала бойынша бірнеше мемлекеттің құқықтық тәртібімен байланыс орнататын халықаралық жеке құқық нормаларымен реттеледі. Егер бала асырап алушы мен асырап алынушы тұлғалар түрлі мемлекеттердің азаматтары болып табылса немесе бала асырап алу фактісі шетелде орын алса және шетел мемлекетінің заңнамасына сәйкес жүзеге асырылса, «халықаралық» немесе «шетелдік бала асырап алу» ұғымы қолданылады.

«Шетелдік бала асырап алу» ұғымы 1993 жылғы 29 мамырда Гаагада қабылданған «Балаларды қорғау және баланы шетелдік асырап алуға қатысты ынтымақтастық туралы» Конвенциясында (әрі қарай — Гаага конвенциясы) қолданылды. Қазақстан Республикасы осы Конвенцияға 2010 жылғы 12 наурызда қосылған болатын [4].

Қазақстан Республикасының отбасы және неке заңнамасында «халықаралық» немесе «шетелдік бала асырап алу» арнайы термині қолданылмайды. «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексінің (әрі қарай — ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексі) 1-бабының 9-тармағында жалпы «бала асырап алу» ұғымының анықтамасы берілген. Соған сәйкес «бала асырап алу» дегеніміз нәтижесінде шығу тегі бойынша туыстарының құқықтары мен міндеттеріне теңестірілетін жеке мүліктік емес және мүліктік құқықтар мен міндеттер туындайтын сот шешімі негізінде баланы (балаларды) отбасына тәрбиелеуге берудің құқықтық нысаны болып табылады.

Сондай-ақ ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексінде асырап алуға жататын балаларға қатысты ережелер бекітілген. Кодекстің 84-бабының 2-бөліміне сәйкес жалғыз ата-анасы немесе екеуі де:

- 1) қайтыс болған;
- 2) баладан бас тартқан;
- 3) ата-ана құқықтарынан айрылған және олар қалпына келтірілмеген;
- 4) баланы асырап алуға келісім берген;
- 5) сот тәртібімен әрекетке қабілетсіз, хабар-ошарсыз кеткен деп танылған немесе қайтыс болған деп жарияланған;
- 6) белгісіз болған жағдайда, балалар асырап алуға жатады.

ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексінде бала асырап алуына тыйым салынатын тұлғалардың тізімі де бекітілген. Олардың ішінде сот әрекетке қабілетсіз немесе әрекет қабілеті шектеулі деп таныған адамдар; сот біреуін әрекетке қабілетсіз немесе әрекет қабілеті шектеулі деп таныған ерлі-зайыптылар; сот ата-ана құқықтарынан айырған немесе сот ата-ана құқықтарын шектеген адамдар; өзіне ҚР-ның заңдарында жүктелген міндеттерді тиісінше орындамағаны үшін қорғаншы немесе қамқоршы міндеттерінен шеттетілген адамдар; егер сот олардың кінәсінен бала асырап алудың күшін жойса, бұрынғы бала асырап алушылар; денсаулық жағдайына байланысты ата-ана құқықтарын жүзеге асыра алмайтын адамдар; тұрақты тұрғылықты жері жоқ адамдар; дәстүрлі емес жыныстық бағдар ұстанатын адамдар; бала асырап алу кезінде қасақана қылмыс жасағаны үшін соттылығы өтелмеген немесе алынбаған адамдар; азаматтығы жоқ адамдар; анасының қайтыс болуына немесе оның ата-ана құқықтарынан айырылуына байланысты баланың кемінде үш жыл іс жүзінде тәрбиелену жағдайларын қоспағанда, тіркелген некеде тұрмаған (ерлі-зайыпты болмаған) еркек жынысты адамдар; асырап алған кезде асырап алынған баланы ҚР-ның заңнамасында белгіленген ең төмен күнкөріс деңгейімен қамтамасыз ететін табысы жоқ адамдар; наркологиялық немесе психоневрологиялық диспансерлерде есепте тұратын адамдар бар.

Қазақстан Республикасында шетелдіктердің бала асырап алуын рұқсат ететін нормалар Кодекстің 84-бабында бекітілген. Онда: «Қазақстан Республикасының азаматтары болып табылатын жетім балалардың, ата-аналарының қамқорлығынсыз қалған балалардың орталықтандырылған есебінде тұрған, егер туыстары, Қазақстан Республикасының аумағында және одан тыс жерде тұратын Қазақстан Республикасының азаматтары баланы асырап алуы мүмкін болмаса ғана, шетелдіктердің асырап алуына берілуі мүмкін», — деп көрсетілген.

ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексінде Қазақстан Республикасы азаматтарының бала асырап алуда шетел мемлекеттерінің азаматтарының алдында басымдығы бекітілген. Мұндай норма ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексінің 84-бабының 4-тармағында көзделген. Сонымен қатар ҚР азаматтары үшін бала асырап алу үдерісі жеңілдетілген: бала асырап алуға тілек білдірген азамат тұрғылықты жері бойынша қорғаншылық органына өтініш, тұлғаны куәландыратын, отбасы жағдайы туралы құжаттарды, денсаулық жағдайы туралы, соттылығының жоқтығы туралы анықтамалар, жақын туыстарының келісімі, тұрғын үйінің болуы, жалпы табыстары туралы анықтамаларды тапсырады. Қорғаншылық органдары тұрғын үй-тұрмыстық жағдайларын зерттегеннен кейін бала асырап алуға үміткер болуы немесе болмауы туралы қорытынды беріледі. Баланы таңдағаннан кейін екі апта бойы үміткерлер онымен араласуы керек, балаға бауыр басқаннан кейін ғана сотқа құжаттар тапсырылады. Бала асырап алу туралы соңғы шешімді сот қабылдайды.

Ал шетелдіктердің бала асырап алуы туралы істерді қараған кезде сот азаматтығы мен тұрғылықты жеріне қарамастан, баланың туыстарының не Қазақстан Республикасы азаматтарының осы баланы бірінші кезекте асырап алу құқығын Қазақстан Республикасының балалардың құқықтарын қорғау саласындағы уәкілетті органының іске асырғанын анықтауға міндетті.

«Шетелдіктердің бала асырап алуына балалардың құқықтары мен мүдделерін қорғау саласында Қазақстан Республикасымен тең мәнді халықаралық міндеттемелері бар елдердің азаматтарына ғана рұқсат етіледі» [5].

Қазіргі таңда шетелдіктердің бала асырап алуының келесідей тәртібі қалыптастырылған. Шетелдердегі Қазақстан Республикасының дипломатиялық миссиялары қазақстандық балаларды асырап алғысы келетін шетел азаматтарын есепке алады, содан кейін аккредиттелген агенттіктер өз филиалдары арқылы шетелдіктердің досыелерін ҚР Білім және ғылым министрлігінің Балалар құқықтарын қорғау комитетіне жолдайды, осында бала асырап алғысы келетіндердің тұлғасы, олардың қандай баланы асырап алғысы келетіні қаралады және нақты бір балаға қандай отбасы

сәйкес келетіні сараланады. Содан кейін нақты бір баланың құжаттары оларға таныстыруға жіберіледі.

Егер олар Қазақстанға келетін болса, ата-ананың екеуі де бір ай бойы арнайы келген баламен ғана араласа алады. Мұнда араласу үрдісіне бақылау жасалады, барлығы жетімдер үйінің арнайы журналында бекітіледі.

Шетелдіктердің бала асырап алуы елімізде өзекті мәселелердің біріне айналды. Бұл мәселеге келгенде қоғам екі топқа бөлініп отыр, олар шетелдіктердің бала асырап алуын жақтаушылар және оған қарсылық білдірушілер.

Шетелдіктердің бала асырап алуын жақтаушылар қазақстандық жетім балалардың лайықты болашаққа қол жеткізуін, олардың шетелде сапалы білім алуын, денсаулығы нашар балалардың тиісті медициналық көмек алуын алға тартады. Мысалы, «Милосердие» ерікті қоғамы» қайырымдылық қорының директоры А. Саин шетелдіктердің қазақстандық жетім балаларды асырап алуына тыйым салуына қарсылық білдіреді: «Шетелдік асырап алуға тыйым салуға мүлдем жол беруге болмайды, себебі егер ол заңды түрде жүргізілсе, денсаулығында ақау бар балалар шетелде тиісті ем алуға мүмкіндік алады» [6].

Ал шетелдіктердің қазақстандық балаларды асырап алуына қарсылық білдірушілер асырап алынып, басқа мемлекетке қоныс аударған балалардың тағдырына алаңдаушылық білдіреді.

Ата-ананың қамқорлығынсыз қалған және Қазақстан Республикасының аумағынан тыс жерде өмір сүретін отбасыларға асырауға берілетін балалардың құқықтары мен мүдделерін қорғау халықаралық бала асырап алу үдерісіне мұқият қадағалау жүргізуді талап етеді. Халықаралық бала асырап алуды құқықтық реттеудегі бұрын орын алған кемшіліктер балалар құқықтарын бұзуға жол беріп отырды, балалар іс жүзінде коммерциялық қызметтің объектісіне айналды.

Мұнымен қоса, соңғы жылдары шетелдіктердің қазақстандық асырап алынған балалардың жағдайына бақылау жүргізу жұмысы бойынша біраз қиындықтар бар. Қазақстан Республикасының Бас прокуроры А. Дауылбаевтың айтуынша, асырап алған жаңа отбасыларда асырап алынған балалардың өмір сүру, оқу, тәрбиелену және денсаулық жағдайларына бақылауды қамтамасыз ету көкейкесті мәселеге айналды.

Соңғы 15 жылдың ішінде Қазақстанда 50 мыңға жуық бала асырап алынған. Осындайда әрбір бесінші баланы шетелдіктер асырап алып, басқа мемлекетке алып кеткен. Ол біздің 9 мыңға жуық қазақстандық балаларымыз. Осындайда балаларды асырап алған отбасылардағы балалардың өмір жағдайларына бақылау орнату жөніндегі жұмыс сәтсіздікке ұшырады.

Асырап алушылар өз есептерін уақытылы тапсырмайтындыққа байланысты 3,5 мың асырап алынған балалардың өмір сүру және тәрбиелену жағдайлары туралы ақпарат жоқ.

Нәтижесінде бүгінгі күні бізде шетел азаматтарына асырау мақсатымен берілген 673 қазақстандық балалардың қайда жүргендігі туралы еш мәлімет жоқ [7].

Мұндай алаңдаушылық білдіруге толық негіз бар. Мәселен, 2013 жылы Қазақстаннан бала асырап алған АҚШ елінің азаматтары ерлі-зайыпты Джозеф және Линда Мэйотт кәмелетке толмаған өгей балаларына қатысты жыныстық сипаттағы әрекеттер жасағандары үшін қылмыстық жазаға тартылды [8]. Сондай-ақ 2012 жылы бұқаралық ақпарат құралдарында Голливуд актері Майкл Дугластың бұрынғы әйелі Диандра Дугластың Қазақстаннан асырап алған қызы Имараға қатысты дұрыс тәрбие бермейтіні туралы ақпарат тарады [9].

Осындай жағдайлар қоғамда шетелдіктердің қазақстандық бала асырап алуы бойынша кері пікір қалыптастыратыны анық. Сондықтан шетелге қоныс аударған жетім балалардың жат мемлекетте құқықтарының қорғалуына бақылау жасау еліміз үшін аса маңызды міндет болып отыр.

Балаларға қамқорлық еліміздің мемлекеттік саясатының ажырамас бөлігі болып табылады. «Қазақстан – 2050» Стратегиясы: қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» атты Жолдауында Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаев: «Бейбіт өмірдің өзінде бізде мыңдаған жетімдер бар — балалар үйлері толы. Бұл, өкінішке қарай, жалпыәлемдік үрдіс және жаһандандудың сынағы. Бірақ біз бұл үрдіспен күресуіміз керек. Мемлекетіміз бен қоғамымыз жетімдерді асырап алуды және отбасы типіндегі балалар үйлері салынуын көтермелеуі қажет. Балалар – қоғамымыздың ең әлсіз және қорғансыз бөлігі, және олар құқықсыз болуға тиіс емес» [10], — деп атап айтты.

Стратегияда еліміздің Президенті әлеуметтік саясаттың жаңа қағидаттарын айқындап, балалықты қорғауды елдің дамуының таяу жылдарға арналған маңызды басымдықтарының бірі ретінде белгілеп берді және мемлекеттік органдардың оны іске асыру жөніндегі қызметінің негізгі басымдықтарын айқындады. Мемлекеттік әлеуметтік саясат Қазақстан Республикасы

Конституциясының нормаларына және халықаралық міндеттемелерге сәйкес физикалық, зияткерлік, рухани, адамгершілік және әлеуметтік тұрғыдан баланың толыққанды дамуын қамтамасыз етуге бағытталған.

Қазақстан Республикасы сыртқы саясатының 2014–2020 жылдарға арналған тұжырымдамасының 8-тармағының 1-тармақшасына сәйкес Қазақстан Республикасы сыртқы саясаттың гуманитарлық өлшемін дамытуға басым мән береді. Осыған байланысты Қазақстан шетелдерде болатын Қазақстан азаматтарының, сондай-ақ шетелдіктер асырап алған, шет елдерде тұратын қазақстандық балалардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау жұмысын күшейтеді [11].

Қазақстан аумағында нормалары қолданыстағы бала құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау саласындағы аса маңызды халықаралық құжаттарға Балалар құқықтарын қорғау жөніндегі конвенция [12] және Балаларды қорғау және баланы шетелдік асырап алуға қатысты ынтымақтастық туралы конвенция жатады.

Шетелдік азаматтар асырап алған қазақстандық балалардың құқықтарын халықаралық деңгейде қорғауда 1993 жылғы 29 мамырда Гаагада қабылданған Балаларды қорғау және баланы шетелдік асырап алуға қатысты ынтымақтастық туралы конвенцияны ратификациялаудың [4] маңызы ерекше болды. Оның 2010 жылы 1 қарашада заңды күшіне енуінен кейін республикамыздың балалардың құқықтарын қорғау мәселелерінде құзыреті арта түсті, себебі құжат балаларды қабылдайтын мемлекеттерге жауапкершілік жүктейді және баланың одан арғы тағдырын бақылауға мүмкіндік береді. Конвенцияның елімізде кеш ратификациянуының себептері АҚШ тарапының аталмыш конвенцияны ратификациялауын күтуімен байланысты болды, себебі қазақстандық жетім балаларды АҚШ елінің азаматтары көбірек асырап алады.

Гаага конвенциясында БҰҰ-ның Бала құқықтары туралы конвенциясының бала асырап алуға қатысты баланың құқықтары жөніндегі ережелері нақтылана түсті және мұндай бала асырап алудың бірқатар жаңа ережелері бекітілді, мысалы, бала асырап алуды тану (23–26 б.) және оның құқықтық салдары (2-баптың 2-т., 26, 27-б.), Конвенцияға сәйкес жиналған және табысталған жеке мәліметтерді тек тиісті мақсатта пайдалану туралы (30 және 31-б.) және т.б. Конвенция нормаларының қатысушы-мемлекеттің ұлттық заңнамасымен (28-б.) және халықаралық шарттармен (39-б.) қатынасы жөніндегі, өз аумағында екі және одан да көп құқық жүйесі бар мемлекеттердің Конвенцияны қолдану жөніндегі ережелері (6, 36–38-б.) ерекше маңызға ие.

Конвенцияны ратификациялағаннан кейінгі маңызды жаңашылдықтардың ішінде бала асырап алу бойынша агенттіктерді аккредитациялау үдерісі болып табылады (бұл халықаралық тәжірибеде бар). Аккредиттелген агенттіктердің шетелдіктер асырап алған қазақстандық балалардың өмір сүруі, тәрбиесі, денсаулық жағдайы жөнінде есептерді уақытылы тапсырмағаны үшін жауапкершілік шегі анықталды. Осы туралы нормалар ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы кодексінің 114-бабының 4-бөлімінде қарастырылады.

Бұрын шетел азаматтарының мүдделерін көбіне кездейсоқ адамдар білдіріп келген болатын, олардың қызметтері біздің заңнамамен реттелмейтін, бейберекет сипатта болатын және әр түрлі теріс пайдаланушылыққа жол беретін. Мұндай «дербес асырап алу» тәжірибесі Гаага конвенциясында көзделген қауіпсіздік шаралары жүйесіне сәйкес келмейді. Мұндай теріс жағдайларды жою үшін, бала асырап алу үдерісінің тазалығы мақсатында агенттіктерді аккредитациялаудың арнайы ережелері дайындалды.

Аккредитацияны енгізу «дербес асырап алуды» жоя отырып, шетелдік бала асырап алу үдерісінің тазалығын сақтауға, мүмкін болатын жемқорлық әрекеттерінен азат болуға, бала саудасы мен өзге де қиянатты әрекеттерді болдырмау мақсатында мемлекеттер арасында әріптестіктің мүлдем жаңа жүйесін қалыптастыруға жол ашады.

Гаага конвенциясы аясында АҚШ, Бельгия, Испания және Франция елдеріндегі контрсеріктестермен жедел ақпарат алмасу бойынша жұмыс топтарын құру туралы және бала құқықтарын бұзудың әрбір жағдайы бойынша құқықтық көмек көрсету туралы келісімге қол жеткізілді [13].

Аккредиттелген агенттіктер бала асырап алғаннан кейінгі есептерді тапсыруға міндетті. Агенттіктердің және олардың филиалдарының қызметіне ҚР Сыртқы істер министрлігі, ҚР Білім және ғылым министрлігінің Балалар құқықтарын қорғау комитеті, сондай-ақ тиісті құқыққорғау органдары бақылау жасайды. Қандай да бір құқықбұзушылық жасаған жағдайда Қазақстан аумағында агенттік филиалының қызметі тоқтатылады. ҚР Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы

кодексінің 113-бабының 5-бөлімі бойынша Агенттіктің филиалдары және (немесе) өкілдіктері мынадай жағдайларда:

1) балаларды асырап алу жөніндегі қызметін агенттіктің құрылтай құжаттарына сәйкес жүзеге асырмаса;

2) агенттікті аккредиттеу туралы шешімнің қолданылуын тоқтата тұруға әкеп соққан бұзушылықтарды бір ай ішінде жоймаса;

3) агенттіктің филиалы және (немесе) өкілдігі қызметін тоқтату туралы өтініш берсе;

4) агенттікті аккредиттеу туралы шешімнің қолданылу мерзімі өтсе және аккредиттеу мерзімін жаңа мерзімге ұзарту мүмкін болмаса, өз қызметін тоқтатады.

Жоғарыда келтірілген құқықтық механизмдер шетелдіктердің қазақстандық балаларды асырап алғанынан кейін олардың (балалардың) қоныс аударған мемлекетте өмір сүруі жағдайына, денсаулығына, білім алуы мен тәрбиеленуі жағдайына халықаралық деңгейде бақылау жасауға мүмкіндіктер берді.

Соңғы жылдары ұлттық заңнамамыздың шетелдіктердің бала асырап алуы саласында болған өзгерістерден кейін шетел мемлекеттері азаматтарының қазақстандық балаларды асырап алу фактілері азайды. ҚР Білім және ғылым министрлігінің Балалар құқықтарын қорғау комитеті соңғы мәліметтері бойынша, 2013 жылы шетелдіктер барлығы 66 қазақстандық баланы асырап алған. Асырап алушылар Испания, Италия, Бельгия, Германия, Канада және Швеция елдерінің азаматтары. Мақаламыздың басындағы 1999 жылдан бергі шетелдіктердің бала асырап алуы статистикасымен салыстырсақ, көрсеткіштер бірнеше есеге төмендеген. Бұл бірінші кезекте «дербес бала асырап алу» институтының жойылуымен, сондай-ақ шетелдік бала асырап алу істері бойынша қызмет ететін агенттіктерді аккредитациялау талаптарының күшеюімен байланысты. Сонымен қатар бұл жағдайға Қазақстан Республикасы азаматтарының бала асырап алу процедурасының жеңілдетілуі де ықпал етті. Аталмыш өзгерістер шетелдіктердің бала асырап алуы саласындағы үдерістердің тәртіпке түсірілгенін көрсетеді.

Дегенмен, шетелдіктер асырап алған балалардың құқықтары мен мүдделерін қорғаудың халықаралық-құқықтық механизмдерін күшейту мақсатында:

- бала құқықтарын қорғау саласында халықаралық-құқықтық нормалар мен ұлттық заңаманы сәйкестендіру бойынша қызметті одан әрі жалғастыру керек;
- Қазақстан Республикасымен тең мәнді халықаралық міндеттемелері бар мемлекеттердің Прокуратура органдарымен Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы арасында халықаралық деңгейдегі ынтымақтастықты нығайту керек деп санаймыз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Звеков В.П.* Международное частное право: Курс лекций. — М.: Норма-Инфра, 2000. — С. 364.
- 2 *Айманова Н.* Международное усыновление. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/10959>
- 3 *Кашевский В.А.* Международное частное право: Учебник. — М.: Междунар. отношения, 2006. — С. 543.
- 4 Балаларды қорғау және баланы шетелдік асырап алуға қатысты ынтымақтастық туралы конвенцияны ратификациялау туралы: Қазақстан Республикасының 2010 жылғы 12 наурыздың № 253-IV Заңы. — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000253_
- 5 Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі. — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518>
- 6 *Жұмжумина А.* Аружан Саин против запрета на усыновление казахстанских сирот иностранцами. — [ЭР]. Режим доступа: http://tengrinenews.kz/kazakhstan_news/arujan-sain-protiv-zapreta-usynovlenie-kazahstanskih-sirot-250847/
- 7 Бас прокурор Асхат Дауылбаевтың жетім балаларды және ата-аналарының қамқорлығысыз қалған балаларды асырап алу мәселелері туралы алқа отырысындағы сөзі (Астана, 2014 жылғы 21 ақпан). — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: <http://prokuror.gov.kz/kaz/baspasoz/akparaty/bas-prokuror-ashat-daulbaevty-n-zhetim-balalardy-zhne-ata-analargynyn-kamkorlygysyz>
- 8 Семейная пара в США осуждена за насилие над детьми из Казахстана. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.nur.kz/282920.html>
- 9 Эке-супруга Майкла Дугласа показала удочеренную в Казахстане девочку. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4483343-jeks-supruga-majjkla-duglasa-pokazala.html>
- 10 Қазақстан Республикасының Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың «Қазақстан – 2050» Стратегиясы: қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» Қазақстан халқына Жолдауы. — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: http://www.akorda.kz/kz/category/gos_programmi_razvitiya
- 11 Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.mfa.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontsepsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg>

12 Бала құқықтары туралы Конвенцияны ратификациялау туралы Қазақстан Республикасының Жоғарғы Кеңесінің 1994 жылғы 8 маусымдағы Қаулысы. — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/B940001400_

13 Правчас в Мажилисе: о реализации Концепции внешней политики Казахстана на 2014–2020 годы. — Астана, 16 февраля, Дом Мажилиса. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/news-details/id24080/1/1>

С.А.Балтабаев

Некоторые проблемы усыновления детей иностранцами в Республике Казахстан

В статье автор рассматривает правовые механизмы усыновления детей иностранцами в Республике Казахстан. Проанализированы проблемы осуществления контроля за соблюдением и защитой прав усыновленных казахстанских детей в иностранных семьях.

S.A.Baltabayev

Some issues of adoption of children by foreigners in the Republic of Kazakhstan

In this article author considers legal mechanisms of adoption of children by foreigners in the Republic of Kazakhstan. The article also analyzes the issues of realization of control over supervision and protection of adopted Kazakhstani children's rights in foreign families.

References

- 1 Zvekov V.P. *The Private International Law. The course of lectures*, Moscow: Norma-Infra, 2000, p. 364.
- 2 Aymanova N. *The International Adoption*, [ER]. Access mode: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/10959>
- 3 Kashevski V.A. *The Private International Law: Textbook*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006, p. 543.
- 4 About ratification of the Convention on Protection of Children and Co-operation in Respect of the International Adoption Law of the Republic of Kazakhstan dated in March, 12, 2010, No. 253-IV, [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000253_
- 5 About the Marriage (Matrimony) and Family. The Code of the Republic of Kazakhstan dated in December, 26, 2011 No. 518-IV, [ER]. Access mode: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518>
- 6 Zhumzhumina A. *Aruzhan Sain against the ban of adoption of the Kazakhstan orphans by the foreigners*, [ER]. Access mode: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/arujan-sain-protiv-zapreta-usynovlenie-kazahstanskih-sirot-250847
- 7 Speech of the General Prosecutor Askhat Daulbaev at the meeting of the General Prosecutor's Office on the adoption of orphans and children left without the parental care (Astana, February, 21, 2014), [ER]. Access mode: <http://prokuror.gov.kz/kaz/baspasoz/akparaty/bas-prokuror-ashat-daulbaevty-n-zhetim-balalardy-zhne-ata-analarynyn-kamkorlygysyz>
- 8 The couple in the United States is convicted of child abuse from Kazakhstan, [ER]. Access mode: <http://www.nur.kz/282920.html>
- 9 Michael Douglas' ex-wife showed the adopted in Kazakhstan girl, [ER]. Access mode: <http://www.zakon.kz/4483343-jeks-spruga-majjkla-duglasa-pokazala.html>
- 10 Message by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N. Nazarbayev «Strategy Kazakhstan – 2050»: the New Political Course of the Established State», [ER]. Access mode: http://www.akorda.kz/kz/category/gos_programmi_razvitiya
- 11 The Foreign Policy Concept for 2014–2020 of the Republic of Kazakhstan approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated in January, 21, 2014 № 741, [ER]. Access mode: <http://www.mfa.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg>
- 12 About the ratifications of the Convention on the Rights of the Child Decree of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan in July, 8, 1994, [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/B940001400_
- 13 Government hour in the Majilis: about the implementation of the concept of the foreign policy of Kazakhstan for 2014–2020. Astana, February, 16, the House of the Majilis, [ER]. Access mode: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/news-details/id24080/1/1>

Sh.R.Mulkubaeva, G.A.Ilyassova

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: shynara_999@mail.ru)*

The theory of the legal entity in civil law: concept and value

The problems of definition of concepts and construction of the legal entity, its signs, history of development of institute of the legal entity, formation of concept of the legal entity in historical aspect and value of the legal entity in modern civil legislation are considered in this article. The legal entities are formed in many spheres of public and economic activity. Authors, analyzing the concept and value of the legal entity, come to conclusion that the legal entity is independent and property isolated subject having the rights and duties, his founders, as a rule, don't answer on its debts.

Key words: Civil law, legal entity, concept of legal entity, value of legal entity, historical aspect, founders.

The beginning of history of the concept of a legal entity should be attributed to the early Middle Ages.

As indicated in the literature, the ancient Romans had a well-developed system of beliefs about legal person in relation to an individual [1; 209].

The concept of the same union was generated in public law as applied to the state, and thereby, the concept of Union (corporation) existed among the Romans only in public, and the notion of the person - only imperious law of [2; 141].

As the unions have property interests and participate in property turnover (ie, were the objects of Private Law), Roman law equated their legal position to persons and the category of the legal person is not used at all.

Whereas, according to L.L. Gervagen «the whole system of the Roman civilized life is significantly determined by the beginning of the individual and at the same time especially relations of every citizen, the picture of medieval life give us a totally opposite traits» [3; 127]. There is not a single person having legal capacity and Union (Corporation).

«The whole life — wrote N.L.Duvernoy, could be described below, opposite the Roman, impersonal feature, where a known and standing nature relations determined by man's belonging to the union, the continuity from generation to generation» [4; 87].

Under these conditions, the task of jurisprudence and legislation are to determine the most right of association and the attitude towards them individual rights, of persons concerned than the rights of individuals as independent units in the hostel.

The medieval glossators developed the concept of the corporation (*universitas*) as a union, recognized by the State as a subject of rights, and their successors, canonists, distinguished in this connection the concept of «face» and «man» and began to talk about the nature of that person.

One of the first interpretations of the notion of a legal entity gave Pope Innocent IV. He wrote in 1245 that a legal entity exists only in concept and thanks to fiction, it is not endowed with the body, and therefore does not possess will. Only members can act, but not the corporation because the corporation can neither to commit crimes or be Excommunication (*impossibile est, quod universitas delinquat*) [3; 89].

French bourgeois revolution of 1789, fighting the caste-guild system of feudal society and wanting to ensure the triumph of the principle of individual freedom, forbade any corporation formed on a professional basis, and kept authorization procedure for the formation of corporations that seek to profit. It was essentially limited number of legal forms of the latter. For this reason, the category of the legal entity for several decades has dropped out of the scientific revolution, and was not used in the legislation. French Civil Code (Code Napoleon), which to this day, does not use the concept of a legal entity.

The entire first half of the XIX century. corporations in France and to a large extent in the rest of Europe were created solely in the permitting procedure (registration procedure for the establishment of joint stock companies was introduced in France by the Law of 24 July 1867). The latter third of the century, as noted Duguit was noted in Europe, particularly in France, socialists' emergency traffic intensity, spread to all manifestations of human activity [5; 119].

Accordingly, the end of the XIX century. and the first decades of the XX century. characterized by an active scientific understanding of the phenomenon of the legal entity. The first major scientific study of the

concept of a legal entity was made F.K Savigny in the middle of the XIX century. and went down in history under the name «theory of fiction».

Otherwise its name — the «theory of impersonation». This theory has had a powerful influence on subsequent research and in certain embodiments, is in use today.

Causes of this theory revealed N.L Duvernoy, «If Roman thought clearly imagined the possibility of combining the individual, specific capacity with a person, it is as easy and breaks this bond, reduces man to the category of things or giving personal possession, where the individual is the owner, cannot be called» [4; 128].

Modern thought does not allow this gap, being relegated to the category of human things. But outside of a single person modern civil law is difficult to get along with the concept of face. «By linking the concept of individual time with props and reasonableness will the ability subject, our lawyers, philosophers, theorists have closed their way to explaining the whole range of civil legal effects going beyond the capacity of the individual. Meanwhile, the forms of such legal capacity and personality of collective units, unions, property complexes not only scarce, but infinitely more abundant in us than in Rome» [6; 331].

From this it follows logically are «theory fictions»: because, on the one hand, will, consciousness, i.e., properties entity which has the only person individual human being, and on the other hand, life gives many examples of how property rights do not belong to the individual, and the union of people, corporations, the legislator recognizes the corporation personality traits of the subject.

In other words, the corporation is embodied, personified. In this case, the legislator is aware that a corporation cannot be a person, i.e., resort to fiction. «The theory of impersonation» was perceived by the legislation and at the same time been friendly criticism from lawyers. Weaknesses of this theory are obvious: a fiction resorted to only as a result of a temporary lack of sufficient legal technology. If we consider the corporation as a person, so she does not become a person. L.L. Gervagen cleverly reveals the essence of contradiction «theory fictions»: «Question: who is the subject of negro at the corporation? A: The contact with her as with an individual» [3; 131].

But it does not answer the question, says L.L. Gervagen. In addition, there are no limits to impersonate, in addition to the limits of human imagination. Finally, as he wrote E.N Troubetzkoy, «fiction is a fiction, the assumption of something non-existent, meanwhile, attributing rights institutions and corporations, we do not have to invent something non-existent: connecting people in the community, pursuing certain goals, as does the institution with defined functions are very real values» [7; 174].

Once the «subject of rights» — does not the same thing as people, institutions and corporations to name entities - does not mean to create fictions.

Criticized the «theory of fiction», however, gave rise to a number of other doctrines, one way or another is used to explain the concept of a legal entity category. Among them is the idea of impersonation property (K. Belau), the essence of which lies in the fact that the property that serves a specific purpose, for the benefit of the people, by playing the role of actions of the person.

Accordingly, this theory is applicable to the same criticism as the main «theory of fiction».

A number of scholars in the study of this problem, we propose to do without cinate persons subject (A.Brints et al.). There are rights relating to the purpose; legal entities may be allowed (for example, inheritance). Legal entity from the point of view of these scientists have lasting state property management, separate from all other assets. The criticism of this theory is the fact that the subjective right is impossible without a subject, which can only be a man, for objective law regulates relations between people, rather than the relationship between people and not between individuals and not individuals.

In addition, representatives of this theory also cannot do without the use of fictions.

Some scientists have solved the problem of the legal person by a denial of the legal entity. For Example. R. Iering and his followers (in Russia, in particular, N.M Korkunov), based on the fact that the support of the right may be the only person believed that a legal person — no more than a way of existence of the legal relationship of persons within its composition (destinators right).

Purpose entities, wrote N.M Korkunov — the same human interests, but common to a certain group of people, their activities — members of the legal entities (people), or their representatives, their field — the will of individuals. Therefore, the legal rules in place to distinguish between identical interests of a number of individuals considered homogeneous interests as a whole, as one of interest, and the group itself — as a subject of legal relations, legal entity. This is nothing more than a special technique that simplifies the relationship with the people concerned.

In response E.N. Trubetskoy reasonably argued that the number of legal entities there are those who exist independently of the will of the persons, entering into their composition. In addition, members of the legal

person are constantly changing, but its essence remains. Even if all existing members of that person died, the legal entity would exist and retained their rights [7; 178].

Y.S. Gambarov after the French scientist M. Planoles, denied the existence of several legal entities from other positions: the position that man can be the subject of rights, does not mean that every law must be provided not only as an individual: a form of vesting can be both individual and collective. However Y.S. Gambarov referred to Planiol, according to which, under the name of the legal entity it is necessary to understand the collective property, taken apart from the other and consisting in a non-private property the possession of more or less large group of people. These fictitious entities do not exist even fictitiously... Need the myth of a legal entity to replace a positive concept, which can only be collective property».

On this basis, Y.S. Gambarov ruled out the theory of a legal entity from the teachings on the subject of law, and toss it in the doctrine of public possession of [8; 445].

In the analysis of this theory are convinced that it is independent from the will of its creators we have another fiction: if there is a collective form of ownership of property, other than individual ownership (collective property), it inevitably raises the question of the subject (or subjects) of this possession. The circle is closed.

By some authors the problem of the legal entity was solved by denying the real existence of not only legal, but also individuals as subjects of rights: they both have a clean legal abstraction. For Example, E.N. Trubetskoy, claimed: «a Legal person is not alive, but normative created the norm» [7; 179].

A special place in doctrines of legal entity is the concept of its existence as a real entity with real social relations. This idea became widespread in Germany (O. Guirec., Dernburg, Regelsberger) and France (L. Misha, P. Solal).

The founder of the organic theory of the legal entity Acting Guirec argued that a legal entity is a special body-spiritual body, the Union of the personality. This is not a product of law and order, and a real body, on which the state influences, but does not call for life [9; 358].

Organic theory comes from the fact that all of collectivity that satisfy the known actual conditions, are legal entities. Any legal entity needs the will to exercise their rights, where there is no will, there is no law. Meanwhile, the real will exist only in humans, so only human individuals and can Express the zero collective entities, and it is possible, if the latter have the appropriate authorities. In this construction the body is nothing, as an individual, passing outside the will of the collective entity. Collegiality in the legal sense are nothing without their bodies. Between the collectivity and the body there is no legal relationship, as they represent a single person. There is one legal entity, collectivity, organized, thinking and willing through their bodies.

This theory has been criticized, and its opponents have advanced various charges, for example, that this theory instead of the «theory of fiction» Savigny puts «another, even more artificial and giving medieval scholasticism fiction of the real existence of those aggregate of persons and property, in which the unity of will and many have nothing more than the sum of individual wills». There were accusations and the «biologization of a legal entity» [10; 358].

Despite criticism, proponents of the idea About. Guirec developed it within the so-called realist theory. In particular, L. Misha and R. Saleilles pointed out: that the human collective has turned into an independent entity, different from the sum of the individual components required: a) the staff of the permanent interest, other than the individual interests of its members; b) the organization concerned, are able to identify the collective will, to represent and protect the common interest; C) the inclusion of staff in the legal environment [11; 299].

Close to this interpretation of the signs of a legal entity or of the conditions of existence of the legal person" gave E. N. Trubetskoy (although, as already noted, he did not support the organic theory). In his opinion, such conditions include: 1) a goal that cannot be achieved by the efforts of individuals and requires joint efforts of several persons; and the goal should be a continuing, constant; 2) the availability of material of the substrate, i.e., those actual conditions, without which there can be achieved a common goal; 3) legal recognition by external legal authority, and this authority is not necessarily a state.

As the material of the substrate, by E.N. The Trubetskoy can act as either property or person, or both. You cannot talk about the existence of the legal person, having neither members nor property, asserted E. N. Trubetskoy, although you may experience it without cash members, i.e., only in the presence of the property. With regard to legal recognition, it is, according to E. N. Trubetskoy, it is possible not only from the state, making occurs the phenomenon of «illegal legal entity» [7; 174].

The modern doctrine of the legal personality of corporations in General is based either on the «theory of fictions» or organic (realistic) or positivist theories of legal entity, almost not making anything new in any of

them. However, as it may seem paradoxical, still exists today multiplicity of theories of legal entity does not adversely influence the practice of its functioning. The original goal of that faced by researchers of the phenomenon of legal persons, the rationale for the delineation of the property (and the consequent identification of the different property rights, duties and responsibilities of the Corporation and members of this Corporation, as well as third parties. It is the generality of the above goal despite the confusion, combines the theory of the legal entity and allows all of them, in the words of C. N. The Bratus, «perfectly serve the needs of the modern capitalist circulation» [12; 215].

Legal entity appears as the subject of both public and private law, entering into civil, administrative, criminal and labour relations, on its own behalf and is responsible within the framework of these relations in their own property. The challenge for the domestic legal science in the theory of the legal entity in the era of socialism seems to be completely insoluble.

As you know, our country has consistently pursued the idea of the national economy as a single, managed from a Central state-owned enterprises, is included as a link in the apparatus of the state. Under such conditions, strictly speaking, in the country there is only one entity, one entity — the state and private enterprise are the only special economic agencies of the state.

The body has no personality, for he is one with the education, whose organ he is, does not and cannot have any of their individual goals and interests, and its function is that through it operates, according to L. Dugi, «collectivity».

Thus, the body is never a person who has not its own right, but only competence.

However, over time it was found that within this huge state of the syndicate at the abundance of vertical hierarchical relationships can not do without direct horizontal relations between individual economic agencies of the state.

The need arose in the definition of legal personality (personality) of these bodies in relations with individuals selling their ability to work (labour legal personality).

In the period of the NEP was nominated several concepts of public trust as a legal entity, and they all, one way or another, tried to apply traditional approaches to this concept in the context of Soviet economic reality. These are: a) separate centers of civil rights and obligations; b) a kind of private enterprise, built on the model of capitalist enterprises, the rights of shareholders in which the Supreme economic Council; C) the personalized part of state property.

According to E.A. Vlasic, the legal personality of the state is personified not the property, namely, the state authority as an economic organization. But as a legal entity can only be the owner of the property, trusts and other government organizations are emerging, but still «immature» legal entities.

Thus, the question of the concept and essence of the legal entity is one of the most complicated problems of the bourgeois legal theory, particularly the theory of civil law. The problem of the legal entity the subject of many publications in scientific journals and monographs of civilistas different historical periods and countries. Created a huge number of theories that attempt to reveal the nature of the legal entity, to find him «substrate», to define the concept of law and the relationship of this concept with the notion of an entity.

Recognizing the vast majority of legal entity legal entity, bourgeois lawyers in their research, they inevitably face the question of whether it should be considered as a subject of law and what is subjective rights. A variety of methodological attitudes of the individual authors in addressing the General question of the subject of law to a considerable extent and causes a variety of theories of legal entity. The causes of the Institute of legal entity, as the causes and evolution of the law due to the complexity of the social organization of society, the development of economic relations and, in consequence, of the public consciousness. In the development process of the society of legal regulation of relations involving only individuals as the only subjects of private law was insufficient for developing economic turnover. Lawyers of the Roman Republic discussed the idea of the existence of unions, which had inseparable, separate property and acted in civil circulation on its own behalf. The concept of «legal person» was unknown to Roman lawyers, and its essence they were not studied, but the idea is to expand the circle of subjects of private law through special organizations, unions of citizens, we are obligated Roman law [1; 358].

In the Middle ages presentation on legal entities were still under the influence of the doctrines of Roman law. However, in this age and in the New time structure of the legal entity has been further developed and as a result of the accumulated experience of regulation of relations with the participation of legal entities - the creation of the civil and commercial codes of the nineteenth century. The development of the economy in the late nineteenth century led to the development of the doctrine of legal entities — there was the original research of the problems of legal persons Is the Institute of legal entities increased in the twentieth century.

This growth was driven by infrastructure complexity and internationalization of business activities, expansion of government intervention in the economy and the emergence of new information technologies. Due to this significantly increases the amount of legislation on legal entities, as well as improving its quality. The improvement of this important and complex social institution, as a legal entity, is almost impossible without serious research. Such studies were conducted throughout the history of legal entities and in the nineteenth century led to the creation of a number of fundamental theories.

The question of who or what is the media properties legal personality is defined as the basic scientific problem, which, in turn, causes the most debate. Soviet legal science has paid serious attention to the study of the theory of the legal entity. In 40–50-ies was created a number of works that laid the Foundation for the modern understanding of this Institute. At that time attention was focused on the study of the legal person state-owned enterprises, however, are made at the same time, the findings have significant scientific and methodological value today. The simultaneous existence of many different theories of legal entity it is possible to explain the great complexity of this legal phenomenon. At different stages of economic development at the forefront some other signs of a legal entity, depending on which of the functions of this Institute prevailed at this stage, the development of scientific attitudes reflected, in General, and reflects the evolution of the institution of a legal entity.

To the question what are the objectives of the legislative regulation of the status of legal entities today, the answer can be given, based on analysis of those functions carried out by the Institute of legal entity:

1. Design collective interests. Institute of legal entity in a certain way organizes, arranges internal relations between members of the legal entity, transforming their will to the will of the organization as a whole, allowing it to function in civil circulation on its own behalf.

2. The pooling of capital. Legal person, in particular this kind of as a joint stock company, is the best form of long-term centralization of capital, which is unthinkable without large-scale entrepreneurial activities.

3. Limiting business risk. The design of the legal entity allows you to restrict proprietary risk of the participant by the amount of contribution to the capital of a particular legal entity.

4. The management of capital. Institute of legal entity creates the Foundation for a more flexible use of capital owned by the same person, in different areas of business. Established legislation on legal entities, the securities and exchanges is one of the means of wealth management in the entire country and therefore is a powerful factor of self-regulation, self-organization of a market economy, contributes to the internationalization of economic life (Appendix a).

The legal definition of a legal person enshrined in paragraph 1 item 33 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: «a Legal person is an organization which has the right of ownership, economic jurisdiction or operational management of separate property and meets this property for its obligations, may on its own behalf, acquire and exercise property and personal non-property rights and obligations, and be a plaintiff and defendant in court. A legal entity must have its own balance sheet or budget (Annex B).

The definition is more than traditional. Compare, legal entities recognized organizations that have separate property, may in its own name acquire property and personal non-property rights and bear responsibilities, to be plaintiffs and defendants in court, arbitration or in the court of arbitration (article 23 of the civil code of the Kazakh SSR [13]). Another option: «a legal person is an organization, which owns full economic management or operational management of separate property, is liable for its obligations with this property and is in court, arbitration court or arbitration on its behalf. Legal entities may have had a social and moral rights and responsibilities» (paragraph 1 of article 11 were).

Thus, the proposed new Code, the definition in principle preserved the idea and the spirit as the civil code of 1963, and the basics of 1991. As before, we see mention of the possibility of acquiring a legal entity with rights and obligations on its behalf, if they have a legal standing. Also, following the principles in the definition of «moved» and rule on the liability of a legal entity separate property on its obligations. As noted by A.P. Sergeev, Y.K. Tolstoy, «...one is tempted to conclude that this definition, having stood the test of time, adequately reflects social realities. But is it really» [14; 215].

In our opinion, this definition is not the most successful, if only because it consists exclusively of signs (and external) and does not reveal the meaning, the essence of a legal entity. In the Civil Code of 1994, for the first time in the history of Kazakhstan law basically a codification of the civil law contains explicit system of rules on legal entities; didn't know the previous codification of both Soviet and pre-revolutionary periods. The code establishes the fundamental basic provisions on which is based the subsequent legislation on specific types of legal persons. This Code introduces absent in earlier legislation is extremely important for

the sustainability of civil turnover principle of a closed list of legal entities, according to which a legal entity can be created and maintained only in such legal form, which is directly provided for by law. For commercial organizations, the list of legal forms provided by the Code, for non-profit contained in the Code list may be supplemented by other laws, the rules of which, however, should not contradict the provisions of the Civil Code and to deviate from established principles. Thus, the subjects of civil relations, along with the physical act of a legal person (article 1 of the civil code of Kazakhstan).

To the question what are the objectives of the legislative regulation of the status of legal entities today, the answer can be given, based on analysis of those functions carried out by the Institute of legal entity:

1. Design collective interests. Institute of legal entity in a certain way organizes, arranges internal relations between members of the legal entity, transforming their will to the will of the organization as a whole, allowing it to function in civil circulation on its own behalf.

2. The pooling of capital. Legal person, in particular this kind of as a joint stock company, is the best form of long-term centralization of capital, which is unthinkable without large-scale entrepreneurial activities.

3. Limiting business risk. The design of the legal entity allows you to restrict proprietary risk of the participant by the amount of contribution to the capital of a particular legal entity.

4. The management of capital. Institute of legal entity creates the Foundation for a more flexible use of capital owned by the same person, in different areas of business. Established legislation on legal entities, the securities and exchanges is one of the means of wealth management in the entire country and therefore is a powerful factor of self-regulation, self-organization of a market economy, contributes to the internationalization of economic life (Appendix a).

The legal definition of a legal person enshrined in paragraph 1 item 33 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: «a Legal person is an organization which has the right of ownership, economic jurisdiction or operational management of separate property and meets this property for its obligations, may on its own behalf, acquire and exercise property and personal non-property rights and obligations, and be a plaintiff and defendant in court. A legal entity must have its own balance sheet or budget (Annex B).

The definition is more than traditional. Compare, legal entities recognized organizations that have separate property, may in its own name acquire property and personal non-property rights and bear responsibilities, to be plaintiffs and defendants in court, arbitration or in the court of arbitration (article 23 of the civil code of the Kazakh SSR [13]). Another option: «a legal person is an organization, which owns full economic management or operational management of separate property, is liable for its obligations with this property and is in court, arbitration court or arbitration on its behalf. Legal entities may have had a social and moral rights and responsibilities» (paragraph 1 of article 11 were).

Thus, the proposed new Code, the definition in principle preserved the idea and the spirit as the civil code of 1963, and the basics of 1991. As before, we see mention of the possibility of acquiring a legal entity with rights and obligations on its behalf, if they have a legal standing. Also, following the principles in the definition of «moved» and rule on the liability of a legal entity separate property on its obligations. As noted by A.P. Sergeev, Y.K. Tolstoy, «...one is tempted to conclude that this definition, having stood the test of time, adequately reflects social realities. But is it really» [14; 215].

A legal entity is organized, created and endowed with the rights and duties of the subject property relations. Founders (founders) of the legal entity form to be separate legal entity as the subject property relations from themselves. The practical significance of the Institute of legal persons for property in civil law relations that the founders of the legal entity have the ability to limit your business risk amounts, what they consider acceptable. A legal person is the bearer of new subjective rights, other than the subjective rights of the people behind the organization. Currently, it is a complex concept is in the process of historical formation, and its description change quickly depending on the economic condition of the country and scope. On the basis of the conducted analysis of current legislation of Kazakhstan proposed the following definition of a legal entity, revealing its essence and contains the necessary and sufficient set of attributes of a legal entity. This definition would match all listed in the legislation, the types of legal entities: «a Legal person is the notional subject (not material), created one or an arbitrary number of individuals for the implementation of certain founders (founders) of the target».

Thus, the problem of formation of the concept of a legal person from the past, caused some difficulties. At present, the legal definition of this concept is enshrined in the Civil code of RK, there is enshrined in the General provisions on regulation of activities of legal entities in Kazakhstan.

References

- 1 Римское частное право. Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. — М.: Юрайт, 2005. — 448 с.
- 2 Грешников И.П. Понятие юридического лица в гражданском праве и законодательстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Алматы, 1997. — 22 с.
- 3 Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. — М.: Книги по требованию, 2012. — 107 с.
- 4 Дювернуа Н.Л. Чтение по гражданскому праву. — СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1902. — [ЭР]. Режим доступа: <http://te.zavantag.com/docs/208/index-82495-1.html>
- 5 Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. — Изд-во: НИЦ ИНФРА-М, 2014. — 427 с.
- 6 Гражданское право России. Ч. 1: Учебник / Под ред. З.И. Цыбуленко. — М.: Юрист, 2008. — 734 с.
- 7 Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Учеб. пособие. — Изд-во: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. — 226 с.
- 8 Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1. — СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1911. — 793 с.
- 9 Хохлов Е.В., Бородин В.В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. — 1993. — № 9. — С. 71–78.
- 10 Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. — СПб.: Юрид. ин-т, 1998. — 183 с.
- 11 Кузнецов В. Конституция и права юридических лиц, природа государственной регистрации юридического лица. — М.: БЕК, 2004. — 642 с.
- 12 Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве // Понятие, виды, государственные юридические лица: Ученые труды: Вып. 12. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 364 с.
- 13 Гражданский кодекс Казахской ССР от 28.12.1963. (сравнительный анализ). — [ЭР]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K630001000_/links
- 14 Гражданское право. Том 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М.: Проспект, 2011. — 780 с.

Ш.Р.Мүлкібаева, Г.А.Ілиясова

Азаматтық құқықтағы заңды тұлға теориясы: ұғымы және мәнісі

Мақалада заңды тұлға құрамы, оның ұғымы мен белгілері, бұл ұғымның тарихи дамуына, заңды тұлғаның түсінігін тарихи қырынан қалыптасуы және қазіргі азаматтық заңнамада заңды тұлға мәнінің келелі мәселелері талданған. Заңды тұлғалар қоғамдық және шаруашылық қызметтің көптеген салаларында құрылады, бірақ осы институттың қажеттілігі мен маңызы, біріншіден, мүліктік қатынастардың субъектісін заңды тұлғаны құрған субъектісінен ажыратуға болатындығымен анықталады. Заңды тұлға бұл дербес және мүліктік оқшауланған құқықтар мен міндеттері бар субъект, оның құрылтайшылары, ережеге сәйкес, оның қарыздары бойынша жауап бермейді деген қорытынды жасалды.

Ш.Р.Мулькибаева, Г.А.Ильясова

Теория юридического лица в гражданском праве: понятие и значение

В статье рассматриваются проблемы определения понятий и конструкции юридического лица, его признаков, история развития института юридического лица, формирование понятия юридического лица в историческом аспекте и значение юридического лица в современном гражданском законодательстве. Отмечено, что юридические лица образуются во многих сферах общественной и хозяйственной деятельности. Авторы, анализируя понятие и значение юридического лица, приходят к выводу, что это самостоятельный и имущественно обособленный субъект, имеющий права и обязанности; его учредители, как правило, не отвечают по его долгам.

References

- 1 Roman private law, textbook, edit. prof. I.B. Nowicki and prof. I.S. Peretersky, Moscow: Yurayt, 2005, 448 p.
- 2 Greshnikov I.P. *The concept of legal linden in civil law and legislation*, author. Dis. ... candidate of legal sciences, Almaty, 1997, 22 p.

- 3 Gervagen L.L. *The development of the doctrine of legal entity*, Moscow: Knigi po trebovaniyu, 2012, 107 p.
- 4 Duvernua N.L. *Read on civil law*, SPb.: Printing house M.M. Stasyulevich, 1902, [ER]. Access mode: <http://te.zavantag.com/docs/208/index-82495-1.html>
- 5 Dyugi A.L. *Constitutional law. The general theory of the state*, Publ. house: NITs INFRA-M, 2014, 427 p.
- 6 Civil law of Russia. part 1: Textbook, edit. Z.I. Tsybulenko, Moscow: Yurist, 2008, 734 p.
- 7 Trubetskoi E.N. *Lectures on Encyclopedia of law. Proc. Allowance*, publishing house: printing association A.I. Mammoth, 1917, 226 p.
- 8 Gambarov Yu.S. *The course of civil law: Part total, 1*, Saint Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1911, 793 p.
- 9 Khokhlov E.V., Borodin V.V. *State and right*, 1993, 9, p. 71–78.
- 10 Trubetskoi E.N. *Encyclopedia of law*, Saint Petersburg: Yuridicheskiy institut, 1998, 183 p.
- 11 Kuznetsov V. *Constitution and the rights of legal persons, the nature of state registration of legal persons*, Moscow: BECK, 2004, 642 p.
- 12 Bratus' S.N. *Concept, kinds, public legal entities: Scientific works: 12*, Moscow: Legal publishing MYu SSSR, 1947, 364 p.
- 13 Civil Code of the Kazakh SSR dated 12.28.1963. (comparative analysis), [ER]. Access mode: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K630001000_/links
- 14 Civil law, 1, edit. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoi, Moscow: Prospekt, 2011, 780 p.

Н.Раззак

*Специализированный межрайонный суд по делам несовершеннолетних г. Астаны
(E-mail: nrazzak@mail.ru)*

Комиссии по делам несовершеннолетних в Республике Казахстан: правовая основа, задачи и эффективность деятельности

В статье отмечено, что среди органов, осуществляющих профилактическую работу с несовершеннолетними в Республике Казахстан, ведущую роль играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В ходе изучения правового регулирования деятельности названных комиссий автором выявлен ряд проблемных аспектов. В статье обосновывается необходимость пересмотра механизма формирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательного регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: правовое положение несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних, права ребенка, правовой статус несовершеннолетнего.

Построение правового и социального государства ставит на центральное место вопрос признания общечеловеческих ценностей, к которым относятся жизнь, права, свободы, интересы, честь и достоинство, здоровье личности. Именно это и обусловило закрепление в ст. 1 Конституции РК, что Республика Казахстан утверждает себя «...демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» [1].

На протяжении всего периода социально-экономических преобразований, проводимых в Республике Казахстан, дети оказались самой незащищенной социально-демографической группой населения. Анализ статистических данных показывает положительную динамику в отношении детей, оставшихся без попечения родителей. В частности, по состоянию на 1 января 2015 г. в Республике Казахстан проживают и воспитываются в 188 организациях системы образования, здравоохранения и социальной защиты населения 33 682 (2012 г. — 34785) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них 23 803 ребенка находятся в семьях под опекой и попечительством, на патронатном воспитании — 9 879 детей [2]. Однако и эти цифры нельзя назвать утешительными, поэтому в Республике Казахстан образована Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан (далее — Комиссия). Именно данная структура призвана обеспечить выработку предложений и рекомендаций по обеспечению реализации государственной политики в сфере защиты прав несовершеннолетних, профилактики нарушений их прав, минимизации беспризорности и безнадзорности.

Для выработки унифицированного направления и формирования комплексного решения проблем, связанных с выявлением, пресечением и профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних, противодействия росту беспризорности и безнадзорности среди детей, для обеспечения защиты их прав и законных интересов в 2001 г. Постановлением Правительства Республики Казахстан было утверждено «Типовое положение о Комиссии по защите прав несовершеннолетних». В данном нормативном документе были определены и конкретизированы правовой статус, функциональная направленность, компетенция и сфера деятельности Комиссии.

С введением в действие в 2015 г. нового административного и уголовного законодательства, расширившего применение к несовершеннолетним правонарушителям мер воспитательного характера, профилактическая роль комиссий по защите прав несовершеннолетних по устройству детей и подростков заметно усилилась. Значительно увеличилось количество рассматриваемых на их заседаниях дел.

В настоящее время в Казахстане осуществляют работу 214 комиссий. В их числе 14 комиссий областного уровня, 39 — городского, 161 — районного. Структура комиссий представлена следующими должностными лицами — председатель, заместитель председателя, члены комиссии и ответственный секретарь. Как показывает практика, Комиссии возглавляют заместители акимов областей, районов, городов по социальным вопросам, так как решение данных проблем находится в их компетенции. В свою очередь, членами комиссий приглашаются депутаты местных представительных ор-

ганов, представители правоохранительных органов, сотрудники отделов опеки и попечительства, образования, юстиции, здравоохранения, труда, культуры, общественных и иных организаций. Именно они могут принять действенные, результативные и незамедлительные решения по имеющимся проблемным аспектам.

В государстве имеется ряд государственных органов, деятельность которых носит профилактическую направленность в работе с несовершеннолетними. В системе данных органов Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав занимает центральное место. Данные комиссии признаны важным, значимым и функционально необходимым звеном действующей в Казахстане совокупности органов профилактики беспризорности, безнадзорности детей и пресечения правонарушений несовершеннолетних. Именно комиссии играют стратегически важную роль в ситуации, когда необходима нейтрализация имеющихся или назревающих ключевых социально опасных явлений в среде несовершеннолетних. Анализ имеющейся юридической научной литературы показывает исключительную роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав как центрального элемента в системе органов исполнительной власти, способного: оказывать влияние на формирование положительного общественного мнения; выявлять обстоятельства отрицательного характера, отражающиеся на развитии ребенка; оказывать правильное противодействие всем негативным обстоятельствам, для того чтобы помочь ребенку в становлении его как полноправного и полноценного члена современного общества; оказать помощь в реализации права на защиту [3; 101].

Нормативную основу функционирования Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав составляет ряд нормативных правовых актов Республики Казахстан:

- Конституция Республики Казахстан от 30 января 1995 г.;
- Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 18 сентября 2009 г. № 193-IV;
- Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV;
- Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» от 9 февраля 2015 г. № 285-V;
- Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» от 9 июля 2004 г. за № 591-11;
- Закон Республики Казахстан «О правах ребенка» от 8 августа 2002 г. за № 345-2;
- Положение «О Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан» от 24 мая 2007 г. № 415;
- Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан от 28 августа 1999 г. № 73;
- иные нормативные правовые акты Республики Казахстан.

Создание такой широкой нормативной основы несомненно является определенным достижением государственной политики в области защиты прав несовершеннолетних. Однако следует также решить вопрос о том, чтобы частью правовой системы Казахстана стали общепризнанные международные правила и стандарты:

- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985);
- Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990);
- Правила ООН, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы (1990);
- Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990) и др.

При использовании перечисленных международно-правовых документов следует внимательно изучить разницу между обязательными и необязательными международными правовыми нормами. Так, например, «Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (Пекинские правила), принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., очень важны, так как содержат минимальные стандарты, закрепленные в Конвенции о правах ребенка. Вместе с тем они необязательны, так как представляют собой только рекомендации. Объясняется это тем, что в этом законопроекте есть прямые ссылки на эти правила. Но Конвенция о правах ребенка — это такие же обязательные международные правила, как

Пакт о гражданских и политических правах, как Европейская конвенция по правам человека. Они обязательны к исполнению всеми казахстанскими судьями.

Наличие исчерпывающего законодательства, представленного Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях, законами и подзаконными актами, регламентирующими правовое положение, правовой статус, сферу компетенции и порядок деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, вселило большие надежды и уверенность в том, что комиссии станут именно теми органами, которые будут координировать деятельность всех государственных органов и социальных служб, занимающихся проблемами несовершеннолетних. Данные прогрессивные изменения произошли в современное время, несмотря на то, что долгие годы советского периода в Комиссии по делам несовершеннолетних попадало не более 30 процентов дел о правонарушениях несовершеннолетних. При этом среди них были и дела административного порядка, т.е. дела об административных правонарушениях несовершеннолетних в возрасте до 16 лет. Была предусмотрена процедура освобождения несовершеннолетнего правонарушителя судом, с применением к нему предусмотренных законодательством мер принудительного воспитательного воздействия. Суд также мог направить материалы дела о совершенном несовершеннолетним правонарушении в комиссию. В свою очередь, и сама Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав имела полное право самостоятельно рассматривать неправомерные действия подростков, а также право на самостоятельное рассмотрение случаев уклонения несовершеннолетних лиц от учебы и работы.

Прогрессивным шагом вперед в деле обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в Республике Казахстан является то, что на сегодняшний день РК ратифицирована Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.

Таким образом, можно констатировать, что в основе деятельности Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан лежит весьма солидная правовая база. Этими нормативно-правовыми актами должна руководствоваться Комиссия в рамках своей деятельности.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является консультативно-совещательным органом при Правительстве Республики Казахстан. Главной целью и основным направлением деятельности Комиссии является подготовка предложений и рекомендаций по таким вопросам, как обеспечение охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетних, разработка социально значимых программ профилактической направленности для противодействия правонарушениям несовершеннолетних, безнадзорности и беспризорности, их эффективной социализации и, конечно же, представление данных предложений заинтересованным министерствам и ведомствам, занимающимся проблемами, касающимися прав и интересов детей [4].

Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан на всех своих уровнях рассматривает весьма широкий диапазон вопросов в отношении правового положения несовершеннолетних в Республике Казахстан.

Основная часть проблемных аспектов на заседаниях Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан посвящена следующим актуальным вопросам:

- организация устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи, на патронатное воспитание и поиск иных альтернативных форм;
- разбор дел несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния;
- анализ положения несовершеннолетних, оказавшихся в сложной ситуации, оказание помощи в их социализации и реабилитации;
- разбор дел в отношении родителей/законных представителей, которые не исполняют, в силу определенных причин, своих обязанностей по воспитанию и обучению несовершеннолетних;
- поиск оптимальных форм трудоустройства несовершеннолетних, освобожденных из пенитенциарных учреждений и специальных организаций образования;
- выполнение решений Комиссии, принятых на предыдущих заседаниях.

В соответствии с функциями, которыми наделены комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, можно сказать, что они выполняют всю необходимую работу по защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Кроме того, на них возлагается общая организация претворения в жизнь намеченных планов работы с несовершеннолетними в определенном регионе и проверка их исполнения. В целях четкого выполнения возложенных на них функций комиссии долж-

ны заботиться о подборке и расстановке своих членов и общественного актива, о четком распределении между ними обязанностей. Поэтому в планах работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав важно указывать лиц, ответственных за их исполнение, что обеспечивает конкретность при проверке качества исполнения возложенных на членов комиссий функций.

Деятельность комиссий по защите прав несовершеннолетних по выполнению возложенных на них функций носит правовой характер. Выносимые ими постановления обладают юридической силой и подлежат обязательному исполнению. Они окончательны, т.е. не нуждаются в утверждении никакими другими органами. При этом необходимо указать и на то, что проверки исполнения деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав должны занимать центральное место, так как важно не только принять правильное и развернутое постановление, но и организовать необходимый контроль за его исполнением.

В числе основных функций, определяющих роль и юридическое значение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, в первую очередь, следует выделить функцию, которая заключается в обеспечении комиссиями оказания содействия несовершеннолетним в реализации и защите их прав, свобод и законных интересов. На наш взгляд, в широком понимании юридического значения данной функции ее можно назвать функцией комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по правовой защите и охране детства, так как она охватывает все стороны жизненных интересов несовершеннолетних.

Наряду со сказанным комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав наделены, согласно законодательству Республики Казахстан, рядом особых функций. В частности, должны регулярно информировать все заинтересованные структуры о складывающейся ситуации в сфере работы по профилактике правонарушений, беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. Кроме того, комиссии выявляют факты нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних и об этом также информируют всех заинтересованных лиц.

Своевременно предоставленная в соответствующие органы информация является залогом успеха в обеспечении дальнейшей деятельности государственных органов и социальных служб, занимающихся решением проблем несовершеннолетних. Важная роль своевременности подачи информации лицам, занимающимся проблемами несовершеннолетних, подтверждается объективной необходимостью оказания помощи несовершеннолетним, занимающимся бродяжничеством, оказавшимися беспризорными, совершившими правонарушения. На наш взгляд, такая информация оказала бы влияние на снижение подростковой преступности, предупреждение бродяжничества и беспризорности, искоренение фактов пьянства, наркомании, токсикомании, улучшение форм взаимодействия с государственными органами и общественными организациями, решение вопросов, связанных с трудоустройством несовершеннолетних, правильной организацией досуга.

Одним из важнейших и значимых направлений деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав становится выявление детей, находящихся в сложной жизненной ситуации, которая негативно отражается на состоянии их здоровья и представляет опасность для их жизни. Данная работа носит планомерный и систематический характер. Кроме того, комиссия выявляет и родителей (законных представителей), которые не исполняют своих обязанностей по содержанию, обучению, воспитанию несовершеннолетних, охране их жизни и здоровья. Большое значение придается процессу выявления тех родителей (законных представителей), чье воспитание отрицательно влияет на нормальное физическое, психическое и моральное развитие несовершеннолетних. Особняком стоит функция выявления родителей (законных представителей), которые жестоко обращаются с детьми. Именно такая работа служит профилактической основой мероприятий по противодействию безнадзорности, беспризорности и правонарушаемости детей и подростков, так как эти три элемента — тот наиболее значимый и негативный социальный фактор, игнорирование которого представляет собой опасность для всего современного казахстанского общества в целом.

Важнейшей функцией комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав является внесение в органы опеки и попечительства предложений о поддержке несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства. Государство защищает интересы несовершеннолетних, оставшихся без родительского внимания и попечения. В соответствии с действующим законодательством формами воспитания таких детей могут быть усыновление, опека и попечительство, патронат, семейные детские дома (приемные семьи).

Неоценима роль комиссий в принятии мер по защите прав детей от физического и психического насилия. Важность данной функции комиссий обусловлена ростом всех форм дискриминации, сексу-

альной и иной эксплуатации, а также от вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. Поэтому данная функция и позволяет характеризовать правовую сущность и социальную значимость комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав провели достаточно содержательную и объемную работу, о чем свидетельствуют статистические данные.

В первом полугодии 2014 г. оказана социальная помощь 45 517 несовершеннолетним, из них:

- 36148 детям из многодетных и малообеспеченных семей;
- 1357 детям из неблагополучных семей;
- 4766 детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;
- 1708 безнадзорным и беспризорным детям;
- 1335 детям с девиантным поведением;
- 203 детям, страдающих алкоголизмом и наркоманией [2].

Деятельность комиссий тщательно проанализирована. Можно утверждать, что основная часть вопросов посвящена:

- родителям, которые уклоняются от воспитания и содержания своих несовершеннолетних детей, — 1188 дел (18,3%);
- поиску альтернативных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — 1144 дела (17,7%);
- несовершеннолетним, деятельность которых носит противоправный характер, — 1028 дел (15,9%);
- трудоустройству лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, которые, испытывая материальные сложности, не могут продолжить обучение для получения специальности, — 194 дела (3%).

Именно деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их права позволила вернуть на обучение в школы более 800 детей, уклонявшихся от учебы; привлечь к уголовной ответственности более 200 детей, совершивших общественно опасные деяния; помочь трудоустроить более 1100 детей; направить на лечение от алкогольной, наркотической зависимости в лечебно-профилактические учреждения более 200 несовершеннолетних и т.д. [2].

За 2014 г. комиссиями проведена работа по лишению родительских прав около 600 человек. Кроме того, более полутора тысяч человек привлечены к административной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию детей [2].

Изложенное свидетельствует о том, что деятельность комиссий по защите прав несовершеннолетних отличается высокой степенью рациональной и эффективной организации, что позволяет им решать широкий круг проблем в отношении несовершеннолетних.

Но, тем не менее, следует отметить, что комиссиям необходимо уделять особое внимание проблемным задачам современного периода, таким как:

- а) осуществление систематического контроля органов, занимающихся профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних;
- б) сбор, анализ и обобщение статистических данных, характеризующих работу всех органов, занимающихся профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних;
- в) выявление проблем, требующих комплексного подхода, порой вмешательства различных ведомств и выработки рекомендаций для их решения;
- г) проведение мониторинга и выявление территорий с наиболее проблемными показателями и оказание им организационной, межведомственной, методической и практической помощи.

Кроме того, комиссии по защите прав несовершеннолетних, осуществляя свои полномочия на вверенных им территориальных единицах, сталкиваются со всевозможными трудностями при решении вопросов, связанных с проблемами несовершеннолетних. Так, например, значительные трудности возникают при решении вопросов, связанных с занятостью несовершеннолетних, организацией и проведением их досуга, а также при решении различных вопросов, связанных с проблемами охраны иных прав и свобод несовершеннолетних.

Нельзя не отметить, что комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав сведена на нет деятельность по трудоустройству и бытовому устройству несовершеннолетних. Отсутствует со стороны комиссий контроль за исполнением региональных планов по профилактике правонарушений, безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних. Комиссии не уделяют особого

внимания разработкам методических рекомендаций по совершенствованию деятельности государственных органов в рамках проведения профилактических мероприятий правонарушений подростков. Комиссии не организывают проведение социологических исследований по вопросам современного состояния правонарушений, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. В работе комиссии присутствует формализм, что, конечно же, влияет на качество тех функций, которые они призваны исполнять в системе профилактики правонарушений.

И в этом аспекте, в первую очередь, сказывается несогласованность нового законодательства Республики Казахстан, регламентирующего правовое положение несовершеннолетних (например, о браке и семье, об образовании, о занятости населения, о приватизации) и прав комиссий по защите прав несовершеннолетних, предоставленных им Положением «О Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан» от 24 мая 2007 г. № 415.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо отметить, что социальная ценность современных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав состоит, прежде всего, в охране общественных отношений, в которые вступают несовершеннолетние граждане нашей республики. То есть речь идет о том, что государством и казахстанским обществом на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав возлагается задача по охране всей системы общественных отношений, центральным звеном которых являются несовершеннолетние. Однако необходимо помнить и о том, что социально-ценностные возможности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав не беспредельны. Они имеют свои разумные ограничения, тем более в том случае, как это мы видим в объективной действительности, когда Типовое положение «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» не определило задачи этих органов. Полагаем, что основными и значимыми задачами комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав являются:

- координация работы всех органов, учреждений и организаций, занимающихся проблемами несовершеннолетних;
- обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних;
- организация работы по предупреждению безнадзорности, беспризорности и правонарушаемости несовершеннолетних;
- рассмотрение различных дел несовершеннолетних, в том числе и дел о совершенных несовершеннолетними различных правонарушениях;
- осуществление контроля над условиями содержания и проведением воспитательной работы с несовершеннолетними в учреждениях воспитательного и исправительного характера.

Представляется, что включение названного пункта в структуру нового Типового положения «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» во многом поможет в процессах совершенствования деятельности названных комиссий в вопросах, которые касаются всех сфер социальной жизни государства, где одними из субъектов возникающих правоотношений являются несовершеннолетние, остро нуждающиеся в оказании правовой помощи и защиты как со стороны государства, так и со стороны общественных структур.

Действительно, ввиду сложившейся ситуации возникла острая необходимость в пересмотре организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. На основании сказанного выше значительное место имеют факты, свидетельствующие о том, что в настоящее время нарушились отлаженные ранее взаимоотношения комиссий по защите прав несовершеннолетних с предприятиями, школами, учреждениями здравоохранения, спорта и т.д. Поэтому в условиях сегодняшнего дня первостепенной задачей Республики Казахстан является ускорение процесса разработки и принятия нового нормативного правового акта о комиссиях по защите прав несовершеннолетних, строго адаптированного к существующим социально-экономическим условиям современной Республики Казахстан, с обязательным учетом положительного опыта работы подобных формирований в зарубежных странах. В первую очередь следует пересмотреть механизм формирования комиссий по делам несовершеннолетних. Необходимо разработать принципиально новые подходы к кадровому составу комиссий. Для работы в комиссиях должны привлекаться на постоянной основе специалисты в области юриспруденции, психологии, менеджмента, социологии, не занятые на основном месте работы.

Список литературы

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с последующими изменениями и дополнениями). — [ЭР]. Режим доступа: <http://online.zakon.kz>
- 2 Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан — [ЭР]. Режим доступа: <http://bala-kkk.kz/ru/node/360>
- 3 *Кирюхин В.В.* Вопросы правового регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Проблемы правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Сб. науч. ст. — М., 2013. — Вып. 4. — С. 101–106.
- 4 Положение «О Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Казахстан» от 24 мая 2007 года № 415. — [ЭР]. Режим доступа: <http://online.zakon.kz>

Н.Раззак

Қазақстан Республикасында кәмелетке толмағандардың істері жөніндегі комиссия: құқықтық негізі, міндеттері және қызметінің тиімділігі

Қазақстан Республикасында кәмелеттік жасқа толмағандармен алдын алу жұмыстарын жүзеге асыратын органдар арасында жетекші рөлді кәмелетке толмағандардың істері және олардың құқықтарын қорғау жөніндегі комиссия атқарады. Аталмыш комиссияның қызметін құқықтық реттелуін зерттеу барысында бірқатар мәселелік қырлары анықталды. Кәмелетке толмағандардың істері бойынша комиссияны қалыптастыру тетігін қайта қарау қажеттілігі негізделді. Зерттеу нәтижелері бойынша кәмелетке толмағандардың істері және олардың құқықтарын қорғау жөніндегі комиссиялардың қызметін заңнамалық реттеуді жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

N.Razzak

Commissions on minor's affairs in the Republic of Kazakhstan: legal basis, tasks and effectiveness of activity

Among the bodies carrying out preventive work with juveniles in the Republic of Kazakhstan, the leading role played by the commission on juvenile affairs and protection of their rights. During the study of the legal regulation of these committees identified a number of problematic aspects. The article explains the need to revise the mechanism of formation of commissions for minors and protection of their rights. According to research proposals on improving legislative regulation of fees for minors and protection of their rights.

References

- 1 The constitution of the Republic of Kazakhstan of August 30, 1995 (with the subsequent changes and additions), [ER]. Access mode: <http://online.zakon.kz>
- 2 The interdepartmental commission on affairs of minors and protection of their rights at the Government of the Republic of Kazakhstan, [ER]. Access mode: <http://bala-kkk.kz/ru/node/360>
- 3 *Kiryukhin V.V.* *Problems of legal regulation and organization of activity of law-enforcement bodies of the Russian Federation*: collection of articles, Moscow, 2013, 4, p. 101–106.
- 4 The situation «About the Interdepartmental Commission on Affairs of Minors and Protection of Their Rights at the Government of the Republic of Kazakhstan» of May 24, 2007, 415, [ER]. Access mode: <http://online.zakon.kz>

УДК 343.14

Ч.Д.Кенжетаев

Академия экономики и права, Алматы
(E-mail: kuba07@inbox.ru)

**Явка с повинной как повод к началу досудебного расследования
в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан
(проблемы понимания)**

В статье рассматриваются вопросы несоответствия положений общей теории уголовного процесса фактическому состоянию норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, описывающих явку с повинной. Автор касается сложных вопросов определения критериев явки с повинной, ее элементов, детально описывает их, применяя дедуктивный метод исследования. По результатам исследования автор делает вывод о несовершенстве анализируемой нормы, необходимости изменения ст. 182 «Явка с повинной» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Ключевые слова: явка с повинной, доказывание, квалификация, вина, прием заявления о правонарушении, подозреваемый, процессуальный статус.

В период современного состояния подхода к реформированию законодательства в Республике Казахстан и рожденного в контексте такого подхода нового Уголовно-процессуального кодекса нельзя не коснуться яркого, на наш взгляд, примера существования норм, чье содержание вызывает вопросы сугубо функциональной возможности реализации общих идей в новом уголовно-процессуальном законе. При этом сама идея и такой элемент, как повод к началу досудебного расследования, будучи, казалось бы, узким моментом в категории поводов к началу расследования, гипотетически являются одновременно ущербными ввиду того недостаточного внимания, которое уделяется нормам, внешне относящимся к наименее значимым.

Изучению явки с повинной ранее уделялось внимание [1]. Однако, даже принимая во внимание то обстоятельство, что перечисленные труды — это большой объем предыдущих исследований, нельзя не учитывать тот факт, что любое новое законодательство способно значительно изменить теоретические воззрения на структуру явления, тем более, что такое является следствием существенного изменения структуры уголовно-процессуального закона в виде нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. В этой связи аналитическая работа по исследованию структуры норм, регулирующих те или иные отношения в новом уголовно-процессуальном законодательстве, во многом связана со сравнением отдельных элементов этих норм между собой и установлением логики их функционирования. Эта первоочередная задача зачастую нивелирует сравнительный анализ с трудами ученых, изучавших то или иное явление ранее. При этом такое нивелирование весьма логично, его конечный внешний вариант выражается в небольшом количестве сносок.

Тем не менее в рамках данной статьи было бы правильным коснуться основных точек зрения на сущность явки с повинной, что вызвано логикой аналитического процесса по герменевтической формуле «предназначение–смысл–понимание–понятие» [2; 213]. При этом трактовка понимания самой явки с повинной варьируется от сугубо уголовно-правового значения, с позиции которого явка с повинной — это обстоятельство, смягчающее наказание [3; 294, 178, 209], до специального уголовно-процессуального, под которым в целом принято понимать повод для возбуждения уголовного дела

[4; 317–322]. Кроме того, существует ряд точек зрения на сущность явки с повинной, которые имеют абсолютную авторскую интерпретацию данного правового явления. Так, к примеру, Б.Т. Безлепкина пишет, что «явкой с повинной можно считать ... заявление гражданина, которое касается ... преступления известного, но не раскрытого, когда лицо, его совершившее, не установлено следственным путем ...» [5; 209].

А.М. Баранов и П.Г. Марфицин полагают, что явка с повинной — добровольное обращение в правоохранительные органы с признанием в совершенном преступлении [6; 56].

По Большому юридическому словарю под редакцией А.Я. Сухарева «явка с повинной — добровольное личное обращение (явка) лица, совершившего преступление, с заявлением о нем в органы, производящие дознание, следствие, в прокуратуру, суд с намерением предать себя в руки правосудия» [7; 234].

Позиция Р.С. Белкина заключается в том, что «явка с повинной — добровольное личное обращение (явка) лица, совершившего преступление, с заявлением о нем в органы дознания, следствия, прокуратуру, суд с намерением отдать себя в руки правосудия» [8; 213].

Точка зрения А.М. Ларина заключается в том, что «явка с повинной от старославянского «явити» — объявлять, заявлять, докладывать) — признание в совершении преступления лица, не привлеченного к участию в деле по обвинению или по подозрению в данном преступлении. Я. с п. возможна как в форме непосредственного устного обращения к должностному лицу или в орган, уполномоченный возбудить уголовное дело, производить расследование, так и в форме письменного сообщения, направленного по почте или переданного через других лиц. Уголовное законодательство предусматривает Я. с п. как обстоятельство, смягчающее наказание, а при определенных условиях — так же, как основание освобождения от уголовной ответственности» [9; 428].

А.Ю. Шумилов, как известный специалист в области оперативно-розыскной деятельности, считает, что «явка с повинной — вид сообщения о преступлении. Добровольное личное обращение (явка) лица, совершившего преступление (в т.ч. в качестве соучастника), с заявлением о нем в правоохранительный орган или суд с намерением передать себя в руки правосудия и понести установленное уголовным законом наказание» [10; 121].

Заметим, что точек зрения на сущность явки с повинной в правовой науке более чем достаточно. Вместе с тем польза от анализа этих точек зрения с позиции исследования состояния данного явления в отечественном законодательстве минимальна. Во многом это связано с тем, что во всем противоречивом множестве мнений о явке с повинной основой их формирования является именно законодательство, выполняющее роль примата. А оно имеет тенденцию к переменам. Более того, существуют и различные подходы к пониманию явки с повинной с позиции отраслевого абстрагирования, в связи с чем наиболее верным в нашем исследовании является опора на действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан.

Именно поэтому сразу нужно обратить внимание на то, что в контексте существующего уголовно-процессуального законодательства под явкой с повинной законодатель понимает личное, добровольное, письменное или устное сообщение лица к органу уголовного преследования о совершенном или готовящемся им уголовном правонарушении, когда это лицо еще не признано подозреваемым либо оно не задержано по подозрению в совершении данного уголовного правонарушения [11; 136].

Именно эта трактовка является основой для обсуждения, множества замечаний и предложений. Итак, исходя из данного толкования, в понятии явки с повинной можно выделить следующие ее критерии:

- личность — как элемент непосредственного участия;
- добровольность — как элемент волевого отношения;
- письменность или устность — как элемент формы;
- адресность — как указание на субъект, который принимает явку с повинной;
- противоправность — как элемент, указывающий на совершенное или готовящееся к совершению лицом (лицами) преступление;
- статус — как указание на отсутствие у заявляющего лица статуса подозреваемого.

При этом личность, как критерий, предполагает факт того, что о совершенном преступлении лицо заявляет лично и является автором признания. Сей факт указывает на то, что явку с повинной нельзя осуществить посредством поручения, вторым лицом, даже в случаях немощности. Вместе с тем вполне вероятны случаи, когда такого рода признания делаются лицом опосредованно, что связано с физическим состоянием заявителя либо отсутствием его в месте приема заявления. Он может

быть болен, быть в командировке. Известны случаи, когда такие заявления делаются в предсмертных записках, благодаря чему вообще и удается установить факт совершения преступления. Другими словами, в данной ситуации предсмертная записка с признанием в совершении преступления является единственным источником установления преступления. Считать такую записку чем-то иным, кроме как добровольным признанием, явкой с повинной, наверное, нельзя. Кроме того, нельзя исключать и случаи, когда заявления о явке с повинной делаются в открытых средствах массовой информации, при фактическом нахождении лица в месте проведения расследования. В указанной ситуации лицо вполне осознанно записывает признание о совершенном правонарушении и публикует его в средствах массовой информации, что выражает его волеизъявление в необходимости начала производства расследования по данному факту. Поэтому мы полагаем, что в данном случае личное сообщение и «личность» как критерий предполагают то обстоятельство, что лицо лишь лично выражает свою волю в обнародовании факта правонарушения. Способ же доведения сей информации до правоохранительных органов не имеет значения и может быть опосредованным, т.е. посредством предоставления документов, фотографий, видеозаписей, открытых заявлений, прочих фактов, явно указывающих на совершение преступления заявителем.

Критерий добровольности является наиболее простым в понимании и исключает двойные трактовки ввиду самого понятия добровольность, предполагающего осознанное, мотивированное поведение, исключающее принуждение.

Критерий письменности предполагает обязательную фиксацию признания о совершенном правонарушении в письменной, графическо-литерной форме либо изложение самого признания устно и непосредственно лицу, уполномоченному для принятия такой явки. Описание этого критерия предполагает два нюанса. Первый из них связан с языком изложения явки. Этот элемент имеет отношение и к устной, и к письменной форме подачи явки. При этом, признавая многонациональный характер нашей страны, можно допустить, что языком явки должен являться либо казахский, либо русский язык. Однако составление явки на этом языке, исходя из общих процессуальных гарантий, предполагает участие переводчика, которого на этом этапе привлекать никто не обязан. Логически, заявитель о явке с повинной, гипотетически относящийся к стороне защиты, также не должен обеспечивать такой перевод. В таком контексте следует предположить ситуацию, когда явка с повинной может остаться без должного внимания. Данная проблема требует своего разрешения.

Следующим элементом является адресность, которая предполагает тот факт, что явка с повинной должна быть обращена к компетентным органам, уполномоченным для производства по правонарушениям той или иной категории дел.

Вместе с тем изучение этого элемента позволяет смоделировать такие ситуации, которые связаны либо с неправильным обращением в тот или иной орган, либо с обращением о явке с повинной в средствах массовой информации. Ибо для простого заявителя, возможно, «рабоче-крестьянского» происхождения, либо слабоумного, либо для иностранца, знания о подследственности могут быть неизвестными. Поэтому обращение такого лица о явке с повинной, прежде всего, выражая волю этого лица, может быть лишено этой самой адресности. Данный факт может предполагать два следствия. Первое из них связано с тем, что о факте совершенного преступления могут быть осведомлены лица, органы, вовсе не имеющие отношения к борьбе с преступностью. Второе может быть связано с тем, что критерий адресности на самом деле не имеет никакого значения, ввиду обязанности лица, государственного служащего сообщить об известном ему преступлении компетентным органам. В последнем случае государство посредством добросовестности своих служащих нивелирует недостаток, связанный с незнанием обывателями структуры правоохранительных органов. Более того, такой концепт тем более интересен, что в ряде случаев правоприменитель имеет дело со случаями заявления о преступлениях посредством средств массовой информации, обнаружение в которых сведений о преступлении само по себе является основанием для производства по делу. Единственным обязательным элементом в данном случае должен являться сам факт обращения лица с явкой в государственные органы или средства массовой информации.

Следующим критерием, подлежащим рассмотрению в контексте анализа явки с повинной, является критерий противоправности, предполагающий, что заявление о явке должно содержать информацию о совершенном или готовящемся им уголовном правонарушении. Изучение данного критерия позволяет утверждать, что он носит объективный характер, подлежащий оценке со стороны лица, осуществляющего производство по делу, поскольку понимание ситуации со стороны заявителя или лица, осуществляющего прием явки, может отличаться от действительного. С учетом того обстоя-

тельства, что квалификацию действий лица осуществляет лицо, проводящее расследование, позиции заявителя и прочих лиц носят, в лучшем случае, предваряющий характер. Вместе с тем возникает вопрос об оценке произошедшего события с позиции самооговора, по той же причине непонимания тонкостей юридической квалификации либо ошибочности восприятия. При этом вопрос не является личным, ибо проверка такого заявления занимает силы и средства государственного бюджета. Заметим, что настоящий вопрос стоит на стыке проблем ничтожности точки зрения о событии с позиции заявителя, нивелирующего ошибки в понимании явки с повинной самим заявителем и вероятностью умышленного введения в заблуждение с его стороны, являющегося наказуемым деянием. Основа такого добросовестного заблуждения строится на субъективном восприятии событий, зачастую зависящем даже и от особенностей организма, физического состояния лица, к примеру, плохо слышащего или видящего, либо особенном психическом состоянии восприятия, оценка которого со стороны третьих лиц тоже может носить глубоко специальный характер. Другими словами, любая оценка события является глубоко субъективным процессом. Здесь особенности оценки этого события минимум тремя лицами (заявитель, лицо, принимающее заявление, лицо, квалифицирующее действия), а в ряде случаев и большим количеством лиц (прокурор, суд) предполагают разницу в оценке события. В данном случае вопрос осложняется именно трактовкой, указывающей на уголовное правонарушение, которое граничит с административным и гражданским деликтом. При этом такая разница может быть основанием для признания заявления лица явкой с повинной или непризнанием ее в качестве таковой в суде, а соответственно и мере ответственности заявителя.

Анализ указанных нами элементов завершает описание критерия статуса как указания на отсутствие у заявляющего лица статуса подозреваемого. Настоящий элемент выражает факт того, что по поводу обстоятельств, указанных в явке с повинной, заявитель уже не привлечен к уголовной ответственности. В формулировке законодателя речь идет о случаях, «когда это лицо еще не признано подозреваемым, либо оно не задержано по подозрению в совершении данного уголовного правонарушения» (ч. 1 ст. 182 «Явка с повинной» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан). Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на разницу между данной формулировкой и смыслом включения данного элемента в структуру явки с повинной, которая заключается в том, что формулировка законодателя исключает случаи явки с повинной, когда лицо уже осуждено за данное правонарушение. Однако такое осуждение было основано на ложных или малоизученных фактах. Следствием такой малой изученности, как правило, является возобновление дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Здесь заявитель признается в том, что, будучи осужденным по данному факту, он утаил от суда обстоятельства, могущие повлиять на переквалификацию совершенного им деяния. Этот пример показывает, что формулировка ст. 182 «Явка с повинной» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, указывающая на то, что заявитель не должен находиться в статусе подозреваемого или быть задержанным за правонарушение, указанное в явке с повинной, на самом деле, как и в случае с осуждением, не имеет значения. Такой вывод основан еще и на предположении о том, что лицо может заявить о совершении правонарушения уже и после того, как является подозреваемым или задержано по подозрению в инкриминируемом ему правонарушении. При этом такое заявление может быть основой для изменения квалификации рассматриваемого правонарушения, уточнения роли лица в совершении правонарушения. К примеру, данное уточнение может привести к тому, что из статуса пособника в совершении правонарушения лицо может «перейти» в статус организатора или исполнителя, что не может не являться случаем ухудшения его положения, и соответственно, свидетельствует о том, что действия заявителя о явке с повинной осознанны и указывают на его желание понести более тяжкое наказание.

Структура настоящей статьи, предполагающей дедукцию состояния нормы теоретического их состояния, делает нужным следующий этап проводимого исследования, заключающийся в выводах следующего уровня абстракции.

Явка с повинной технически ухудшает возможности успешной защиты лица и предполагает, с большой долей вероятности, его осуждение, изменение социального статуса заявителя. Одновременно в идеальном выражении она свидетельствует о раскаянии и является смягчающим вину обстоятельством. Такая противоречивая дихотомия, будучи парадоксом желания раскаяться, найти сочувствие и необходимость нести ответственность, не может не влиять на мотивацию явки с повинной, а как следствие, и на ее юридическое значение и процедуру ее осуществления.

Явка с повинной является осознанным выражением лица и не может быть случайной.

Явка с повинной имеет юридическое значение даже в случае безличной подачи или смерти заявителя.

Продолжение исследования сущности явки с повинной в уголовном процессе Республики Казахстан строится на анализе двух последующих частей ст. 182 «Явка с повинной» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Обе они имеют значение в контексте рассмотренных выше проблем. Вместе с тем детализация этих вопросов и само обособление их в соответствующих частях предполагают и их отдельное рассмотрение. Это связано, прежде всего, с методологией представленной статьи, заключающейся в изучении фактологии норм.

Итак, часть вторая описываемой статьи указывает на то, что «устное заявление принимается и вносится в протокол в порядке, установленном частью второй ст. 181 настоящего Кодекса». При этом сама часть вторая ст. 181 «Заявление, сообщение об уголовном правонарушении» описывает порядок закрепления устного заявления посредством протокола. Текстуально ее содержание имеет следующий вид: «Устное заявление об уголовном правонарушении заносится в отдельный протокол его принятия, который должен содержать сведения о заявителе, месте его жительства или работы, а также документе, удостоверяющем его личность. Протокол подписывается заявителем и должностным лицом, принявшим заявление.

Устное заявление, сделанное при досудебном расследовании или в ходе судебного разбирательства, вносится в соответствующий протокол следственного действия или в протокол судебного заседания».

Как видно из текста указанных норм, обособление описания порядка приема устного заявления не разрешает основной проблемы, связанной с отсутствием законодательной возможности дистанционного, опосредованного или безличного заявления о явке с повинной. Вновь обсуждая настоящий вопрос, следует заметить, что различного рода дистанционные процедуры участия в уголовном процессе имеют ярко выраженную тенденцию в новом уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Такая тенденция ярко выражена и в правилах заочного судопроизводства, в части вынесения приговора в отсутствие обвиняемого. Яркими ее примерами следует считать и статьи, посвященные регуляции дистанционного допроса (см. ст. 213 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос). Вместе с тем вполне очевидно, что сама идея минимизации затрат уголовного судопроизводства, заложенная законодателем посредством выражения данной тенденции, не получила своего должного развития в нормах о явке с повинной. При этом все логические условия такого развития налицо. Полагаем, что в существовании настоящей нормы в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан нет смысла, и она должна быть исключена из него.

В заключение, обратимся к части третьей ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Явка с повинной», анализ которой завершает представленное исследование. Так, согласно ее содержанию, «если при явке с повинной в заявлении указываются соучастники уголовного правонарушения, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос».

Изучение настоящего пункта свидетельствует о двойных стандартах в контексте понимания принципа презумпции невиновности в отечественном законодательстве. Ранее мы уже рассматривали данную проблему на страницах научной печати [12; 51]. Это связано с самим фактом того, что традиционно подозреваемый, обвиняемый, подсудимый могут защищаться любыми доступными им средствами и не несут ответственности за дачу ложных показаний. Более того, в ряде случаев такое предупреждение не имеет смысла, поскольку при определении наказания такое исчисляется методом поглощения менее тяжкого более тяжким, в связи с чем говорить о том, что это предупреждение будет иметь смысл, видимо, нецелесообразно. Нельзя забывать и о том, что это делает сложным всякие дистанционные формы явки с повинной, о которых мы говорили выше. Думается, что в существовании настоящей нормы в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, как и в случае с частью третьей обсуждаемой статьи, нет смысла, и она однозначно должна быть исключена из данного Кодекса.

Настоящие выводы предполагают индуктивное изменение ч. 1 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Явка с повинной» с представлением ее в следующем виде: «Явка с повинной — это добровольное, письменное или устное, сообщение лица правоохранительному органу, а также в средствах массовой информации о совершенном или готовящемся

им уголовном правонарушении, когда это лицо еще не признано подозреваемым, либо оно не задержано по подозрению в совершении данного уголовного правонарушения, либо в связи сообщением ранее неизвестных фактов вины лица, влияющих на квалификацию и степень вины заявителя».

Полагаем, что часть вторая и третья ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Явка с повинной» могут быть исключены из сего Кодекса.

В целом же по результатам исследования явки с повинной как элемента уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан следует сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения данного явления как отдельного института в соотношении с прочими институтами уголовно-процессуального права.

Список литературы

- 1 *Бирюков А.В.* Явка с повинной: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2000. — 192 с.; *Пронин В.А.* Явка с повинной. — М.: Юрид. лит., 1985. — 107 с.; *Яджин Н.В.* Психология явки с повинной и тактика проверки заявления явившегося: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 1998. — 191 с.; *Коломеец В.К.* Повинная в российском уголовном и процессуальном законодательстве (1845–2001). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 100 с.; *Классен М.А.* Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Челябинск, 2012. — 28 с.
- 2 *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. и предисл. Г. Тевзадзе; Гл. редкол. по худож. пер. и лит. взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. — Тбилиси, 1989. — 713 с.
- 3 См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. — М.: Спарк, 2002. — 991 с.; *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002. — 832 с.; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2002. — 896 с.
- 4 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. — М.: Изд-во «Экзамен XXI», 2002. — 864 с.
- 5 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2002. — 896 с.
- 6 *Баранов А.М., Марфицин П.Г.* Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов: Учеб.-справ. пособие. — Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1997. — 83 с.
- 7 Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 858 с.
- 8 *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. — 2-е изд. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — 334 с.
- 9 Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юристъ, 2001. — 1272 с.
- 10 *Шумилов А.Ю.* Оперативно-розыскная энциклопедия. — М.: Изд-во Шумиловой И.И., 2004. — 364 с.
- 11 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Практик. пособие. — Алматы: Изд-во «Норма-К», 2014. — 368 с.
- 12 *Кенжетаев Ч.Д.* Отказ от дачи показаний стороной защиты, как часть принципа презумпции невиновности (переосмысление сущности) // Динамика современной науки — 2014.: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. 17-25.07.2014. — София: Бял ГРАД-БГ (Болгария), 2014. — Т. 4: Закон. Политика. — С. 47–53.

Ч.Д.Кенжетаев

Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалды кодексіндегі кінәсін мойындап келу алдын ала тергеуді бастауға себеп ретінде (түсіну мәселелері)

Мақалада кінәсін мойындап келуді сипаттайтын Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалды кодексі нормаларының нақты жағдайын қылмыстық іс жүргізу жалпы теориясының ережелеріне сай еместігі туралы сұрақтар қарастырылуда. Автор кінәсін мойындап келудің белгілерін анықтаудағы күрделі сұрақтарын, оның элементтерін зерделеді, зерттеуде дедуктивті әдісті қолданып, оларды егжей-тегжейлі сипаттады. Зерттеу нәтижелері бойынша ол Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процессуалды кодексіндегі 182-баптың «Кінәсін мойындап келу» әлі толық жетілдірілмегендігін байқап, өзгерістер енгізудің қажеттілігіне тұжырымдама жасады.

Ch.D.Kenzhetaev

**Giving oneself up as an excuse to the top of the pre-trial investigation
the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan
(the problem of understanding)**

The article deals with the general theory of non-compliance of the provisions of the criminal process to the actual state of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan describing a confession. Author discussing complex issues of establishing criteria surrender, its elements, describes them in detail using the deductive method of investigation. The study author concludes on unique imperfection analyzed norms need to change Article 182 «voluntary surrender» of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

References

- 1 Birukov A.V. *Voluntary surrender: dissertation of the candidate of legal sciences*: 12.00.09, M., 2000, 192 p.; Pronin V.A. *Voluntary surrender*, M.: Legal literature, 1985, 107 p.; Yadzhin N.V. *Psychology surrender and tactics who appeared to verify the statements: dissertation of the candidate of legal sciences*: 12.00.09, M., 1998, 191 p.; Kolomeec V.K. *Obey in the Russian criminal and procedural law (1845–2001)*, Ekaterinburg: Publisher of the Ural University, 2001, 100 p.; Klassen M.A. *The turnout of guilt in the criminal trial of Russia: dissertation of the candidate of legal sciences*: 12.00.09, Chelyabinsk, 2012, 28 p.
- 2 Heidegger M. *Being and Time*, translated from the German by G. Tevzadze and preface; Main editorial board of literary translation and literary relationships of the Union of Writers of Georgia, Tbilisi, 1989, 713 p.
- 3 *Look: Scientific-practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / under total*, edit. V.M. Lebedev; Research. Ed. V.P. Bozhyev, M.: Spark, 2002, 991 p.; Bezlepkin B.T. *Comment to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (itemized)*, M.: ООО «VITREM», 2002, 832 p.; *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Edited. I.L. Petrukhin*, M.: LLC «TK Welby», 2002, 896 p.
- 4 *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / under total*. Ed. V.V. Mozyakov, Moscow: Publ. house «Exam XXI», 2002, 864 p.
- 5 *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*, Edit. I.L. Petruhin, Moscow: LLC «TK Welbi», 2002, 896 p.
- 6 Baranov A.M., Marfitsin P.G. *Glossary of basic criminal procedure concepts and terms: teaching handbook*, Omsk Law Institute of the Russian Interior Ministry, 1997, 83 p.
- 7 *Big Law Dictionary*, under total. edit. A.Ya.Suharev, 3-rd edition, revised and supplemented, Moscow: INFRA-M, 2009, 858 p.
- 8 Belkin R.S. *Forensic encyclopedia*, 2-rd edition, Moscow: Megatron XXI, 2000, 334 p.
- 9 *Legal encyclopedia / Contributing editor B.N. Topornin*, Moscow: Urist, 2001, 1272 p.
- 10 Shumilov A.U. *Police searching encyclopedia*, Moscow: Publ. Shumilova I.I., 2004, 364 p.
- 11 *The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: a practical guide*, Almaty: «Publ. house «Norma-K», 2014, 368 p.
- 12 Kenzhetaev Ch.D., *The dynamics of modern science — 2014: materials X International scientific-*

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Akhmetov, A.S.** — PhD, Associate professor, Pavlodar Pedagogical State Institute.
- Akimzhanova, M.T.** — Master of Law, Senior teacher of the civil and labor law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Ayupova, Z.K.** — Doctor of Law science, Professor of International law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.
- Badanova, M.** — PhD candidate, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Baltabayev, S.A.** — Candidate of juridical sciences, B.Beisenov Karaganda Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan.
- Botagarin, R.B.** — PhD candidate, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Bozhkarauly, A.** — Candidate of juridical sciences, Associate professor, Department chair of the constitutional and international law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Complak, K.** — Doctor of Law, Professor school of Law, Administration and Economy, Wrocław University, Poland.
- Gancheski, B.G.** — Doctor of Psychology, Professor in the academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bulgaria.
- Иlyassova, G.A.** — Candidate of juridical sciences, Associate professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Kenzhetaev, Ch.D.** — Doctor of juridical sciences, Associate professor of «Legal Discipline», the Academy of Economics and Law, Almaty.
- Kondratiev, I.V.** — Candidate of juridical sciences, Associate professor of preliminary investigation of crimes, B.Beisenov Karaganda Academy of MIA Republic of Kazakhstan.
- Kozhakhmetov, G.Z.** — Dean of Law, Doctor of juridical sciences, Professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Kusbekov, D.K.** — Candidate of Philosophy, Associate professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Kussainov, D.O.** — Doctor of Philosophy, Professor of socio-humanitarian disciplines, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty.
- Mashabayev, A.Zh.** — Candidate of legal sciences, Department chair of the Criminal Law and Criminology, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Mulkubaeva, Sh.R.** — Master of Law, Senior teacher of the civil and labor law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Musilimova, K.S.** — Candidate of juridical sciences, Professor the constitutional and international law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Otarbaeva, A.T.** — PhD candidate, Ye.A.Buketov Karaganda State University.
- Razzak, N.** — Candidate of juridical sciences, The Chairman of the Specialized interdistrict juvenile court, Astana.
- Rustembekova, D.K.** — PhD, Senior teacher of the constitutional and international law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Saytbekov, A.M. — Candidate of juridical sciences, Deputy chief, B.Beisenov Karaganda Academy of MIA Republic of Kazakhstan.

Starozhilova, N.P. — Senior teacher of constitutional and international law, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Tsvetanov, I. — PhD, Associate professor, South-West University «Neofit Rilsky», Blagoevgrad, Bulgaria.

Zhakupov, B.A. — Candidate of jurisprudence, Associate professor of criminal procedure chair, B.Beysenov Karaganda academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.

Zhamiyeva, R.M. — Candidate of jurisprudence, Associate professor, Department chair of the criminal procedure and criminalistics, Ye.A.Buketov Karaganda State University.